Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 2 Шкафъ 19
Полка 2 № 8

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

Западно-Сибирскаго Отдѣла

Императорскаго Русскаго

Географическаго Общества

п. 25971.

Выпускъ III-й.

Библіотека
Географическаго
Общества
Союза ССР

Семипалатинскъ.
Типо-Литографія Торг. Дома „П. Плещеевъ и Ко“.
1907.

РУССКІЕ и КИРГИЗЫ

ВЪ ДОЛИНѢ

ВЕРХНЕЙ БУХТАРМЫ.

(Матеріалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края).

Заселеніе Бухтарминской долины русскими поселенцами—всего лишь одна маленькая страничка изъ многотомной исторіи движенія русскаго племени на востокъ,—но страничка полная своеобразности въ зависимости хотя бы отъ однихъ условій времени: въ XIX стол. колонизація отдаленныхъ окраинъ не могла происходить въ такихъ же формахъ и въ такой-же обстановкѣ, какъ напримѣръ, въ XII или XVI вѣкѣ. При всей своей своеобразности однако и на ней лежитъ тотъ-же отпечатокъ: переселенческое движеніе въ значительной степени столь-же стихійно, и туземцу, вытѣсняемому съ насиженныхъ мѣстъ, приходилось крайне дорого расплачиваться за свою неспособность задержать это движеніе, за тѣ дары, что приносила (не вѣрнѣе-ли: навязывала?) ему русская культура. Не говоря уже о т. наз. самовольномъ заселеніи алтайскихъ горъ и долинъ, но даже въ колонизаціи, вызванной по иниціативѣ правительства и регулируемой по указаніямъ администраціи,—даже и тамъ постоянно чувствуется, какъ правительству сплошь и рядомъ приходилось считаться съ фактами и явленіями непредвидѣн-

ными или прямо нежелательными, какъ сила вещей почти всегда оказывалась могущественнѣе предначертаній и програмныхъ предположеній. Что-же собственно до «культуры», то, какъ показываетъ вся наша исторія, она досталась, чуть-ли не всѣмъ инородческимъ племенамъ, дѣйствительно, дорогой цѣною. Нѣкоторыя изъ нихъ—(чтобъ не ходить очень далеко за примѣромъ, укажемъ на пріуральскихъ башкиръ) и до сихъ еще поръ съ полнымъ правомъ могутъ сомнѣваться, окупилась-ли принесенная ими жертва дарованными взамѣнъ ея «благами цивилизаціи». Въ частности, что касается инородцевъ Бухтарминской долины, судьбѣ которыхъ посвященъ настоящій очеркъ, то они слишкомъ еще недавно вошли въ непосредственное и культурное соприкосновеніе съ русской жизнью, чтобъ можно было уже теперь давать законченные выводы и говорить о результатахъ этого соприкосновенія, какъ о чемъ либо завершенномъ. Но именно потому что процессъ пріобщенія бухтарминскихъ киргизовъ къ русской культурѣ начался для нихъ еще недавно, въ немъ такъ много шероховатостей и болѣзненныхъ проявленій, и потому не слѣдуетъ удивляться, если одинаково и въ сознаніи туземца, и въ глазахъ посторонняго наблюдателя ярче подчеркиваются темныя, отрицательныя стороны соприкосновенія двухъ культуръ: положительные результаты возможны лишь впереди. Вотъ почему надо постоянно имѣть въ виду, что факты, наблюдаемые за послѣднія 30—50 лѣтъ въ Бухтарминской долинѣ, есть лишь моментъ въ развитіи явленія, далеко еще не законченнаго, даже только лишь начатаго. Помнить это необходимо хотя-бы уже для того, чтобы не слишкомъ сгустить тѣни и не выйти изъ роли спокойнаго наблюдателя и объективнаго изслѣдователя. Но кто бы рѣшился утверждать, что наблюдаемый процессъ есть явленіе неизбѣжное и что для практическаго дѣятеля онъ даетъ достаточное основаніе держаться старыхъ пріемовъ въ насажденіи русской культуры среди инородцевъ? И зачѣмъ лишать исторію драгоцѣннаго дара—указаній на допущенныя ошибки и предупрежденія отъ ихъ повторенія?..

Писать исторію заселенія русскими людьми южныхъ окраинъ нынѣшней Семипалатинской области пока еще не наступило время, и не только потому, что событія слишкомъ свѣжи и близки къ намъ, но и потому что необходимый для такой исторіи матеріалъ далеко еще не собранъ, не приведенъ въ извѣстность, остается пока совершенно не обслѣдованнымъ. Вотъ почему мы особенно подчеркиваемъ формулу названія настоящаго очерка: въ дальнѣйшемъ изложеніи предложена будетъ не исторія, а, дѣйствительно, лишь одни *матеріалы* для нея, простой сводъ данныхъ, большею частью въ необработанномъ или въ полусыромъ видѣ, —данныхъ, по которымъ, если и прошлась рука изслѣдователя, то слегка и осторожно. Мы вездѣ старались, по возможности, предоставить говорить за себя самимъ документамъ. Къ этому побуждали насъ также и нѣкоторые пробѣлы въ матеріалахъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи, а это послѣднее обстоятельство, конечно, лишало возможности рисовать цѣльную и вполнѣ законченную исторію заселенія Бухтарминской долины. Ограничиться ролью простого пересказчика казалось необходимо также еще и потому, что самый вопросъ о заселеніи южныхъ окраинъ Семипалатинской области разсматривается во настоящемъ очеркѣ далеко не во всемъ его объемѣ: мы сосредоточили свое вниманіе исключительно лишь на верхней долинѣ р. Бухтармы, куда правительственная колонизація проникла не ранѣе 60-хъ годовъ прошлаго XIX-го столѣтія. Сознательно ограничивая районъ своего наблюденія, мы тѣмъ, конечно, заранѣе обрекли себя на меньшую полноту своихъ выводовъ; и уже по одному тому не сочли-бы себя въ правѣ предлагать настоящій трудъ въ качествѣ историческаго изслѣдованія. Но мы надѣемся, что онъ послужитъ небезполезнымъ пособіемъ для тѣхъ, кто рано или поздно возьмется за перо, чтобы разсказать исторію русскаго колонизаціоннаго движенія на южныя окраины Сибири. Къ тому-же меньшій районъ наблюденія всегда обладаетъ однимъ цѣннымъ преимуществомъ: онъ позволяетъ интенсивнѣе сосредоточить фокусъ зрѣнія, подробнѣе остановиться на деталяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не такъ разбросаться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ, что особенно важно именно въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ Бухтарминской долинѣ и безъ того чрезвычайно выпукло высту-

паетъ разнообразіе и сложность дѣйствующихъ факторовъ: крестьяне и казаки; киргизы русскіе и киргизы китайскіе; интересы Кабинета Его Величества и административная черезполосица,—все это хаотически переплелось самыми спутанными узлами и, чтобы распутать ихъ, требуется не мало вниманія и напряженія.

Матеріалами для настоящей работы послужили дѣла и архивъ Канцеляріи Степного генералъ-губернатора и особенно Семипалатинскаго Областного Правленія. Считаемъ особенно пріятнымъ для себя долгомъ выразить Семипалатинскому Областному Статистическому Комитету нашу глубокую благодарность за широкое содѣйствіе въ доставленіи необходимыхъ матеріаловъ, что весьма и существенно облегчило нашу работу.

I.

Горы и долины Южнаго Алтая увидали у себя русскихъ пришельцевъ еще съ половины XVIII столѣтія. Сюда постоянно убѣгали съ казенныхъ заводовъ и рудниковъ приписные рабочіе и крестьяне, спасаясь отъ невыносимаго гнета и поистинѣ каторжной жизни; здѣсь старовѣръ, оскорбленный въ лучшихъ и наиболѣе завѣтныхъ чувствахъ, искалъ простора и свободы для выраженія религіознаго настроенія; наконецъ, въ этомъ малолюдномъ краю, вдалекѣ отъ правительственныхъ глазъ, надѣялись укрыться разные ссыльные, бѣглые изъ тюремъ и съ каторги, или просто преступники, которымъ грозило наказаніе, а скитаніе впроголодь по лѣснымъ дебрямъ, съ вѣчной опасностью быть убитымъ или растерзаннымъ, казалось все-же лучшимъ исходомъ, чѣмъ кандалы и рваныя ноздри. По нижнему теченію р. Бухтармы и по глухимъ ущельямъ сосѣднихъ горныхъ отроговъ выросли десятки поселеній т. наз. *каменщиковъ*, и не одну легковѣрную, пылкую голову увлекли въ свою заманчивую даль неизвѣданныя «Бѣлыя воды»—это фантастическое царство свободы, гдѣ нѣтъ ни полицейскихъ властей, ни никоніанской церкви, гдѣ не платятъ податей и гдѣ

Господь Богъ щедрой рукою разсыпалъ всякаго добра на поживу человѣка. Кое-гдѣ мѣстами стали выдвигаться и укрѣпленные форпосты; для охраны государственной границы отъ зарубежныхъ инородцевъ правительство сочло нужнымъ поставить казачьи станицы и пикеты. Такимъ образомъ коренное киргизское населеніе постепенно отодвигалось на югъ или, оставаясь на мѣстѣ, тѣснилось, чтобы дать мѣсто новымъ пришельцамъ. Въ земельныхъ отношеніяхъ господствовала полная неопредѣленность и безурядица, сказывавшаяся тѣмъ сильнѣе, что про многихъ изъ пограничныхъ киргизовъ нельзя было опредѣленно сказать, чьи они подданные, русскаго или китайскаго правительствъ: они платили дань и тому и другому; вѣдались, напримѣръ, въ Кокпектинскомъ приставствѣ и въ то-же время разсматривались, какъ «невѣрноподданные». Сами-же киргизы, будучи далеки отъ соображеній международнаго права, не особенно интересовались этимъ вопросомъ, такъ какъ и раньше, до прихода русскихъ, мало имѣли дѣла съ китайцами; но зато мѣста, гдѣ прежде стояли ихъ кочевья, они продолжали и теперь считать своими, все равно, приходились-ли они оффиціально на русской или китайской территоріи. Излишне говорить, какой богатый источникъ недоразумѣній и всякаго рода столкновеній заключался въ такомъ порядкѣ вещей.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ проникла русская колонизація въ Южный Алтай. «Въ силу топографическихъ условій и географическаго положенія Бухтарминской долины, ея заселеніе совершалось, какъ и слѣдовало ожидать, съ запада на востокъ, вверхъ по теченію рѣки. Сначала была занята только нижняя часть долины; съ 1827 г. мы проникаемъ уже на среднее и верхнее теченіе рѣки, но владѣемъ имъ еще совмѣстно съ китайцами, вплоть до 1864 г. р. Бухтарма составляетъ нашу государственную границу, пока Чугучакскій договоръ не передалъ Россіи и лѣваго берега. Только съ этого времени долина стала русскою во всемъ ея объемѣ.»*) Но въ то время, какъ *мы* задолго еще до 1864 года начали претендовать на лѣвый берегъ, *туземное* населеніе продолжало и пра-

*) Русскія поселенія за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ. Изъ Записокъ „Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. XXV. Омскъ 1898, стр 26.

вый считать своимъ. Уже почти наканунѣ Чугучакскаго соглашенія изъ-за этого праваго берега у киргизовъ съ русскими властями возникло серьезное столкновеніе, окончившееся мирно, кажется, только потому, что обѣ стороны, и всего болѣе русскія власти, пошли на уступки.

26 марта 1863 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири Дюгамель распорядился немедленно удалить за китайскіе караулы всѣхъ не подданныхъ намъ киргизовъ, кочевавшихъ около р. Берели и по сѣверному берегу р. Бухтармы, такъ какъ киргизы эти самовольно перешли въ наши предѣлы, «заняли земли, издавна принадлежавшія русскимъ» и притѣсняли крестьянъ, ходившихъ въ эти мѣста на звѣриные промыслы. Согласно данному предписанію, уже въ маѣ 1863 г. киргизы, кочевавшіе по правому берегу Бухтармы, между пикетомъ Чингистай и р. Калмачихою, были, дѣйствительно, удалены, за исключеніемъ впрочемъ 5 ауловъ Каратаевской и Самайской волостей.(*) Выселеніе киргизовъ отозвалось на нихъ очень тяжело. Кобдосскій хэбэй—амбань такъ говорилъ объ этомъ въ своемъ донесеніи китайскому правительству:

Въ 5-й лунѣ (т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ) начальникъ пограничнаго караула Чингистай, тѣлохранитель Дэ-шань, донесъ мнѣ, что русскіе выгнали съ сѣвернаго берега р. Бухтармы издавна кочевавшихъ тамъ киргизовъ на южный берегъ, такъ что тѣ лишились своихъ кочевьевъ и, прибывъ къ караулу, поселены были кое-какъ вмѣстѣ съ другими на подвѣдомственныхъ караулу мѣстахъ, именно къ сѣверу отъ караула Укокъ. Вслѣдъ затѣмъ одинъ офицеръ Бѣлаго Царя вмѣстѣ съ 60 вооруженными русскими прибылъ къ нашему караулу и также выгналъ изъ ихъ кочевьевъ тѣхъ киргизовъ, что кочевали въ Хартаѣ(?), къ сѣверу отъ пограничнаго поста. Тогда отправленъ былъ къ русскому офицеру чиновникъ для объясненій,—съ предложеніемъ воротиться назадъ и разрѣшить киргизамъ жить по прежнему на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи, пока не будутъ поставлены пограничные знаки. Русскій офицеръ отвѣчалъ, что онъ вернется только съ наступленіемъ зимы, когда выпадетъ снѣгъ. Затѣмъ начальникъ племени Турботовъ 22 чи-

(*) Донесеніе семип. губернатора Панова генералъ-губернатору З. Сибири 31 мая 1863 г.

сла 7 луны (20 августа) донесъ также, что въ его владѣнія на сѣверо-западной границѣ около Укока перешли кочевать киргизы, въ числѣ болѣе тысячи кибитокъ, что за ними предписано наблюдать и быть готовымъ предупредить возможные безпорядки. Но такъ какъ вслѣдствіе давняго кочеванія киргизовъ у праваго берега Бухтармы мѣстность эта стала для нихъ какъ бы второй родиною, а между тѣмъ русскіе, удаливъ ихъ оттуда, лишили пристанища, то я считаю необходимымъ предложить министерству обратиться къ живущему въ Пекинѣ русскому сановнику съ покорнѣйшею просьбою сообщить г. генералъ-губернатору Западной Сибири, чтобъ онъ предписалъ русскимъ, поселившимся теперь около караула Чингистай, возвратиться обратно.

Пекинское правительство, получивъ (24 сентября 1866 г.) это донесеніе, немедля (27 сентября) обратилось съ соотвѣтствующей просьбой къ нашему посланнику Влангали, мотивируя ее тѣмъ, что пограничные знаки и столбы пока еще не поставлены, а, главное, возстаніемъ, которое охватило въ ту пору западныя области Китая: «трудно было бы разсказать горькое положеніе несчастныхъ жителей ближайшихъ къ Кобдо мѣстъ, которые бѣгутъ туда при видѣ несчастія, покидая свои жилища. Если-же ко всему этому выгнать изъ кочевьевъ и киргизовъ, лишивъ ихъ пристанища, то можно опасаться, что накопленіе въ одной мѣстности людей въ большихъ массахъ произведетъ недостатокъ въ продовольствіи и спокойствіе на границѣ будетъ нарушено».

Влангали отнесся сочувственно къ просьбѣ пекинскаго правительства, передалъ ее Дюгамелю, а тотъ 12 ноября 1866 г. запросилъ семипалатинскаго губернатора: считаетъ ли онъ возможнымъ исполнить желаніе китайскаго правительства, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, предупреждалъ, что, допустивъ киргизовъ въ наши предѣлы, «слѣдуетъ непремѣнно имъ разъяснить, что земли по сѣверному берегу Бухтармы отводятся имъ не въ постоянное владѣніе, а только во временное пользованіе». Семипалатинскій губернаторъ не нашелъ особыхъ затрудненій къ допущенію киргизовъ и уже 14 января 1867 г. сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія. Къ киргизамъ въ томъ же ян-

варѣ былъ командированъ толмачъ Кокпектинскаго приказа Черкашининъ отобрать отъ нихъ необходимыя подписки[1]).

Такимъ образомъ дѣло окончилось на этотъ разъ благополучно для киргизовъ; имъ удалось отстоять свои старыя мѣста. Но на долго-ли? Мы вскорѣ увидимъ, что ихъ[2]) снова погонятъ съ праваго берега Бухтармы и станутъ водворять на лѣвый. Зато, какъ бы въ отплату за кратковременную льготу, дарованную на правомъ берегу, киргизамъ уже теперь спѣшатъ преподнести счетъ на лѣвомъ берегу—на этотъ разъ впрочемъ не Горный округъ, а крестьяне. Мы говоримъ объ основаніи деревень Медвѣдки и Таловки.

II.

Верстахъ въ 50 къ западу отъ пикета Чингистай, не далеко отъ того мѣста, гдѣ рч. Терсъ-Булакъ, лѣвый притокъ Бухтармы, пересѣкаетъ китайскую дорогу, въ 1866 г. появились русскіе крестьяне, выходцы частью изъ сосѣдней Томской губерніи, частью изъ губерній Европейской Россіи, и стали выкашивать у киргизъ луга, дѣлать порубки, распахали пашни, поставили себѣ жилье, устроили пасѣки. Это были одни изъ передовыхъ застрѣльщиковъ того переселенческаго движенія, которое съ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія и по настоящую пору съ большей или меньшей интенсивностью постоянно даетъ себя чувствовать въ этихъ краяхъ. Еще въ 1861 г. государственный крестьянинъ Іуда Парвовъ, отъ имени 223 душъ м. п., хлопоталъ о о разрѣшеніи переселиться на пустопорожнія мѣста въ 25 верстахъ

[1]) Архивъ Сем. Обл. Правленія дѣло № 8198. Дѣло о границѣ Семипал. обл. съ Томской губ. о подчиненіи Бухтарминскаго края вѣдѣнію областного начальства, т. III. лл. 11—24.

[2]) «Ихъ»—судя по запискѣ Семипалатинскаго вице-губернатора Чернявина, подъ «ними» слѣдуетъ подразумѣвать не тѣхъ, кого изгоняли, а тѣхъ, кого оставили на своихъ мѣстахъ въ 1863 г.—5 ауловъ Каратаевскаго и Самаевскаго родовъ: «Съ проведеніемъ въ 1867 г. въ натурѣ границы съ Китаемъ, временные пришельцы *удалились* въ Китай, а каратаевцы и самаевцы приняли въ 1867 г. подданство на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя они нынѣ (въ 1874 (1875 гг.) занимаютъ, и вошли въ 1871 году въ составъ волостей Нарымской и Чингистайской» См. самую записку Чернявина въ Приложеніяхъ № 5).

отъ дер. Фыкалки, на урочищѣ Теплый Ключъ, что при рч. Черновой и Берели. Разрѣшеніе было дано въ 1865 г; но къ этому времени желанія значительной части просителей успѣли измѣниться: они облюбовали другія мѣста, именно рчч. Таловку (Тнейсу) и Медвѣдку (Терсъ-Булакъ), въ 30 верстахъ отъ дер. Солоновки, причемъ не дожидаясь формальнаго разрѣшенія, идутъ туда, впослѣдствіи ссылаясь на то, что «имъ никто изъ начальниковъ не препятствовалъ заселяться на томъ мѣстѣ». На рч. Таловкѣ ихъ оказалось въ 1866 г. цѣлыхъ 8 дворовъ съ полной осѣдлостью.

Киргизы жаловались, что русскіе сожгли домъ муллы и 5 другихъ, начали обстраиваться и вообще вести себя полными хозяевами; что на уроч. Каратау также выжжено нѣсколько зимовокъ; что тѣснятъ киргизовъ и на урочищахъ Белькарагай и Кульмесъ-Мергень. Другая жалоба (30 апрѣля 1867 г. на имя семипалатинскаго губернатора) шла отъ біевъ Каратаевскаго рода: «Нашъ Каратаевскій родъ»— говорили они — «около 100 лѣтъ постоянно имѣетъ стойбища по урочищамъ противъ Башъ-Караула (китайской дороги) въ Терекъ-чатѣ и съ этого пункта до Чингистая и Урлы... Назадъ тому года 2 или 3 начали появляться въ нашихъ мѣстахъ русскіе крестьяне... отобрали зимовыя наши мѣста, степи выжгли огнемъ, дворы на зимовкахъ остались безъ всякаго присмотра, а насъ самихъ выгнали... Одна часть насъ откочевала въ Маклечаганъ, другая—въ кирѣевскія волости, а мы послѣдніе остались еще на мѣстѣ».

1 мая 1867 г. киргизъ Кашкымбай Орусаевъ, Ергенектинской волости, рода Богай-Буринскаго, подалъ семипалатинскому губернатору жалобу, въ которой излагалъ слѣдующее. Мѣста наши лежатъ около р. Нарыма; на нихъ мы живемъ съ давнихъ поръ, платя ясакъ и ремонтную пошлину за скотъ, выгоняемый въ зимнее время на вашу (т. е. русскую) сторону Нарыма; зимовки-же наши лежатъ на другой (т. китайской) сторонѣ рѣки, причемъ и китайскому правительству мы тоже уплачиваемъ ясакъ. Въ прежнее время русскіе никогда не кашивали у насъ сѣна; но вотъ два года тому назадъ они стали косить и думаютъ прогнать насъ отсюда, т. е. съ Башъ-Караула и съ Орта-Караула. Мы хотѣли было добровольно уйти, да некуда; а мѣстъ, гдѣ

мы кочевали раньше, не отдадутъ здѣшніе киргизы. Насъ 400—500 кибитокъ и большая часть ихъ состоитъ въ русскомъ подданствѣ. Раньше мы жили совмѣстно съ джарымбетовцами Кокджарлинской волости; но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ они начали притѣснять насъ. Съ одной стороны они; съ другой—крестьяне и казаки. Что намъ дѣлать? Если земли, гдѣ мы теперь живемъ, находятся въ русскомъ владѣніи, то просимъ принять насъ въ русское подданство; а если этого нельзя, то припишите къ Кокпектинскому округу на свободныя мѣста.

Надо думать, что киргизы во всѣхъ указанныхъ случаяхъ чувствовали себя совершенно безсильными передъ напоромъ переселенцевъ, такъ какъ массами покидали свои кочевья: 500 кибитокъ выселилось на Укокъ; ушли и 1500 юртъ каратаевцевъ, оставшіяся-же 3000, каратаевскихъ же, кибитокъ собирались тоже уходить, грозя при этомъ одновременно съ уходомъ «уничтожить крестьянъ»[1]).

Такъ возникли двѣ крестьянскихъ деревни Медвѣдка и Таловка на киргизскихъ земляхъ. Мы уже имѣли случай останавливаться на исторіи ихъ возникновенія, и интересующихся подробностями отсылаемъ къ прежней своей статьѣ,[2]) здѣсь же ограничимся лишь однимъ указаніемъ. Основаніе Медвѣдки и Таловки лишній разъ доказываетъ сметку русскаго человѣка, его настойчивость, энергію, его колонизаторскій талантъ, и одновременно, безсиліе инородца противодѣйствовать внѣдренію посторонняго элемента; но не слѣдуетъ забывать, что, въ примѣненіи къ долинѣ р. Бухтармы, яркость и полнота выраженій указанныхъ свойствъ опредѣлялись также причинами и внѣшними: отдаленность глухого края и, рука объ руку съ нею, неповоротливость громоздкой административной машины—вотъ что также въ значительной степени содѣйствовало крестьянамъ нарушать существовавшій порядокъ вещей и въ то же время парализовало усилія администраціи и киргизовъ сохранить этотъ порядокъ ненарушеннымъ. Борьба велась далеко не при равныхъ условіяхъ: переселенцы оставались неуязвимыми въ своихъ дѣйствіяхъ; туземцы—лишенными той помощи, на которую они въ правѣ были надѣяться.

[1]) Архивъ Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 8198. т. III, лл. 1—86.

[2]) Русскія поселенія за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ, стр. 26—31.

1 сентября 1866 г. каратаевцы жалуются на захватъ Терсъ-Булака, но только въ концѣ марта 1867 г. прошеніе ихъ доходитъ до семипалатинскаго губернатора. На запросъ послѣдняго: кто виновенъ въ такомъ замедленіи, Кокпектинскій окружный приказъ оправдывался тѣмъ, что прошеніе поступило 11 января, разрѣшено же въ приказѣ лишь 21 марта, по «недостаточности канцеляріи, а въ особенности въ переводчикахъ, каковыхъ при приказѣ ни одного нѣтъ». Можно заподозривать искренность даннаго объясненія, что, кажется, и сдѣлалъ губернаторъ (Колпаковскій, будущій генералъ-губернаторъ), отправившій свой запросъ въ Кокпекты «съ нарочнымъ на счетъ непремѣннаго члена, секретаря и столоначальника», а, по отвѣтѣ, давшій выговоръ первымъ двумъ; но если даже и признать объясненіе кокпектинскихъ чиновниковъ вполнѣ справедливымъ, то самая обстановка дѣла отъ этого отнюдь не измѣнится. Развѣ можно считать нормальными условія жизни, если прошеніе, которое податель, очевидно, желалъ вручить возможно скорѣе, попадаетъ въ первую инстанцію лишь черезъ 4½ мѣсяца (1 сентября—11 янв.) ?.. Когда тотъ-же Кокпектинскій приказъ поручилъ участковому засѣдателю Гурьеву отправиться на мѣсто и произвести слѣдствіе, то послѣдній отговаривался, ссылаясь на то, что по тракту, гдѣ лежалъ его путь, въ 200 верстахъ отъ Усть-каменогорска, нѣтъ киргизскихъ подводъ; что по неимѣнію казаковъ онъ будетъ лишенъ возможности выдворить самовольно поселившихся крестьянъ; что крестьяне эти иного вѣдомства, Томской губерніи. Въ свою очередь кокпектинскій военно-окружной начальникъ Шелашниковъ, становясь на точку зрѣнія Гурьева, просилъ, нельзя-ли все производство дѣла поручить начальнику 9-го полкового округа. Въ отвѣтъ на это губернаторъ категорически приказалъ (3 февраля 1867 г.): Гурьеву на Терсъ-Булакъ немедленно ѣхать и произвести тамъ слѣдствіе. Однако и тутъ нашлась помѣха: «зимнее время» не дозволило Гурьеву отправиться тотчасъ же.

Не дурно обрисовываетъ обстановку дѣла и слѣдующее обстоятельство. Алтайское Горное Правленіе, подробно разсказывая, въ отвѣтѣ своемъ губернатору (3 іюня 1867 г.) о появленіи русскихъ крестьянъ на рч. Терсъ-Булакѣ, неожиданно ставитъ вопросъ: изъ пере-

писки Горнаго Правленія, не видно, чтобъ кто-нибудь просился на эту рѣчку: гдѣ она протекаетъ? въ Бійскомъ ли уѣздѣ (иначе говоря, въ предѣлахъ ли Горнаго Вѣдомства) или въ Кокпектинскомъ округѣ (Горному Правленію не подвѣдомственномъ)? Та ли это самая, что и рч. Медвѣжья, Медвѣдушка, на которой выразили желаніе поселиться пермскіе крестьяне? [1])

Такимъ образомъ почти черезъ годъ послѣ просьбы киргизовъ еще только справлялись, о какой мѣстности идетъ рѣчь. Понятно, что ранѣе полнаго выясненія этого вопроса, разрѣшать киргизскія просьбы было невозможно; крестьяне же тѣмъ временемъ жили да жили на захваченныхъ мѣстахъ, выживали давность и пріобрѣтали «полную осѣдлость». Когда окончилась переписка о выдвореніи, выдворять стало уже поздно, и административнымъ властямъ волей-неволей пришлось помириться съ совершившимся фактомъ Не мирились лишь тѣ, кто непосредственно терялъ: старые собственники отнятыхъ угодій — киргизы.

Мы видѣли, что шестидесятые годы въ судьбахъ киргизскаго населенія долины верхней Бухтармы отмѣчены серьезными столкновеніями съ Горнымъ Алтайскимъ Правленіемъ и съ переселенцами-крестьянами. Но киргизамъ грозила еще одна опасность, и, пожалуй, даже болѣе грозная, въ лицѣ новыхъ пришельцевъ: казаковъ

III.

Чугучакскій договоръ 1864 г., заключенный съ Китаемъ, ввелъ въ составъ русскихъ предѣловъ довольно значительную территорію: около 25960 кв. верстъ съ 64000 душъ кочевого населенія. Это были долины р.р. верхней Бухтармы, Курчума, озеро Зайсанъ, часть теченія р. Иртыша и мѣстность къ югу отъ Зайсана до хребта Тарбагатай[2]). Присоединеніе неизбѣжно повлекло за собой необходимость

[1]) Архивъ Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8198. т. III лл. 7—8. 25—29, 38, 41, 49—50, 67.

[2]) Бабковъ. Общій взглядъ на устройство русскихъ поселеній въ сѣверо-восточной части Киргизской степи. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общ. 1869, V, № 2. стр. 51.

стратегическаго усиленія государственной границы, вслѣдствіе чего было приступлено къ фактическому закрѣпленію новой пограничной полосы устройствомъ военныхъ поселеній, подобно тому, какъ это дѣлалось и раньше въ Сибири въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ приходилось выдвигать границу и создавать т. наз. *линіи* (исетская, пресногорьковская, иртышская, забайкальская и проч.). Впрочемъ недавно сдѣланъ былъ опытъ устройства въ киргизской степи большихъ земледѣльческихъ колоній (Кокпекты) и искусственныхъ торговыхъ центровъ (Сергіополь), но отрицательные результаты этого опыта теперь снова подсказывали старые пріемы, убѣждая, что при созданіи новыхъ поселеній гораздо лучше держаться болѣе испробованнаго и болѣе оправданнаго способа устройства обычныхъ казачьихъ станицъ и поселковъ средняго размѣра(*). Неудача съ тѣмъ же Сергіополемъ и Кокпектами, гдѣ населеніе собиралось подневольно, указывала иной путь и по отношенію способа привлеченія новыхъ поселенцевъ: имѣлось въ виду вызывать охотниковъ, выдавать имъ пособіе и только уже въ случаѣ недостатка желающихъ прибѣгать къ колонизаціи обязательной.

На первый разъ намѣчены были: область къ югу отъ Чернаго Иртыша, у сѣвернаго подножья хребта Сауръ (гдѣ позже и возникъ Зайсанскій постъ), и долина р. Курчума. Въ январѣ 1867 г. генералъ губернаторъ Западной Сибири генералъ-лейтенантъ Хрущовъ вошелъ въ указанномъ смыслѣ съ представленіемъ въ военное министерство, ходатайствуя объ ассигнованіи съ этою цѣлью единовременной суммы въ 40 т. рублей. Однако соображенія финансовыя помѣшали выполненію проекта Хрущова въ полномъ его объемѣ, министерство затруднялось расходомъ такой суммы, и дѣло пришлось начинать въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, ограничившись на первое время устройствомъ только двухъ станицъ.

Ближайшее знакомство съ краемъ (объѣздъ его лѣтомъ 1868 г. семипалатинскимъ губернаторомъ Полторацкимъ, который въ этомъ году смѣнилъ Колпаковскаго) точнѣе опредѣлило мѣста будущихъ поселеній; именно: на р. Джемини (постъ Зайсанскій) и, вмѣсто Курчума, долина Бухтармы (станица Алтайская). Въ каждомъ пунктѣ предпола-

(*) Бабковъ. 52—53.

галось поселить по 2 офицерскихъ и по 25 казачьихъ семей; каждой семьѣ выдать на первоначальное обзаведеніе единовременнаго пособія: офицерамъ—по 150, казакамъ—по 55 рублей; кормовыхъ на дорогу—по 5 коп. суточныхъ на душу, считая со дня выхода съ мѣста до прихода на мѣсто водворенія, по разсчету прохода 20 верстъ въ сутки. Кромѣ того пособіе заключалось: въ 2 четвертяхъ зерна (по 10 р. за четверть) на обсѣмененіе полей, съ уплатой въ трехлѣтній срокъ, и въ порціонныхъ деньгахъ, по 9 руб. ежегодно въ теченіе 3 лѣтъ, полагая по два порціона на семью, одинаково, служащимъ и неслужащимъ казакамъ. Въ теченіе тоже 3 лѣтъ переселенцы пользовались льготою отъ наряда на службу (кромѣ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда явилась бы надобность защищать собственныя станицы). На мѣстахъ будущихъ поселеній имѣлось въ виду заготовить всѣ необходимые для домообзаводства и домохозяйства матеріалы, рабочіе инструменты, земледѣльческія орудія. Казаки получали ихъ на наличныя или въ долгъ.

Едва ли не самымъ заманчивымъ условіемъ (если только вообще можно говорить о «заманчивости» условій въ данномъ случаѣ) въ глазахъ казака было то, что переселившіеся на свой счетъ пріобрѣтали право самостоятельнаго выбора своихъ участковъ, а кромѣ того извѣстная часть надѣла (отъ 10 до 20 дес. удобной земли на семью урядника и казака; отъ 50 до 100 дес.—офицера; офицерскіе участки были въ 400 для штабъ и 200 дес.—для оберъ-офицеровъ) поступала имъ «въ частную, вѣчную и потомственную собственность».

Проектъ былъ одобренъ(*) и министерство утвердило денежную смѣту въ такомъ видѣ:

а) пособіе отъ казны:

4 офицерскимъ семьямъ по 150 руб. . . .	600 руб.
50 казачьимъ семьямъ по 55 руб. . . .	2750 руб.
И кормовыхъ во время пути, съ разсчетомъ на 35 сутокъ до Бухтармы (175 руб.) и	

(*) Приказъ по военному вѣдомству 28 октября 1870 г. за № 329. Архивъ Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 749, т. I, л. 168—169.

45 сутокъ до Джемини (225 руб.) . .	400 руб.
Итого . .	3750 руб.
или, округляя сумму . . .	4000 руб.

б) Пособіе отъ Сибирскаго казачьяго войска, отпускаемое заимообразно на 3 года:

На провіантъ и приварокъ	6703 руб.
Порціонныхъ	900 руб.
Итого . .	7603 руб.

Кѣмъ же думали заселять новыя станицы? Въ пятидесятыхъ годахъ упразднена была т. наз. Кузнецкая казачья линія (между Бійскомъ и Кузнецкомъ), а входившіе въ ея составъ казаки перечислены съ пособіемъ въ 30 руб. на семью, въ Заилійскій край и въ Кокпектинскую станицу Семипалатинской области. Однако очень многіе отъ переселенія уклонились; иные только заглянули въ Кокпекты и вернулись обратно. Въ результатѣ въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ Томской губ. оказалось значительное число казаковъ, номинально выселенныхъ въ Семирѣчье и въ пограничное съ Китаемъ пространство, на дѣлѣ же болѣе 15 лѣтъ спокойно проживавшихъ себѣ на прежнихъ мѣстахъ, по отпускнымъ билетамъ, выдаваемымъ станицами, гдѣ они числились, или даже просто безъ всякихъ видовъ. Такъ напримѣръ въ однихъ Кокпектахъ числилось до 100 семей, никогда тамъ не жившихъ. Санкціонировать подобное нарушеніе своихъ предписаній начальство, конечно, не могло; но теперь ему представлялся удобный случай пойти на компромисъ. Оно предложило кузнецкимъ казакамъ на выборъ: или выполнить предписаніе, идти въ Кокпекты, или поселиться въ проектированныхъ станицахъ Зайсанской и Алтайской. Впрочемъ желающимъ не воспрещалось, буде пожелаютъ, вернувъ выданное въ прежнее время на переселеніе пособіе, приписаться въ податное сословіе*).

*) Предписаніе генералъ-губернатора Зап. Сибири семипал. губернатору 12 ноября 1870 г. за № 870. См. представленіе семипал. губернатора Войсковому наказному атаману Сибирскаго войска 1 сентября 1875 г. за № 7310 въ дѣлахъ Семипал. Обл. Правл. Арх. № 749, т. IV, лист. 170—173.

Охотниковъ вызывали и съ Бійской казачьей линіи, архаизмъ и ненадобность которой тоже ясно сознавались мѣстной администраціей.[1])

Результаты этой комбинаціи оказались однако не особенно блестящими. Дилемма: Бухтарма или Кокпекты не вносила никакой существенной разницы при рѣшеніи ея въ томъ или иномъ направленіи. Изъ 25 казачьихъ семей только половина добровольно пошла на Бухтарму; другую все же пришлось набирать по жребію, принудительнымъ способомъ. Отдаленный и глухой край, въ сторонѣ отъ «людей», лицомъ къ лицу съ постоянными опасностями, очевидно, пугалъ. Не легко бросать насиженное гнѣздо, и многіе предпочитали лучше перейти въ податное состояніе, чѣмъ тащиться въ такую даль.[2]) Да и правительственное пособіе само по себѣ было слишкомъ ничтожно, чтобы кого-нибудь особенно прельстить. Не даромъ большинство казаковъ отказалось отъ него, предпочитая, взамѣнъ, получить земельный надѣлъ по собственному выбору и въ вѣчную собственность.[3])

Отказывая генералъ-губернатору Западной Сибири въ единовременной затратѣ 40 тысячъ и предлагая ему ограничиться всего 4-мя тысячами, военное министерство однако смотрѣло на послѣднюю сумму, какъ на расходъ одного лишь только 1871 года. Въ послѣдующіе годы, именно въ 1872, 1873, 1874, 1875 и 1878, для продолженія начатой колонизаціи Бухтарминскаго края и Зайсанскаго раіона, отпускалась такая же сумма, по 4 т. рублей ежегодно. Пробѣлъ 1876 и 1877 годовъ объясняется, кажется, единственно тѣмъ, что ассигнов-

---

[1]) По этому поводу возникла даже мысль о совершенномъ упраздненіи Бійской линіи. См. любопытныя соображенія въ представленіи семипалатинскаго губернатора на имя генералъ-губернатора Западной Сибири 10 мая 1873 г. за № 75. Представленіе это подностью печатается ниже въ *приложеніяхъ* (№ 1).

[2]) Для образца см. въ *Приложеніяхъ* (*№ 2*) переписку о казакахъ Дмитріевѣ, Угрюмовѣ и Чаусовѣ.

[3]) Но, кажется, нѣкоторымъ и тутъ пришлось обмануться въ своихъ разсчетахъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири разъяснилъ (24 іюля 1871 г.), что получившіе въ свое время 30 рублей пособія на переселеніе въ Кокпекты, но туда не переселившіеся, получатъ теперь не 55, а только 25 рублей. Согласно такому разъясненію, губернаторъ Полтарацкій предписалъ (4 августа) атаману 4-го отдѣла: нарѣзку земли дѣлать только тѣмъ, кто теперь же вернетъ 30 рублей; отказавшіеся вернуть—въ собственность участокъ не получатъ. Новость эту казаки узнали не на старомъ мѣстѣ, а уже придя на Джемини или на Катонъ-Карагай.

ви прежнихъ лѣтъ не были вполнѣ израсходованы[1]). Такъ постепенно выросло еще 4 поселка: .Урульскій, Кендерлыкскій (1872—1873), Чистый Яръ и Баты (1875) на одинаковыхъ основаніяхъ со ст. Алтайской и Зайсанскимъ постомъ.

Подвигаясь вверхъ по Бухтармѣ, сначала думали было основать, послѣ ст. Алтайской, сразу два новыхъ поселка: на ур. Чингистай (на 18 семей) и на рч. Урулѣ (на 17 семей). Чингистай привлекъ къ себѣ вниманіе по соображеніямъ чисто стратегическимъ: урочище лежало у самаго подножія горнаго прохода Бурхатъ, наиболѣе удобнаго перевала черезъ Алтайскій хребетъ, «единственно доступнаго раннею весною, а также осенью и даже зимою для перехода границы, т. е. въ тѣ времена года, когда преимущественно производится баранта». Кромѣ того, находясь на полпути между ст. Алтайской и пос. Урульскимъ оно служило для этихъ двухъ связующимъ звеномъ. И безъ того уже приходилось держать особый казачій разъѣздъ изъ 20 человѣкъ для охраны урульцовъ отъ барантачей. Къ тому же занятіе Чингистая подъ русское поселеніе, въ глазахъ мѣстной администраціи, представлялось на первый взглядъ не только возможнымъ, но и совершенно не стѣснительнымъ для киргизовъ[2]). Впрочемъ очень скоро мнѣнія ея на этотъ счетъ существенно измѣнились и уѣздное начальство доносило семипалатинскому губернатору, «что поселенцы, вызванные нынѣ на переселеніе на уроч. Чингистай, въ числѣ 18 семействъ, поселены въ поселкѣ Урульскомъ; на Чингистаѣ же поселенія не предполагается въ виду того, чтобы не стѣснить киргизовъ Чингистайской волости, кочующихъ преимущественно на той мѣстности, такъ какъ таковая весьма полезна для нихъ, особенно въ зимнее время для пастьбы скота».[3])

Заселеніе китайской границы казаками дальше учрежденія ст. Ал-

---

[1]) Ассигновка въ 8 т. рублей на 1874 и 1875 г.г. разрѣшена была слишкомъ поздно и потому приступить къ переселенію въ 1874 г. на общихъ основаніяхъ было уже некогда. (Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г. лл. 6—9.).

[2]) Донесеніе устькам. уѣздн. начальника Халдѣева 22 февраля 1873 г. за № 789. Арх. Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 году, лл. 11—12.

[3]) Донесеніе Халдѣева 16 августа 1873 г. за № 3917. Дѣло № 515, лист 128.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

n. 25971.

тайской, Зайсанскаго поста, Уруля, Кендерлыка, Чистаго Яра и Батовъ не пошло. Намѣченныя было подъ новыя поселенія мѣстности оказывались, по крайней мѣрѣ въ глазахъ семипалатинской администраціи, необходимыми для самихъ киргизовъ; проектъ семипалатинскаго губернатора заселять границу исключительно одними только желающими, отказавшись отъ прежней системы назначенія, въ случаѣ недостаточнаго числа охотниковъ, по жребію, равно и предоставленіе права переселяться желающимъ также съ Иртышской линіи, не съ одной Бійской—сочувствія въ главномъ начальникѣ края не встрѣтилъ. Намѣченныя въ 1876 и 1877 гг. къ поселенію 120 семей водворяемы были въ поселкахъ уже основанныхъ. Въ 1878 г. генералъ-губернаторъ счелъ «болѣе удобнымъ переселеніе казачьихъ семействъ на границу Китая возложить на Войсковое Хозяйственное Правленіе Сибирскаго казачьяго войска»; повидимому, въ данномъ случаѣ руководились желаніемъ интенсивнѣе повести дѣло колонизаціи; но послѣдующія событія едва ли оправдали этотъ разсчетъ. Затрудненія въ пріисканіи свободныхъ мѣстъ «безъ стѣсненія киргизовъ» уже теперь ставятъ семипалатинскую администрацію въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Что же до киргизовъ, то они очутились прямо между молотомъ и наковальней: на лѣвомъ берегу Бухтармы отъ нихъ отбирали землю для казаковъ, а съ праваго ихъ усиленно выдворялъ Кабинетъ Его Величества. Не трудно было предвидѣть печальныя послѣдствія подобнаго положенія вещей*).

IV.

Алтайская станица была заложена на рч. Сарымсакты, правомъ притокѣ Бухтармы. Согласно ст. 3 Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 г. положенія о земельномъ устройствѣ казачьихъ поселеній, на каждую душу мужского пола слѣдовало нарѣзать 30 десятинъ (да

*) См. въ *приложеніяхъ* (*№ 3*) переписку 1872—1876 гг. касательно основанія новыхъ поселеній и водворенія казаковъ въ поселеніяхъ уже основанныхъ.

кромѣ того 10 дес. въ запасъ), отводимыхъ по правиламъ таксаціи войсковыхъ земель. Но въ ту пору не только еще не были изданы самыя правила таковой таксаціи, но не оказалось возможнымъ теперь же, въ 1871 году, при заложеніи станицы, послать землемѣра для нарѣзки юртового надѣла. Между тѣмъ съ водвореніемъ казаковъ спѣшили и потому ограничились на первое время простымъ указаніемъ переселенцамъ, по ихъ прибытіи въ Сарымсакты, «въ примѣрномъ количествѣ, пространства земли, которое можетъ быть ими занято для хлѣбопашества, а равно и мѣста для селидьбы»[1]). Согласно наличному количеству душъ м. п. (2 офицерскихъ и 74 казачьихъ), переселенцамъ было предоставлено 76×40=3040 дес. удобной земли, кромѣ 660 д. 2080 саж. неудобной.

Полторацкій, увлекаясь природными богатствами Бухтарминскаго края, находилъ возможнымъ, «по чрезвычайному богатству угодій и плодородію земли», уменьшить земельный надѣлъ до половины (15 дес. вмѣсто 30), такъ какъ, по его мнѣнію, даже и въ такомъ количествѣ новыя мѣста «представляютъ едва ли не большія экономическія выгоды, чѣмъ покидаемыя» на Бійской линіи. Къ счастью для казаковъ, проектъ семипалатинскаго губернатора не прошелъ и они получили надѣлъ въ полномъ размѣрѣ; говоримъ: къ счастью, такъ какъ уже ближайшіе годы далеко не оправдали этихъ розовыхъ надеждъ.

Хотя въ станицѣ Алтайской предписано было поселить всего 25 семей, но уже 23 августа 1871 г. устькаменогорскій уѣздный начальникъ Сильвестровичъ, сообщая о состоявшемся надѣленіи казаковъ землею и о томъ, что назначенныя къ водворенію 25 семей прибыли и выстроили себѣ 20 избушекъ, добавлялъ, что по поданнымъ прошеніямъ вновь разрѣшено поселиться еще 5-ти семьямъ[2]). Откуда эти

[1]) Распоряженіе генералъ-губернатора 20 марта 1871 г. „Надѣленіе землею производилось въ дѣйствительномъ числѣ десятинъ, поступившихъ въ надѣлы угодій. Только по Высочайше утвержденному 9 іюля 1877 г. положенію военнаго совѣта о перемежеваніи станичныхъ надѣловъ въ войскѣ. съ отведеніемъ казакамъ положенной пропорціи удобной земли по числу народонаселенія къ 1-му января 1877 года, была составлена межевая инструкція и утверждены генералъ-губернаторомъ Западной Сибири правила таксаціи земель при межеваніи“ (Войсковой наказный атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Семипал. в. губернатору 19 марта 1872 г. за № 182).

[2]) Арх. Семипал Обл. Правл. Дѣло № 749. т. II л. 184.

сверхкомплектныя? Едва ли «поданныя прошенія» даютъ право думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *желающими* поселиться на Бухтармѣ: эти 5 семей только выбирали меньшее изъ двухъ представлявшихся имъ золъ. Извѣстенъ случай, когда «нѣкоторые казаки, переведенные въ Копальскую и другія станицы Семирѣчья, но оставшіеся на Кузнецкой линіи, о выселеніи которыхъ настаивало Семирѣченское областное начальство, вошли съ *просьбами* о дозволеніи имъ поселиться въ Алтайскую станицу, что, по подлежащемъ сношеніи, имъ и было разрѣшено»[1]). Кто знаетъ, не были ли это вышеупомянутыя 5 семей? Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что послѣднія были изъ добровольныхъ переселенцевъ. Шли, потому что приказывали. Уже къ 19 апрѣля 1873 года въ ст. Алтайскую сверхъ нормы 25 семей въ разное время, *по распоряженію властей*, было переселено 16 семей[2]), всего 41 семья. Позже, когда земельная «тѣснота» породила вопросъ о добавочной нарѣзкѣ, семипалатинская администрація, озабоченная тяжелой и неблагодарною задачей найти для таковой нарѣзки свободныя земли, обвиняла самихъ станичниковъ въ легкости и неосмотрительности, съ какою, по ея мнѣнію, давались въ Алтайской станицѣ пріемные приговоры[3]); Войсковое же Хозяйственное Правленіе, хлопотавшее объ этой нарѣзкѣ, наоборотъ, указывало на то, что позднѣйшими переселеніями въ станицу завѣдывала семипалатинская областная и уѣздная администрація, и что, слѣдовательно, ей надлежало помѣшать алтайскимъ казакамъ допускать новыхъ лицъ въ свою среду[4]). Если не разобраться, то хотя-бы взвѣсить основательность этихъ двухъ противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія, намъ поможетъ разъясненіе губернатора Полторацкаго, данное, по званію временнаго предсѣдателя Совѣта главнаго управленія Западной Сибири 10 февраля 1873 г.: Высочайше утвержденное мнѣніе о переселеніи казаковъ въ 1872 и 1873 г.г., проектировавшее ежегодное заселеніе китайской границы 50-ью семьями, Полторацкій толковалъ въ

[1]) Представленіе Семипал. в. губернатора войсковому нак. атаману Сибирскаго каз. войска 1 сентября 1875 г. за № 7310. Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 749 т. IV. л. 170—173.

[2]) Тамъ же, № 749, т. IV, л. 92.

[3]) Губернаторъ Полторацкій Войсковому Хоз. Правленію 25 сентября 1876 г. за № 7332.

[4]) Докладъ Войск Хоз. Правленія главному начальнику края 21 мая 1887 г.

въ томъ смыслѣ, что цифра 50 отнюдь не означаетъ предѣльнаго числа—это лишь ядро, долженствующее привлекать къ себѣ добровольное приселеніе казаковъ Бійской линіи, «которую желательно было бы всю перевести въ пограничное съ Китаемъ пространство»[1]).

Какъ бы ни было, но нельзя не признать, что населеніе Алтайской станицы росло въ первые годы ея основанія очень быстро: къ 15 октября 1871 г. въ ней числилось 84 души м. п. (156 д. об. пола), изъ 2 офицерскихъ и 31 казачьихъ семьи (13 изъ причисленныхъ къ ст. Кокпектинской, но проживавшихъ на бывшей Кузнецкой линіи; столько же съ Бійской линіи и 6 семей, перечисленныхъ изъ Семирѣченскаго войска).[2]) Мы уже видѣли выше, что къ 19 апрѣля 1873 г. тамъ числилось 41 семья. Въ томъ же 1873 году казачья дѣвица Кокпектинской станицы NN, прижившая внѣ брака съ рядовымъ К. двухъ сыновей, 6 и 4 лѣтъ, хлопотала о зачисленіи ихъ въ казачье сословіе съ причисленіемъ къ ст. Алтайской. Разрѣшеніе было дано, «въ виду потребности къ скорѣйшему заселенію долины верхней Бухтармы»[3]). Въ началѣ 1876 г. алтайцевъ было уже 148, а къ 1-му января 1878 г.—149 душъ м. п.[4]), т. е. уже цѣлыхъ 73 новыхъ души, почти вдвое противъ перваго комплекта.[5]).

Этотъ усиленный приростъ, разумѣется, неизбѣжно долженъ былъ рано или поздно вызвать вопросъ о земельномъ надѣлѣ, и уже въ началѣ 1876 г. Войсковое Хозяйствен. Правленіе Сиб. каз. войска запрашиваетъ семипалатинскую администрацію[6]) относительно

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 г., л. 9

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 749, т. II, л. 200.

[3]) Дѣло № 749, т. IV, лл. 107—108, 120.

[4]) Въ 1878 г. числилось 60 семей.

[5]) Откуда онѣ были? Въ 1895 г. отвѣтить на этотъ вопросъ оказывалось уже затруднительнымъ: знали только, что 12 прибавилось по назначенію начальства, 5 по приговорамъ общества, объ остальныхъ же 56 д. свѣдѣній, по крайней мѣрѣ въ канцеляріи Степного генералъ-губернатора, не сохранилось и только дѣлалось справедливое предположеніе, что объяснить такую большую цифру однимъ естественнымъ приростомъ было бы невозможно. (Докладъ канцеляріи Степного генералъ-губернатора 1895 г. о прирѣзкѣ къ ст. Алтайской земли изъ сосѣдней Чингистайской волости).

[6]) Отношеніе къ устьк. у. нач. 16 марта 1876 г. за № 1424 и къ семипал. губернатору 7 іюня 1876 г. за № 2924.

возможности добавочной нарѣзки. Не забудемъ, что въ 1871 г. собственно «нарѣзки» сдѣлано не было, и количество 3040 дес. (по 40 дес. на 76 душъ м. п.) было только проектировано, отведено въ фактическое пользованіе. Теперь В. Х. Правленіе разсчитало, что, если изъ 3040 дес. вычесть 600 дес. на 3 оберъ-офицерскихъ семьи (какъ это и полагалось по правиламъ), то остатокъ въ 2440 д. въ состояніи будетъ удовлетворить имѣющіяся на лицо 148 душъ уже не въ размѣрѣ 30 дес., а всего лишь 16½ дес. на душу. Между тѣмъ—толковало В. Х. Правленіе—«согласно 4-й ст. положенія 21 апрѣля 1869 г., если съ увеличеніемъ народонаселенія въ надѣлахъ будетъ причитаться земель менѣе 20 десятинъ, то войсковое начальство приводитъ его къ нормальной 30 десятинной пропорціи присоединеніемъ войсковыхъ запасныхъ земель».

Намѣренія В. Х. Правленія встрѣтили энергичный отпоръ одинаково какъ со стороны устькаменогорскаго у. начальника, такъ и семипалатинскаго губернатора. Послѣдній ставилъ на видъ, что, «согласно 1 примѣч. къ парагр. 494 положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года и пункта 3 Высоч. утвержд. 21 апрѣля 1869 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта можетъ быть признанъ недостаточнымъ только надѣлъ, составляющій менѣе половины нормальнаго, т. е. менѣе 15 десятинъ». Главное основаніе къ отказу заключалось однако не въ томъ или иномъ толкованіи дѣйствующихъ узаконеній, а въ чисто реальныхъ затрудненіяхъ исполнить проектъ В. Х. Правленія: какъ разъ въ это самое время приходилось выдворять киргизовъ съ праваго берега Бухтармы и отыскивать для нихъ самихъ мѣста для поселенія*). Сама собою выростала дилемма: или удовлетворить потребности казаковъ, нанеся ущербъ киргизамъ, или облегчить землепользованіе киргизамъ, оставивъ Алтайскую станицу съ надѣломъ вдвое меньшимъ противъ обычнаго. Рѣшеніе можно было заранѣе предвидѣть, и не только въ силу исходныхъ мотивовъ, положенныхъ въ основу всей колонизаціи Бухтарминскаго края, но и въ силу Высоч. утвержден. 9 іюля 1877 г. положенія, по которому слѣдовало перемежевать казачьи

*) См. въ *приложеніяхъ* (№ 4) отношеніе В. Х. Пр. 7 іюня, рапортъ устьк. у. нач. 10 іюля и отношеніе Семипал. губернатора 22 сентября (всѣ три отъ 1876 г.)

земли согласно числу наличныхъ душъ, бывшихъ на лицо къ 1-му января 1877 года, а таковыхъ въ станицѣ къ этому дню, какъ мы знаемъ, состояло 149. Такимъ образомъ, вопросъ о добавочной нарѣзкѣ опирался теперь не только на ходатайства и нужды, но и еще болѣе на категорическое предписаніе закона, повелѣвавшаго произвести новое распредѣленіе земель въ Бухтарминской долинѣ по таксаціи.

Прежде чѣмъ однако слѣдить за осуществленіемъ намѣченной нарѣзки къ ст. Алтайской, посмотримъ, какъ велось дѣло выдворенія киргизовъ съ земель Алтайскаго Горнаго Округа.

V.

Мы уже видѣли (гл. I), что только благодаря непосредственному ходатайству китайскаго правительства киргизовъ, кочевавшихъ по правому берегу Бухтармы, временно оставили въ покоѣ. Но уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ о выдвореніи ихъ «за Бухтарму» поднимается съ новою силой. Горный Алтайскій Округъ ревниво охранялъ права своей территоріи и, можно сказать, по всей линіи велъ энергичную борьбу съ кочевникомъ-инородцемъ. Учрежденіе объ управленіи Колывано-Воскресенскими горными заводами, изданное 16 апрѣля 1828 г. и въ силу котораго «Алтайскія горы, лежащія между Бійскою линіей и китайской границею», считались находящимися въ предѣлахъ Округа, давало горному вѣдомству основаніе, особенно со времени указа 27 мая 1855 г., объявившаго весь Алтайскій Округъ частной собственностью Государя Императора, считать себя хозяиномъ на протяженіи всего пространства вплоть до р. Бухтармы; замѣна же издѣльной повинности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ 6-ти рублевымъ оброкомъ съ каждой ревизской души (27 іюля 1861 г.) и послѣдовавшее затѣмъ (30 іюля 1865 г.) дозволеніе переселяться на кабинетскія земли крестьянамъ Европейской Россіи, естественно породили у названнаго вѣдомства желаніе отдавать во всемъ предпочтеніе осѣдлымъ насельникамъ передъ кочевыми. Не менѣе естественно было

и то, что киргизы упорно игнорировали эту точку зрѣнія. Споръ былъ не изъ такихъ, чтобъ вызвать надежду на скорое и легкое его разрѣшеніе. Каждая сторона видѣла въ противникѣ сторону нападающую и свои дѣйствія разсматривала, какъ необходимую мѣру самозащиты и обороны. Отстаивая свои грани, Алтайское Горное Правленіе опиралось на спеціально изданныя узаконенія; киргизы же—на право давности. Какъ можно было, говорили они, издавать законъ, сгоняющій насъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ издавна кочевали еще наши отцы, дѣды и прадѣды? Да и куда намъ идти теперь, когда свободныхъ мѣстъ болѣе уже не имѣется?..

Если естественно на Бухтармѣ «киргизскій вопросъ» выросъ только съ шестидесятыхъ годовъ, то въ западной и югозападной полосѣ Алтайскаго округа, гдѣ русскіе появились не со вчерашняго дня, вопросъ этотъ имѣлъ уже свою исторію. Нельзя сказать, чтобы выдвореніе киргизовъ шло тамъ особенно успѣшно. Киргизамъ, дѣйствительно, некуда было дѣваться, а обширность малонаселеннаго края, безсиліе административныхъ властей дѣлало то, что киргизы годами и десятками лѣтъ «незаконно» жили на кабинетскихъ земляхъ и фактически парализовали то, что Горный округъ называлъ своимъ «правомъ». Волей-неволей приходилось, если не узаконять подобный порядокъ вещей, то отыскивать такія формы отношеній, которыя позволили бы не столь чувствовать ихъ остроту и шероховатость.

Въ Барнаульскомъ округѣ и въ западномъ углу Бійскаго споры изъ-за земли были особенно обострены. Здѣсь лежали: Кулундинская степь, Карасукская, Ремовская, Узкая; боры: Гатскій, Сѣверный и Локтевскій, дававшіе пріютъ не одной тысячѣ кибитокъ. На неоднократныя требованія Кабинета и Правленія Алтайскаго округа вывести киргизовъ за грань кабинетскихъ земель, генералъ-губернаторъ Зап. Сибири Хрущевъ заявлялъ, что совершенный выводъ ихъ, по недостатку въ киргизской степи свободныхъ земель, онъ считаетъ невозможнымъ; что выселеніе при такихъ условіяхъ могло бы вызвать ропотъ «и повлечь за собою серьезныя недоразумѣнія, за послѣдствія которыхъ онъ, генералъ-губернаторъ, не признаетъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность». Взамѣнъ Хрущевъ предлагалъ такой компро-

миссъ, по его мнѣнію тѣмъ болѣе пригодный, что онъ не нарушалъ Положенія 21 октября 1867 г., въ силу котораго денежные сборы производятся не съ души, а съ кибитки, принимаемой за единицу, а именно: оставить киргизовъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ они въ данный моментъ находятся, при условіи, если эти земли окажутся пустопорожними и Горное вѣдомство въ нихъ не нуждается; каждая кибитка платитъ Кабинету ежегодно оброка по 3 рубля, а желающіе обзавестись осѣдлостью—тотъ же оброкъ, что и крестьяне, т е. 6 рублей съ души. Земли, предоставленныя въ пользованіе киргизамъ, должны быть обмежеваны и обозначены надлежащими знаками; разрѣшается пользованіе изъ лѣсныхъ дачъ валежникомъ, буреломомъ и сухоподстойнымъ лѣсомъ.

Генералъ-губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, выходилъ въ своемъ предложеніи прежде всего изъ интересовъ подвѣдомственнаго ему киргизскаго населенія; иначе смотрѣлъ на дѣло Кабинетъ Его Величества. Министръ Имп. Двора, гр. Адлербергъ, какъ это видно изъ его отношенія отъ 14 іюля 1873 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ, жаловался послѣднему, говоря, что Кабинетъ всегда находилъ вреднымъ для своихъ интересовъ пребываніе киргизовъ на горнозаводскихъ земляхъ; что онъ постоянно настаивалъ на ихъ удаленіи, но что требованія его или вовсе не исполнялись, или хотя и вызывали соотвѣтственныя распоряженія генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, какъ напримѣръ, по поводу вывода киргизовъ изъ окрестностей Локтевскаго завода, гдѣ вредъ отъ ихъ пребыванія оказывался всего ощутительнѣе, —но и въ этихъ случаяхъ приказанія рѣдко исполнялись семипалатинскими губернаторами, «которые почти всегда находили предлоги уклоняться отъ такихъ приказаній, ссылаясь на стѣсненія, которыя послѣдуютъ для киргизовъ отъ ихъ удаленія».

Тѣмъ не менѣе Кабинетъ чувствовалъ необходимость пойти на встрѣчу предложеннаго ему компромисса. Хотя и не охотно, онъ принялъ основную мысль генералъ-губернатора Западной Сибири, впрочемъ съ существенными ограниченіями: киргизы были допущены только на

одну Кулундинскую степь, гдѣ, на пространствѣ милліона десятинъ[1]), по мнѣнію Кабинета, могло легко размѣститься все нынѣшнее кочевое населеніе Алтайскаго округа, котораго (т. е. населенія) оно насчитывало не свыше 2680 кибитокъ. Арендная плата опредѣлялась въ 3 руб. съ кибитки, независимо отъ такого же сбора, и тоже въ 3 руб. въ пользу государственнаго казначейства, изъ каковой суммы министерство финансовъ признало справедливымъ, по ходатайству Кабинета, удѣлять послѣднему, какъ землевладѣльцу, половину, т. е. $1^1/_2$ руб., что въ общемъ должно было составить доходъ въ пользу Кабинета по $4^1/_2$ руб. съ кибитки.

Уступка Кулундинской степи, помимо всего, была обставлена двумя оговорками. Первая, содержанія болѣе или менѣе платоническаго, старалась обезпечить юридическія права Кабинета и предупреждала, что на уступку названной полосы земли отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дѣло окончательное, а лишь какъ на пробу, которая дѣлается лѣтъ на 5, никакъ не дольше какъ на 10, потому что и впослѣдствіи въ Кулундинской степи можетъ встрѣтиться надобность самому Кабинету. Существеннѣе была вторая оговорка: Кабинетъ съ особенной силою подчеркивалъ, что Кулундинскую степь онъ уступаетъ подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго выселенія киргизовъ съ остальныхъ пунктовъ, особенно съ Локтевскаго участка[2]). Въ сущности это означало удовлетворить потребности лишь одной небольшой части, оставивъ вопросъ открытымъ для большинства киргизовъ. Подъ категоріею обязанныхъ покинуть кабинетскія земли под-

---

[1]) Граница предоставленнаго въ пользованіе киргизамъ участка, шла отъ Семипалатинской области на С. къ южной оконечности Кучукскаго озера; отсюда прямою линіею къ Ю. З. на сѣверную оконечность Сѣвернаго бора, къ той же границѣ Семипалатинской области, что давало въ длину до 150 верстъ, а въ ширину, въ среднемъ, до 60 вер.—вообще площадь въ 9000 кв. верстъ или свыше 900000 десятинъ.

[2]) Исключеніе дѣлалось «только для киргизовъ Койсандаръ-Кинчаковской волости, кочующихъ около Топольнаго озера по правую сторону рч. Бурлы, и для аульнаго старшины Кокпектинскаго приказа Безпакова съ его аудомъ въ числѣ 270 душъ м. п., кочующихъ на Бійской линіи; инородцы эти, во вниманіе къ долговременному ихъ въ означенныхъ мѣстностяхъ пребыванію и обнаруженной наклонности къ осѣдлой жизни, могутъ быть оставлены на занимаемыхъ ими мѣстахъ, но, при условіи свободныхъ тамъ земель, платы 40 коп. за десятину и если сосѣдніе крестьяне не воспротивятся таковому оставленію».

ходили, очевидно, и тѣ киргизы, что кочевали на правомъ берегу Верхней Бухтармы[1])

Таковъ, въ главныхъ основаніяхъ, былъ проектъ соглашенія 1873 года между Кабинетомъ и киргизами. Между тѣмъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, какъ можно было видѣть, активнаго участія въ выработкѣ этого проекта совсѣмъ не принимала, да и тѣ, кто дѣйствовалъ отъ ея имени, брали Кулундинскую степь конечно отнюдь не потому, чтобы считали возможнымъ ограничиться одной только ею. «Соглашеніе» не успѣло еще оформиться, а уже 11 марта 1874 г. Алтайское Горное Правленіе увѣдомляетъ, что министръ Двора дозволилъ киргизамъ, которыхъ заставляли уйти изъ Локтевскихъ боровъ, устроиться на время со своими кочевками, впредь до окончательнаго водворенія на Кулундинской степи,—въ степяхъ Коростелевской и Ремовской, каковымъ дозволеніемъ тѣ и не преминули воспользоваться. Не трудно было предвидѣть, что выраженіе «на время» на практикѣ должно было свестись къ «неопредѣленно большому числу лѣтъ», а дозволеніе министра служило лучшимъ свидѣтельствомъ, насколько искусственно и мало отвѣчающе потребностямъ дѣйствительной жизни было названное соглашеніе. Его недочеты не замедлили обнаружиться и по другому поводу.

Можно сказать, въ самый разгаръ выработки проекта 1873 года семипалатинскій губернаторъ усиленно подчеркнулъ тѣсноту рамокъ, въ какія намѣривались тогда заключить киргизовъ. 8 сентября 1873 г. онъ вошелъ съ ходатайствомъ о дозволеніи 600 кибиткамъ кочевать по р. Бухтармѣ на кабинетскихъ земляхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ допустили киргизовъ въ Кулундинскую степь. Это было открытымъ признаніемъ недостаточности тѣхъ уступокъ, на какія снизошелъ Кабинетъ. Однако хлопоты не привели ни къ чему. Кабинетъ категорически отказалъ: разрѣшивъ кочевку «инородцевъ, произвольно водворившихся въ предѣлахъ Алтайскаго округа», онъ, по его словамъ, очутился бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о мѣстности, гдѣ уже успѣли устроиться

[1]) Дѣло Сем. Обл. Правл. по отношенію Алтайскаго Горнаго Правленія объ удаленіи киргизовъ съ горнозаводскихъ земель. Арх № 8197, т. III, лл. 637—652.

три деревни, Черновая, Таловка и Медвѣдка, и возможно было ожидать новыхъ засельщиковъ. Давъ согласіе, Кабинету пришлось бы дѣйствовать въ ущербъ развитію края, благопріятнаго какъ разъ для осѣдлой, а не кочевой жизни, и гдѣ вслѣдствіе этого желательно было видѣть населеніе крестьянское, а отнюдь не киргизское. Наконецъ, увеличеніе въ краѣ именно русскаго населенія важно было для Кабинета также и въ интересахъ развитія горнозаводской промышленности—въ смыслѣ привлеченія къ ней наиболѣе сподручныхъ рабочихъ силъ.

Но прежде чѣмъ отвѣтъ этотъ (22 августа 1874 г.), и безъ того запоздалый, дошелъ по назначенію, вопросъ о киргизахъ получилъ гораздо болѣе обостренную форму. Хотя юридически обязательнымъ проектъ 1873 года сталъ съ Высочайшимъ утвержденіемъ, не ранѣе 22 октября 1880 г., но уже и теперь онъ ложится въ основу дѣйствій и мѣропріятій мѣстной администраціи. И вотъ, когда крестьяне Алтайской и Ануйской волостей пожаловались на то, что въ разное время, начиная съ 1872 г., киргизы, кочующіе на крестьянскихъ земляхъ, выкрали у нихъ 306 лошадей на сумму 8006 руб., то томскій губернаторъ Супруненко, опираясь на ст. 481 т. XIV Св. Зак., предписалъ (въ іюнѣ 1874 г.) Бійскому окружному полицейскому управленію «немедленно сдѣлать распоряженіе объ удаленіи киргизовъ съ крестьянскихъ земель и не допускать ни одного киргиза кочевать въ Бійскомъ округѣ». Увѣдомляя объ этомъ семипалатинскаго губернатора и прося его (19 іюня 1874 г.) съ своей стороны не дозволять бійскимъ казакамъ принимать болѣе къ себѣ киргизовъ, Супруненко о томъ же просилъ одновременно (20 іюня) и генералъ губернатора Зап. Сибири, и послѣдній распорядился (17 іюля 1874 г. за № 866), чтобы семипалатинскій губернаторъ дѣйствительно настоялъ на высылкѣ «всѣхъ киргизовъ изъ Бійскаго округа въ свои степныя области.»[1])

Дѣйствія томскихъ властей подняли на ноги семипалатинскую администрацію. Губернаторъ Полторацкій, получивъ вышеупомянутое отношеніе къ нему томскаго губернатора 19 іюня 1874 г. оспорилъ ос-

[1]) Тамъ же Арх. № 8197 т. III, лл. 654—664; Записка Семип. вице-губернатора Чернявина въ Приложеніяхъ (№ 5).

новательность ссылки на ст. 481, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, «киргизы окрестностей Семипалатинска и Катунскихъ альповъ, по громадности пространства, отдѣляющаго ихъ отъ волостей Ануйской и Алтайской, гдѣ были произведены кражи, не могли быть виновниками послѣднихъ»[1]). Съ большой энергіей высказался Полторацкій въ пользу киргизовъ и въ представленіи генералъ-губернатору 12 іюля 1874 г.

«Еще въ 1822 г.» — писалъ онъ — «въ именномъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 22 іюля о новомъ устройствѣ Сибири было разрѣшено заводскому начальству распространить горный промыселъ въ Алтайскихъ горяхъ за Бійскою линіею до китайской границы, но *безъ стѣсненія* живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ. Таковая Высочайшая воля однако не всегда исполнялась со стороны какъ томскаго, такъ и горнаго начальства; не разъ дѣлались попытки вытѣснить киргизовъ со становищъ, издревле имъ принадлежащихъ, главнымъ образомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что конокрадство вредитъ приселяемымъ въ ихъ сосѣдство крестьянамъ; хотя въ то же время сами крестьяне не разъ просили объ оставленіи киргизовъ, какъ дешевыхъ работниковъ, конюховъ и пастуховъ». Вообще сплошное удаленіе всѣхъ ихъ неизбѣжно подорветъ сложившійся порядокъ веденія хозяйства казаками и крестьянами Томской губерніи. Что же касается до самихъ киргизовъ, то не даромъ еще въ 1871 году Совѣтъ главнаго управленія Зап. Сибири призналъ окончательно неисполнимымъ удаленіе ихъ съ земель Горнаго Округа. Рѣшить однимъ почеркомъ пера, какъ это дѣлаетъ д. ст. сов. Супруненко, столь важный вопросъ, на основаніи одного голословного заявленія крестьянъ и рѣшиться на такую крутую мѣру, какъ удаленіе силою 2000 кибитокъ безъ вниманія на то, могутъ ли онѣ и какъ именно быть водворены въ другой мѣстности однимъ административнымъ распоряженіемъ губернской власти, «даже не испрашивая на то разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства», было бы дѣйствіемъ по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ.[2])

Полнѣе и обоснованнѣе развиваетъ свою мысль Полторацкій въ

[1]) Записка Чернявина въ Приложеніяхъ (№ 5).

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл., Дѣло № 8197, т. III, лл. 655—656.

обширной запискѣ на имя генералъ-губернатора 25 ноября 1874 г., поданной уже послѣ того, какъ ему стали извѣстны и предписанія послѣдняго отъ 17 іюля, и отвѣтъ Кабинета отъ 22 августа.

Нарымскіе и чингистайскіе киргизы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться самовольно прикочевавшими въ Алтайскій Горный Округъ, такъ какъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ они поселились значительно ранѣе того времени, съ котораго началось фактическое владѣніе Россіи сѣверною частью бассейна Верхней Бухтармы, задолго до появленія русскихъ переселенцевъ, составившихъ дер. Черновую и Медвѣдку. Не слѣдуетъ упускать безъ вниманія и того, что въ сказанной мѣстности фактическое право владѣнія Россіи предшествовало юридическому, начавшемуся не ранѣе заключенія Пекинскаго договора 2 ноября 1860 года. По всей вѣроятности, лишь малое знакомство Алтайскаго Горнаго Правленія съ характеромъ мѣстности бассейна р. Бухтармы выше дер. Черновой, послужило поводомъ къ мнѣнію, что земли, занятыя киргизами Нарымской и Чингистайской волостей на правомъ берегу р. Бухтармы благопріятны для развитія земледѣлія. Будучи лично знакомъ съ этой мѣстностью, я беру на себя смѣлость утверждать, что вся сѣверная часть долины Верхней Бухтармы, выше дер. Черновой, за исключеніемъ незначительной прибрежной полосы, простирающейся до р. Берели, и небольшого клочка земли у устья послѣдней, *положительно негодна для хлѣбопашества*, а, слѣдовательно, и для осѣдлой жизни, такъ какъ представляетъ страну возвышенную (отъ 4 до 8 тыс. футовъ надъ ур. м.) и крайне пересѣченную. Нельзя также разсчитывать, чтобы названная мѣстность могла быть эксплуатируема для побочныхъ заводскихъ производствъ—снабженія лѣсомъ и углемъ Зыряновскаго рудника, такъ какъ сплавъ лѣса, почти исключительно лиственницы, плавимой, какъ извѣстно только на плотахъ изъ болѣе легкихъ лѣсныхъ породъ, невозможенъ ни по Берели, ни по Бухтармѣ, выше Чингистайскаго порога; выжегъ угля, хотя и затруднителенъ, но возможенъ; но провозъ его не только до Зыряновскаго рудника, но даже до дер. Черновой будетъ стоить слишкомъ дорого.

«Не усматривая, согласно вышеизложеннаго, чтобы поводы къ вы-

селенію киргизъ съ праваго берега р. Бухтармы, вытекали изъ необходимости соблюсти дѣйствительные интересы Кабинета Е. В., я не могу умолчать, что въ оправданіе этой мѣры не имѣется равнымъ образомъ и никакихъ законныхъ основаній. Напротивъ того, въ силу Высоч. указа 22 іюля 1822 г., коимъ разрѣшено заводскому начальству распространять горный промыселъ и поселенія въ Алтайскихъ горахъ за Бійскою линіею до китайской границы, съ условіемъ *не стѣснять* живущихъ на этомъ пространствѣ *инородцевъ*, киргизы имѣютъ неоспоримое право оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ, ибо приведенный указъ никакимъ послѣдующимъ законодательнымъ актомъ *отмѣненъ не былъ*».

Кромѣ того, «выселеніе киргизовъ представляетъ мѣру, немедленное исполненіе которой если не невозможно, то во всякомъ случаѣ крайне затруднительно и далеко не безопасно по своимъ послѣдствіямъ. Южная часть бассейна Верхней Бухтармы представляетъ крайне крутой и короткій склонъ пограничнаго хребта, въ которомъ всѣ сколько нибудь удобныя мѣста уже заняты или казачьими поселеніями, или киргизскими зимовками. Помѣстить тутъ же и стойбища забухтарминскихъ киргизовъ крайне трудно безъ полной перетасовки всего Курчумскаго участка, что вызвало бы всевозможные споры, баранты и даже укачеваніе за границу. Желаніе уменьшить число кибитокъ, находящихся по правому берегу Бухтармы, до предѣловъ, обусловливаемыхъ крайнею необходимостью, было побудительною причиною ходатайства моего объ обложеніи каждой кибитки, имѣющей стойбища въ Горномъ Округѣ, добавочнымъ налогомъ въ 3 рубля (въ то время я неимѣлъ въ виду указа 22 іюля 1822 года). Хотя ходатайство мое и не было уважено, но мнѣ удалось тогда же достигнуть довольно значительнаго сокращенія числа кибитокъ, стоящихъ на правомъ берегу, а именно съ 653 на 531 кибитку[1]). Въ подобныхъ обстоятельствахъ

[1]) Цифра 531 получилась на основаніи переписи, произведенной въ концѣ 1873 г. Число кибитокъ, кочевавшихъ по Бухтармѣ, особенно за эти годы, полные неустойчивости и неопредѣленности въ положеніи киргизовъ, конечно, не могло быть въ каждую данную минуту одно и то же. Отсюда и та разница въ цифровыхъ данныхъ, что замѣчается въ нашихъ матеріалахъ: говорится то о 600, то о 555, 531 и пр. кибиткахъ. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ цифръ (600) могли быть взяты лишь для приблизительнаго указанія. Е. Ш.

только дѣйствуя исподволь, можно достигнуть прочныхъ результатовъ, всякая же крутая мѣра крайне трудна и можетъ быть предпринята только при соотвѣтствующихъ средствахъ къ ея исполненію. По отношенію же къ настоящему случаю, я не надѣюсь, чтобы тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи въ Бухтарминской долинѣ, было достаточно для отвращенія, не ослабляя надзоръ за границей, перекочевки на правый берегъ Бухтармы, а также взаимной баранты киргизовъ и крестьянъ инородческой волости, которая тотчасъ же возникнетъ, коль скоро будетъ сдѣлана попытка къ исполненію распоряженія г. томскаго губернатора, причемъ буйные и своевольные крестьяне названной волости, стоящіе внѣ всякаго административнаго вліянія и среди которыхъ еще живы вспоминанія объ «охотѣ за людьми», неизбѣжно примутъ на себя трудъ содѣйствовать распоряженію своего начальства, хотя бы и безъ всякихъ на то указаній со стороны послѣдняго».

Въ виду изложеннаго, Полторацкій просилъ отложить на время выселеніе киргизовъ, пересмотрѣть ихъ права на основаніи указа 22 іюля 1822 г. и, если окажется, что послѣдній болѣе уже не соотвѣтствуетъ условіямъ жизни, то изложить его въ законодательномъ порядкѣ и тѣмъ избѣгнуть противорѣчія съ нимъ. Въ заключеніи семипалатинскій губернаторъ справедливо указывалъ на то, «что вопросъ, съ которымъ связано благосостояніе пяти тысячъ киргизовъ и спокойствіе всего пограничнаго края, требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія не только въ интересахъ Кабинета Е. В., но и въ смыслѣ общегосударственномъ[1]).

Не смотря однако на все заступничество семипалатинскихъ властей[2]), дѣло киргизовъ было проиграно. Слабый долженъ былъ уступить сильному. При всей односторонности точки зрѣнія, съ какой раз-

[1]) Тамъ же, лл. 673—676.

[2]) Не довольствуясь своимъ представленіемъ генералъ-губернатору, Полторацкій на слѣдующій день, 26 ноября 1874 г., поручилъ вице-губернатору Чернявину составить записку о киргизахъ, проживающихъ на земляхъ Алтайскаго Горнаго Округа. Записка эта, полностію печатаемая нами въ приложеніяхъ, (№ 5), подробно разсматриваетъ права киргизовъ на пользованіе кабинетскими землями и указываетъ мѣры для упорядоченія существующихъ отношеній.

сматривалъ русско-киргизскія отношенія томскій губернаторъ[1]), онъ справедливо указывалъ на то, что указъ 22 іюля 1822 г. хотя и остается въ силѣ какъ законъ и обязательное для всѣхъ постановленіе, но что жизнь давно уже обошла его и «фактически онъ уже измѣненъ въ Томской губ. тѣмъ, что русское населеніе, неудержимо стремящееся на востокъ, давно перешло опредѣленную для инородцевъ границу и образовало пять многолюдныхъ волостей»; что этому внѣдренію русскаго элемента въ самую толщу инородческаго населенія русское правительство не только не препятствуетъ, но, наоборотъ, содѣйствуетъ и сочувствуетъ и что Кабинетъ какъ разъ въ эту пору занятъ былъ «составленіемъ проэкта колонизаціи Алтая русскими людьми, причемъ для инородцевъ предполагается оставить только самую незначительную территорію».

Случайныя обстоятельства дали Полторацкому возможность на короткое время отсрочить фатальныя слѣдствія распоряженія томскаго губернатора. За отъѣздомъ изъ края главнаго его начальника, Полторацкій, по званію временно-предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ главнаго управленія Зап. Сибири, предложилъ 13 декабря 1874 г. томскому губернатору оставить киргизовъ на Ремовской и Коростелевской степяхъ и на правомъ берегу р. Бухтармы, впредь до особаго распоряженія, а равно не стѣснять и киргизовъ одобрительнаго поведенія, проживающихъ по паспортамъ на заработкахъ въ Зыряновскомъ и въ другихъ рудникахъ Горнаго Округа и у казаковъ на Бійской линіи, въ случаѣ если заводское и станичное начальство дастъ на то согласіе и поручится въ ихъ благонадежности.

Но это была именно только отсрочка: 14 іюля 1875 г. генералъ-губернаторъ Казнаковъ предписалъ безотлагательно выдворить киргизовъ какъ въ частности съ праваго берега Бухтармы, такъ и вообще отовсюду, гдѣ имъ не полагалось быть, причемъ обращалъ особенное вниманіе семипалатинскаго губернатора и уѣздныхъ начальниковъ на точное выполненіе своего распоряженія.

---

[1]) См. его представленіе 20 декабря 1874 г. генералъ-губернатору Зап. Сибири по поводу вышеупомянутой записки Полторацкаго. Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, т. III, лл. 685—695.

Но какъ выполнить? Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ[1]) устькаменогорскій уѣздный начальникъ доносилъ, что не знаетъ, куда выселить и гдѣ размѣстить бухтарминскихъ киргизовъ, которыхъ объ эту пору кочевало на правомъ берегу 555 кибитокъ. Къ тому же распоряженіе томской администраціи о выдвореніи поставило киргизовъ въ полную зависимость отъ произвола мѣстныхъ крестьянъ; особенно жители дер. Черновой начали сильно притѣснять инородцевъ, захватывать у нихъ распаханныя пашни, зимовья и даже скотъ. Вопросъ о выдвореніи существенно осложнялся еще и тѣмъ, что какъ разъ этой весною основалось или было констатировано существованіе пяти новыхъ русскихъ поселеній на зимовкахъ Чингистайской и Нарымской волостей: 1) на р. Берели, 60 семей выселенцевъ изъ дерр. Солоновки, Ключей и Крестовки; 2) на уроч. Уртешъ-Булакъ, дер. Березовка, до 35 семей изъ дерр. Осочихи, Мяконькой и Слоновки; 3) на р. Чу (Черновая), до 70 семей изъ Пермской губ., изъ дерр. Солоновки и Черемшанки; 4) на уроч. Моилды (Каменушка), 15 семей изъ Тобольской губ. и Зыряновскаго рудника и 5) на р. Кульмесъ (Согренная), до 8 семей[2]). Незваные гости отобрали у киргизовъ ихъ пашни съ цѣлью сдѣлать на нихъ свои посѣвы (или, какъ выразился по этому поводу семипалатинскій губернаторъ въ докладѣ генералъ губернатору: «предпочитая уже подготовленныя для пашни мѣста трудной работѣ распашки нови»). «Кромѣ того»,—рапортовалъ устькаменогорскій у. начальникъ—«крестьяне всѣхъ пограничныхъ деревень употребляютъ всѣ мѣры, чтобъ не допустить распашки земель киргизами, искони производимой; да даже и выходъ на лѣтнія стойбища стараются запретить, для чего производятъ распашку земель на самыхъ трактахъ, перепахивая для этого даже дороги въ тѣсныхъ мѣстахъ и возводя потомъ жалобы на потраву».

Затрудненіями обставлено было выдвореніе киргизовъ и съ другихъ пунктовъ Алтайскаго Горнаго Округа. Выдворивъ, въ силу предписа-

[1]) Рапорты 25-го и 30-го апрѣля 1875 г.

[2]) Первыя четыре мѣстности въ Чингистайской, пятая—въ Нарымской волости. Какъ видимъ, почти всѣ выходцы были изъ сосѣднихъ деревень, лежащихъ въ бассейнахъ р р. Нижней Бухтармы и Нарыма, т. е. т. наз. „каменьщики".

нія 4 іюля 1875 г., 165 подвѣдомственныхъ ему юртъ изъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ, семипалатинскій уѣздный начальникъ доносилъ 5 сентября 1875 г., что остальныя 245 юртъ онъ вынужденъ былъ оставить на старыхъ мѣстахъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что сами крестьяне будто бы не отпускали киргизовъ, даже скрывали ихъ у себя, сельское же начальство содѣйствія къ выдворенію не оказало: въ киргизѣ нуждались, какъ въ рабочей силѣ. Такъ арендаторъ казенныхъ боровыхъ озеръ просилъ пріостановить выселеніе киргизовъ, пока тѣ не выполнятъ заключеннаго съ ними контракта, чтобы не остаться безъ рабочихъ рукъ.

Все это дало Полторацкому основаніе войти 29 сентября 1875 г. съ новымъ ходатайствомъ. Еще раньше, 28 мая 1875 г., онъ возобновлялъ просьбу о невыселеніи киргизовъ съ праваго берега Бухтармы впредь до разрѣшенія вопроса о разграниченіи Семипалатинской области съ Томской губ.; теперь же, проектируя разрѣшеніе киргизамъ, въ предѣлахъ вообще Алтайскаго Округа, жить осѣдло, съ согласія крестьянъ и Горнаго Правленія, по паспортамъ, съ семьями, юртами и прочимъ хозяйствомъ; а также разрѣшеніе арендовать кабинетскія земли не общемъ основаніи, хотя бы сосѣдство киргизовъ и было непріятно крестьянамъ, обыкновенно желающимъ избѣжать конкуренціи въ безплатномъ пользованіи пустопорожними землями,—семипалатинскій губернаторъ, въ частности примѣнительно къ бухтарминскимъ киргизамъ ходатайствовалъ разрѣшить имъ, «по совершенной пустынности края», хотя бы временное пребываніе на правомъ берегу Бухтармы, «требуя удаленія ихъ тамъ только, гдѣ ихъ присутствіе, по мѣрѣ наплыва осѣдлаго населенія, будетъ становиться стѣснительно для вод. воряющихся поселеній».

Отвѣтъ генералъ-губернатора звучалъ на этотъ разъ холодно и даже сурово: «Я не могу болѣе допустить никакой переписки по предложеніямъ вашимъ о дозволеніи киргизамъ проживать осѣдло и арендовать земли Кабинета Е. В. Дальнѣйшее проживаніе сказанныхъ киргизовъ на земляхъ, принадлежащихъ Государю Императору, безъ платежа оброка, считаю посягательствомъ на собственность Его Величества и, не имѣя права располагать землями Высокаго Владѣльца, про-

шу васъ, милостивый государь, озаботиться о точномъ и постепенномъ исполненіи вышеозначеннаго предложенія моего».

Приказаніе было слишкомъ категорично, чтобъ допускать послѣ только что сказаннаго какія либо еще колебанія и промедленія. Сохранился черновой набросокъ письма, составленнаго, повидимому, семипалатинскимъ губернаторомъ или его замѣстителемъ на упомянутомъ предписаніи 24 октября на имя, кажется, устькаменогорскаго у. начальника: «По важности этого дѣла и нареканій со стороны вѣдомства Кабинета, которыя могутъ пасть на васъ, я убѣдительнѣйше прошу васъ привести исполненіе закона въ надлежащій видъ и устроить положеніе произволько кочующихъ на земляхъ Алтайскаго округа киргизовъ наименѣе стѣснительно для нихъ. При этомъ благоволите уговорить другіе роды принять ихъ къ себѣ, какъ неоднократно вами бывало дѣлаемо, и примите всѣ необходимыя мѣры, чтобъ они не укочевали въ китайскіе предѣлы. Подобное укочеваніе повлекло бы за собою производство формальнаго слѣдствія, которое бы раскрыло всѣ промахи мѣстныхъ властей въ прежнее время, которыхъ бы изслѣдовать я не желалъ, довольствуясь лишь приведеніемъ въ надлежащій и стройный видъ того, что существуетъ незаконно».

И при всемъ томъ, даже послѣ предписанія генераль-губернатора, семипалатинскій губернаторъ хватается за послѣднее средство и 24 ноября запрашиваетъ начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ: могутъ ли киргизы проживать съ согласія крестьянскаго и заводскаго начальства по паспортамъ, съ семьями, юртами и прочимъ хозяйствомъ, а также арендовать кабинетскія земли на общемъ основаніи, «хотя бы сосѣдство ихъ и было непріятно крестьянамъ»,—запрашиваетъ, очевидно, съ цѣлью въ утвердительномъ отвѣтѣ найти новую точку опоры въ защитѣ киргизскихъ интересовъ: настолько ясны были для семипалатинской администраціи тяжелыя послѣдствія предстоящаго выдворенія киргизовъ съ праваго берега Бухтармы[1]). Наконецъ, когда,

[1]) Начальникъ алтайскихъ горныхъ заводовъ отвѣчалъ 5 декабря 1875 г.: проживаніе осѣдло не можетъ быть дозволено, такъ какъ киргизы, за исключеніемъ работниковъ на заводахъ и въ рудникахъ, подлежатъ выселенію; что же касается до аренды, «то, такъ какъ до рѣшенія вопроса о поселеніи всѣхъ киргизовъ на Кулундинскую степь имъ дозволено горнымъ начальствомъ кочевать на Ремовской и Коростелевской степяхъ, слѣдовательно до того же времени имъ можетъ быть дозволено арендованіе земель только на сихъ степяхъ.

въ силу предложенія генералъ-губернатора отъ 19 декабря 1875 г., томскій губернаторъ предписалъ съ наступленіемъ весны и во всякомъ случаѣ не позже первой половины мая выселить киргизовъ и просилъ 7 января 1876 г., семипалатинскаго губернатора назначить чиновниковъ для пріема и опредѣлить мѣста, гдѣ могла бы состояться передача выселяемыхъ изъ одного вѣдомства въ другое, то и тутъ семипалатинскій губернаторъ, вмѣсто категорическаго предписанія ограничился лишь запросомъ и требованіемъ, чтобы уѣздные начальники устькаменогорскій, павлодарскій и семипалатинскій дали ему «свое заключеніе» по данному вопросу. Въ результатѣ получился выговоръ: генералъ-губернаторъ ставилъ 10 сентября 1876 г., на видъ губернатору, что онъ долженъ былъ не «заключеній» ждать, а самъ давать прямыя указанія подвѣдомственнымъ ему чинамъ...

Но это было уже въ ту пору, кога періодъ бумажныхъ предписаній смѣнился активными дѣйствіями. Къ обзору этихъ послѣднихъ мы теперь и переходимъ[1]).

VI.

Мы уже видѣли, что 14 іюля 1875 г. генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири дано было категорическое предписаніе выдворить киргизовъ съ праваго берега Бухтармы. Подчиняясь таковому, семипалатинскій губернаторъ, въ свою очередь предписалъ 8 августа 1875 г. устькаменогорскому у. начальнику приступить къ выселенію, добавляя однако: «по возможности, безъ отягощенія киргизовъ». Распорядился о выдвореніи и томскій губернаторъ, но, вѣроятно безъ указаннаго добавленія. Есть основаніе думать, что томскія губернскія власти преслѣдовали одну только мысль: немедленно и во что бы то ни стало удалить всѣхъ киргизовъ, при чемъ самое выдвореніе было возложено на «мѣстныя волостныя и сельскія власти», иначе говоря, на тѣхъ

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197. т. III. лл. 671. 693—696. 720—726, 730—731. 740—743, 748. 762, 767, 786—788. 899—900.

самыхъ крестьянъ, изъ за которыхъ въ значительной степени весь сыръ-боръ и загорѣлся и въ спокойномъ, безпристрастномъ отношеніи которыхъ къ киргизамъ можно было болѣе чѣмъ сомнѣваться. Къ дѣлу во всякомъ случаѣ приступили съ энергіей и на первый же разъ выдворили 115 кибитокъ. Страсти разгорѣлись, бросились жечь киргизскія зимовки, и 23 сентября 1875 г. дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія: многіе киргизы получили побои, одинъ изъ нихъ былъ даже раненъ, иные захвачены и отпущены на свободу, только откупившись деньгами и вещами[1]).

Разумѣется, сейчасъ же полетѣли донесенія, запросы, отписки. Томскій губернаторъ отрицалъ, 3 декабря 1875 г., фактъ выселенія по его приказанію: напротивъ, утверждалъ онъ, я еще 25 іюня подтвердилъ бійскому исправнику: киргизовъ, кочующихъ по правому берегу, выше крестьянскихъ селеній, не выдворять. Сохранившіеся матеріалы не даютъ возможности нарисовать съ желаемой полнотой картину происшедшаго; зато, насколько сильна была вѣра въ могучее дѣйствіе *предписаній*, насколько, очевидно, трудно было издали взвѣсить *реальныя* условія и причины совершившихся событій,—объ этомъ можно судить по слѣдующему распоряженію генералъ-губернатора, данному семипалатинскому губернатору 22 декабря 1875 г.

«Предлагаю вашему превосходительству принять съ своей стороны всѣ мѣры къ сохраненію тишины и спокойствія между киргизами Чингистайской волости, какъ на зимнихъ ихъ стойбищахъ, такъ и во время имѣющаго послѣдовать весною ихъ перевода въ степь, возложивъ непосредственное наблюденіе за этимъ на кого либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, заслуживающихъ особаго довѣрія,—съ тѣмъ чтобы киргизы постепенно выводились съ земель Кабинета, *каждый разъ* по передачѣ ихъ кѣмъ слѣдуетъ въ вѣдѣніе подлежащихъ властей области, *спокойно и твердо водворяемы были въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ природныхъ ихъ кочевокъ*. Точное исполненіе требуемой мѣры, какъ обусловливаемое лишь правильнымъ употребленіемъ тѣхъ средствъ, какія предоставлены въ этомъ отношеніи въ полное

[1]) См. въ приложеніяхъ (№ 6) представленіе семипалатинскаго губернатора генералъ-губернатору Зап. Сибири 24 ноября 1875 г. за № 9688.

распоряженіе вашего превосходительства, я оставляю всецѣло на личной отвѣтственности вашей».

Безпорядки на Бухтармѣ и затрудненія въ Кулундинской степи вызвали, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, командировку члена совѣта главнаго управленія Зап. Сибири Заборовскаго. Знакомя послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ, губернаторъ Полторацкій 8 января 1876 г. излагалъ ему:

«Такъ какъ требованіе о выдвореніи мотивируется исключительно желаніемъ очистить землю для осѣдлыхъ поселеній, то необходимо прежде всего различать земли къ западу отъ р. Берели отъ земель, лежащихъ къ востоку отъ долины этой рѣки. На первомъ участкѣ имѣется много мѣстностей, удобныхъ для земледѣлія; на второмъ же, сильно возвышенномъ надъ уровнемъ моря и при томъ крайне пересѣченномъ, имѣются отличныя горныя пастбища, но земледѣліе, а слѣдовательно и водвореніе осѣдлыхъ поселеній тутъ безусловно невозможно[1]). Основываясь на этомъ различіи участковъ, казалось бы необходимымъ, не трогая киргизовъ, кочующихъ въ В. отъ Берели, постепенно выселять киргизовъ западнаго участка, но не за Берель, гдѣ удобныхъ мѣстъ для зимовокъ, по обилію снѣговъ, очень немного, а на лѣвый берегъ р. Бухтармы, въ разныя волости Заиртышскаго участка, по мѣрѣ того какъ киргизы будутъ успѣвать находить себѣ новыя зимовки. Въ теченіе нынѣшняго года всѣ усилія мѣстной администраціи будутъ направлены къ разселенію 115 кибитокъ, уже выдворенныхъ съ праваго берега р. Бухтармы вооруженною рукою и которыя, по заявленію уѣзднаго начальника, на настоящую зиму временно распредѣлены между своими родовичами[2]). Какъ быстрое и насильственное выдвореніе съ

[1]) «По наблюденіямъ геодезиста генеральнаго штаба капитана Мирошниченко, возвышеніе надъ уровнемъ моря Уруля достигаетъ 3712 фут., Табатовъ—4763 фут. и Чиндыгатуя—6112 фут.: по этимъ даннымъ высота устья р. Берели, самаго низкаго пункта мѣстности, лежащей къ В. отъ Берельской долины, должна превосходить 4000 фут., а извѣстно, что въ Южномъ Алтаѣ предѣлъ произрастанія хлѣбовъ вообще не превышаетъ 4000 фут (Списки насел. мѣстн., т. LX. Томская губ. стр. XCI)».

[1]) Объ этихъ 115 кибиткахъ устькаменогорскій у. начальникъ Халдѣевъ нѣсколько позже, 5 мая 1876 г. доносилъ: онѣ благополучно перезимовали въ наскоро устроенныхъ землянкахъ и въ юртахъ, огороженныхъ плетневыми дворами; за лѣто выстроятъ себѣ зимовки и будутъ размѣщены по своимъ волостямъ. Е. Ш.

горнозаводскихъ земель, такъ и обложеніе оброкомъ сверхъ кибиточной подати, остающихся нынѣ на этихъ земляхъ киргизовъ Бухтарминскаго края, я считаю крайне не удобнымъ. Киргизы эти еще недавніе подданные, имѣющіе близкихъ родовичей заграницею, и при усиленныхъ стѣсненіяхъ они легко могутъ откочевать, чему при чрезвычайной близости границы и затрудняющей наблюденіе пересѣченной мѣстности воспрепятствовать не легко, притомъ киргизовъ не легко убѣдить въ справедливости настоящихъ отношеній къ нимъ русскихъ властей.

«Чтобы разрѣшеніе вопроса о выдвореніи киргизовъ изъ предѣловъ Алтайскаго Горнаго Округа было прочно и, по возможности, менѣе отяготительно для населенія, необходимо, если возможно, отмѣнить невызванное достаточными основаніями запрещеніе киргизамъ проживать въ предѣлахъ Томской губ., что нынѣ служитъ единственнымъ препятствіемъ горному начальству отдавать киргизамъ землю въ арендную плату, и затѣмъ отмежевать пограничнымъ крестьянамъ узаконенный надѣлъ. Тогда киргизы, уже знакомые съ удобствами осѣдлой жизни, явятся арендаторами свободныхъ земель съ платою по 40 коп. за десятину и доставятъ значительный доходъ Кабинету Е. В. Сверхъ того существенно необходимо, чтобъ была проведена административная граница между Томской губ. и Семипалатинской областью, съ устраненіемъ всякой черезполосности. При настоящей же границѣ, не территоріальной, а сословной, когда крестьяне подчинены одному начальству (притомъ крайне удаленому отъ пограничныхъ мѣстъ), а киргизы другому, нѣтъ возможности устранить тѣ столкновенія, которыя волнуютъ край и угрожаютъ, если будутъ продолжаться, крайне печальными послѣдствіями.

«Съ своей стороны я уже исчерпалъ всѣ средства защиты киргизовъ, издревле проживающихъ въ предѣлахъ Алтайскаго Горнаго Округа, и мнѣ остается только исполнить предписаніе. Я знаю, что насильственное и немотивированное достаточными доводами закона и необходимости передвиженіе киргизовъ уничтожаетъ зачатки осѣдлости и домовитости, къ которымъ кочевники легко и скоро привыкаютъ въ сосѣдствѣ съ крестьянами, и подаетъ худой примѣръ для всей степи;

но, дѣйствуя по необходимости, думаю, что не на моей совѣсти будетъ лежать этотъ печальный шагъ назадъ въ развитіи степного быта»[1]).

Событія какъ будто хотѣли подтвердить опасенія семипалатинскаго губернатора. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ объяснительной записки своей Заборовскому онъ получилъ конфиденціальное сообщеніе устькаменогорскаго у. начальника, подполковника Халдѣева, отъ 31 января 1876 г. слѣдующаго содержанія:

«Ваше превосходительство Владиміръ Александровичъ. Начальникъ Катонъ-Карагайскаго отряда, маіоръ Бахиревъ, отъ 24 января за № 19, донесъ мнѣ, что онъ изъ подъ руки дозналъ: будто бы безпрестанныя ссоры крестьянъ дерр. Черновой и Березовой съ киргизами Чингистайской волости; разныя вымогательства крестьянъ, во главѣ которыхъ киргизы называютъ Карпа Макарова, Леонтія Краскова, Леонтія и Григорія Русиковыхъ; поборы, особенно со старшинства № 4, крестьянъ въ свою пользу за право кочевки и пастьбы скота по правому берегу р. Бухтармы—деньгами и баранами; а также всякаго рода притѣсненія со стороны крестьянъ; вывозъ крестьянами дер. Березовой 80 стоговъ сѣна, постановленнаго киргизами на правой сторонѣ р. Бухтармы,—все это въ совокупности съ неудовлетвореніемъ киргизскихъ жалобъ заставляетъ киргизовъ Чингистайской волости отложиться отъ Россіи и съ открытіемъ весны, подъ предлогомъ лѣтнихъ кочевокъ, побывъ нѣкоторое время на хребтахъ горъ, уйти въ китайскіе предѣлы. Также носятся слухи между киргизами о намѣреніи отложиться и укочевать въ китайскіе же предѣлы—родовъ Сарджумартовскаго и Кожембетевскаго. Получивъ это донесеніе и принявъ самыя энергичныя мѣры къ узнанію истины, а также всевозможныя мѣры къ успокоенію и отстраненію исполненія сего, я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія В. Пр—ва и просить указаній, причемъ присовокупляю, что я лично, по полученіи облегченія отъ болѣзни, немедленно отправлюсь въ Катонъ-Карагай и о собранныхъ мною данныхъ и сдѣланныхъ распоряженіяхъ поставлю обязанностью донести В. Пр—ву оффиціально».

Губернаторъ, разумѣется, всполошился. 16 февраля 1876 г. онъ

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, т. III, лл. 754—756, 779, 784, 833.

просилъ (конфиденціально) подполковника Халдѣева ѣхать на мѣсто возможно скорѣе и, если слухъ подтвердится, то объяснить киргизамъ всю преступность ихъ замысловъ и неизбѣжность наказанія, грозить вооруженными поисками за предѣлами государственной границы и напомнить, что китайцы все равно ихъ выдадутъ. Тогда же, 16 февраля, донося о происшествіи (и тоже конфиденціально) главному начальнику края, губернаторъ Полторацкій добавлялъ: «не смотря на полную увѣренность мою въ распорядительность подполк. Халдѣева, пользующагося неограниченной любовью и довѣріемъ завѣдываемаго имъ населенія, не могу безусловно отвѣчать за успѣхъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя можно принять по мѣстнымъ условіямъ для удержанія кочевника».

За отъѣздомъ генералъ-губернатора въ Петербургъ, предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ главнаго управленія Зап. Сибири былъ въ ту пору генералъ Цитовичъ. 27 февраля 1876 г. онъ распорядился немедленно произвести на мѣстѣ *особое* и самое тщательное разслѣдованіе самоуправствъ, породившихъ броженіе среди киргизовъ. Устькаменогорскій у. начальникъ и мировой посредникъ VII участка Алтайскаго Горнаго Округа должны были провѣрить жалобы и претензіи, тотчасъ же удовлетворить ихъ (за исключеніемъ требующихъ формальнаго разслѣдованія въ порядкѣ уголовномъ), а обидчиковъ предупредить, что всякое повтореніе подобоыхъ правонарушеніе впредь будетъ разсматриваться, какъ «упорное неповиновеніе начальству». Сверхъ того предсѣдательствующій предписывалъ донести о результатахъ и «о впечатлѣніи», какое произведутъ принятыя мѣры на обѣ стороны; неукоснительно слѣдить за всякимъ движеніемъ кочевниковъ, быть наготовѣ и увѣдомлять черезъ каждыя двѣ недѣли о положеніи дѣла. Наконецъ 1 марта 1876 г. послѣдовало, на основаніи телеграммы генералъ-губернатора, слѣдующее распоряженіе, какъ «экстренно-важное»: «На обязанности мѣстныхъ властей лежитъ какъ охраненіе границы сторожевыми отрядами и пикетами отъ мятежныхъ шаекъ, такъ и воспрепятствованіе самовольному оставленію кочевниками нашихъ предѣловъ»[1]).

Однако опасенія оказались на этотъ разъ преждевременными. 22

[1]) Тамъ же, лл. 789, 797—802, 805.

марта 1876 г. подполк. Халдѣевъ доносилъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ онъ ѣздилъ въ Чингистайскую волость и, «по тщательномъ изъ подъ руки разслѣдованіи, нашелъ все кочевое населеніе въ совершенномъ спокойствіи и полной преданности нащему правительству. Слухъ же оказался невѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣющимъ никакого значенія и не произвелъ никакого вреднаго на киргизовъ вліянія».

Что же однако вызвало появленіе такого слуха? Нѣтъ дыма безъ огня, и въ томъ же донесеніи уѣзднаго начальника не трудно подмѣтить признаки такового. Киргизы «роптали» «на неправильное, по ихъ мнѣнію, выдвореніе ихъ въ прошлом году»; они привыкли считать мѣста, откуда ихъ изгоняли, своими по праву наслѣдства; слѣдствіе по дѣлу о столкновеніи 23 сентября 1875 г. все еще не было закончено и киргизы потеряли надежду получить удовлетвореніе: вдобавокъ не было постановлено никакого рѣшенія еще по другому аналогичному дѣлу о самоуправствѣ крестьянъ въ 1873 г., что, вмѣстѣ взятое, подрывало у киргизовъ «вѣру въ покровительство и защиту ихъ со стороны русскаго начальства». Удивляться ли, что явилось желаніе искать иныхъ мѣстъ, «хотя бы даже заграницей, въ киреевцахъ», съ которыми, какъ извѣстно, многіе изъ чингистайскихъ киргизовъ состояли въ родствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ? Толки о переселеніи въ Китай, несомнѣнно, существовали, но толки глухіе и осторожные, а съ пріѣздомъ уѣзднаго начальника они и совсѣмъ заглохли, хотя только наружно. Подозрительный и недовѣрчивый, инородецъ умѣлъ во время притаиться; но видѣть въ наружной тишинѣ, какъ это допустилъ подполк. Халдѣевъ, выраженіе «совершеннаго спокойствія и полной преданности нашему правительству», доказательство возвращенія къ «прежней безусловной довѣрчивости и покорности», было большимъ оптимизмомъ. Послѣдующія событія не замедлили доказать всю ошибочность такого мнѣнія. Въ данную минуту киргизы, дѣйствительно, притихли, но лишь потому что обстоятельства еще не сложились для нихъ благопріятно. Но пройдетъ два года, они найдутъ моментъ болѣе удобнымъ, и «слухъ» окажется на этотъ разъ уже вполнѣ реальнымъ фактомъ[1]).

[1]) См. въ Приложеніяхъ (№ 7) донесеніе устькаменогорскаго у. начальника семипалатинскому губернатору 22 марта 1876 г. за № 1165.

Да и какъ было ему не реализоваться, когда киргизамъ оставалось одно изъ двухъ: или въ самомъ дѣлѣ уходить заграницу, или снова возвращаться на старыя становища, откуда ихъ такъ усиленно выдворяли: — говоримъ: одно изъ двухъ, потому что водвориться на предлагаемыхъ мѣстахъ, на лѣвомъ берегу Бухтармы могла лишь самая ничтожная часть, да и то при условіи постояннаго раздраженія и споровъ. И вотъ, пока не переходя государственной грани, киргизы упорно переходятъ грань рѣчную. Такъ 138 юртъ, въ числѣ 415 человѣкъ м. п. и 368 ж. п., съ 1295 лошадьми, 20 коровами, 4278 баранами и 35 верблюдами, перезимовавъ на лѣвомъ берегу Бухтармы, двинулись во второй половинѣ февраля 1876 г. снова на правый. Что за неудержимая сила тянетъ ихъ туда? Конечно, не капризъ, не «привычка», а мотивы болѣе сильные и властные: забота о физическомъ существованіи, потребность прокормить себя и свои стада. Киргизовъ, разумѣется, не оставятъ въ покоѣ. 7 іюля 1876 г. генералъ-губернаторъ пишетъ семипалатинскому губернатору: Кабинетъ настаиваетъ на выселеніи, и оно должно быть сдѣлано. Я не нахожу твердо обоснованнымъ представленіе о невозможности одновременно выселить 573 кибитки, а такъ какъ всякая дальнѣйшая уступка подобнаго рода отдалитъ на неопредѣленное время исполненіе настоятельныхъ требованій Кабинета, то предписываю совершить одновременное переселеніе киргизовъ съ праваго берега Бухтармы[1]).

Въ октябрѣ 1876 г. снова потянулись киргизскія кибитки, выдворяемыя съ кабинетскихъ земель[2]), но киргизы и послѣ этого будутъ продолжать жить тамъ подъ видомъ работниковъ у крестьянъ или арендаторовъ ихъ земель[3]), пока новыя стѣсненія не приведутъ ихъ къ рѣшительной попыткѣ искать себѣ счастья, дѣйствительно за предѣлами Россіи.

---

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8917 т. III. лл. 858—860, 915.

[2]) Тамъ же, лл. 914, 920.

[3]) Подробности объ этомъ см. въ Приложеніяхъ (№ 8): отношеніе семипалат губернатора томскому 18 апрѣля 1877 г. за № 3244 и рапортъ и. д. уѣзднаго начальника Усть-каменогорскаго уѣзда 21 февраля 1878 г. за № 1024

VII.

Какъ произошло самое выселеніе киргизовъ въ Китай въ 1878 г. мы, къ сожалѣнію, не знаемъ: обидный пробѣлъ въ матеріалахъ лишаетъ насъ возможности изложить это событіе съ той подробностью и отчетливостью, какую оно заслуживаетъ. Впослѣдствіи, въ 1884 г., устами тогдашняго генералъ-губернатора Колпаковскаго, было открыто признано, что выдвореніе киргизовъ съ праваго берега Бухтармы поставило ихъ совершенно въ безвыходное положеніе: очутившись «на узкой полосѣ земли между быстрою граничною рѣкою и горами, лишившись большей части своихъ прежнихъ пастбищъ и не имѣя никакой возможности расширить назначеннаго имъ земельнаго участка настолько, чтобъ прокормить свои стада», они волей-неволей должны были бѣжать на китайскую территорію. Поднялись двѣ волости, Чингистайская и Алтайская, въ полномъ составѣ. Движеніе предвидѣли; приняты были даже мѣры воспрепятствовать ему, но безуспѣшно; «озлобленнымъ киргизамъ, послѣ кроваваго столкновенія съ нашими пограничными постами, удалось откочевать со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ за русскую границу»[1]). Но въ Китаѣ ихъ ждало разочароніе: приняли ихъ тамъ дурно; условія жизни оказались еще тягостнѣе чѣмъ въ Россіи, и уже на слѣдующій годъ большая часть бѣглецовъ вернулась обратно, водворившись на тѣхъ мѣстахъ, откуда бѣжала. Еще черезъ годъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, вернулись и остальные. Разумѣется, «положеніе ихъ отъ этого ни мало не улучшилось»;

[1]) По свидѣтельству Пржевальскаго (Третье путешествіе въ Центральную Азію. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 20), ушедшихъ (частью въ Южный Алтай, частью на р. Урунчу) было 1800 кибитокъ въ числѣ приблизительно около 9000 душъ обоего пола—цифра сильно преувеличенная. Мы уже видѣли выше, что число кибитокъ, подлежащихъ выдворенію съ праваго берега р. Бухтармы, опредѣлялось, хотя и неодинаково, но всегда въ предѣлахъ 500—600. Возможно, что кромѣ этихъ въ Китай пошли еще и другіе киргизы; но конечно, не въ такомъ количествѣ, чтобъ довести общую цифру до 1800 кибитокъ. Позже, домогаясь аренды правобережныхъ лѣтовокъ на ур. Чобанбай, киргизы ходатайствовали всего лишь за 1000 кибитокъ—между тѣмъ въ данномъ случаѣ имъ было всего естественнѣе указать наибольшую цифру нуждавшихся въ кабинетской землѣ. Тѣ же киргизы опредѣлили, въ прошеніи 27 сентября 1882 г., число бѣжавшихъ въ Китай только въ 600 кибитокъ. (Арх. Сем. Об. Правл. Дѣло № 8197 т. V, лл. 1—2).

узкая полоска земли по лѣвой сторонѣ р. Бухтармы, вмѣсто желаннаго и необходимаго для кочевника приволья, скорѣе походила на тѣсный корридоръ, гдѣ тысяча (по счету Колпаковскаго) кибитокъ, т. е. «по меньшей мѣрѣ 5000 душъ», прямо задыхались, лишенные какой либо возможности свободно расположиться со своими стадами. Киргизы безусловно бѣдствовали. Можно было задаться вопросомъ: не заставитъ ли все это ихъ перейти изъ кочевого быта къ земледѣлію? но, «не говоря уже о томъ, что такого рода переходы не совершаются въ 3—4 года»,—удобныхъ для этого земель у киргизовъ не было. Киргизамъ грозило обнищаніе; чтобы противодѣйствовать ему, требовалась немедленная помощь, и помощь эту генералъ-губернаторъ Колпаковскій видѣлъ (въ 1884 г.) «единственно въ расширеніи предѣловъ ихъ кочевокъ»[1]).

Предѣлы однако не расширялись, и киргизы—какъ это ни дико звучитъ послѣ такого количества предписаній, распоряженій, требованій, даже угрозъ и примѣненія вооруженной силы,—киргизы по прежнему продолжали откочевывать на правый берегъ Бухтармы, на свои излюбленныя лѣтовки. Горное вѣдомство тоже попрежнему настаивало на ихъ выдвореніи, и главный начальникъ края, столь ясно представлявшій себѣ положеніе киргизовъ, вынужденъ былъ, подчиняясь дѣйствующимъ узаконеніямъ, тѣмъ же перомъ, которымъ защищалъ интересы инородцевъ, мѣшать имъ дѣлать то, что по его убѣжденію являлось въ ихъ положеніи совершенно натуральнымъ и необходимымъ: въ 1883 г. генералъ Колпаковскій безусловно воспретилъ имъ кочевать на крестьянскихъ и кабинетскихъ земляхъ праваго берега Бухтармы. И что же?.. Жизненныя требованія оказались и теперь сильнѣе; распоряженіе и теперь «попрежнему» оставалось мертвою буквою. Даже спустя 9 лѣтъ, въ 1892 г., уѣздный начальникъ свидѣтельствовалъ[2]), что съ 1883 г. шло только «постоянное *напоминаніе* киргизамъ Чингистайской волости о некочевкѣ въ предѣлы Бійскаго округа», и ни семипалатинскимъ, ни томскимъ властямъ не уда-

[1]) Дѣло канцеляріи степного г.-гбернатора. отд. II. стол. 11 по описи 1896 г. № 5.

[2]) Рапортъ Устькам. у. начальника Федорова семипал. губернатору 28 мая 1892 г. за № 2765.

лось настоять на выполненіи сдѣланнаго распоряженія: киргизы переходили рѣку и кочевали на уроч. Чобанбай, Укокъ, Калгутты и др.

Впрочемъ въ этихъ ненормальныхъ отношеніяхъ съ 1882 г. замѣчается нѣкоторый прогрессъ. Горькій опытъ длиннаго ряда лѣтъ вынудилъ киргизовъ разстаться съ излюбленной мыслью о «наслѣдственныхъ» и «исконныхъ» правахъ своихъ на правый берегъ: пускай онъ принадлежитъ Кабинету, говорятъ они; берите аренду за наши лѣтовки, но по крайней мѣрѣ не мѣшайте пользоваться ими.

Чингистайская волость, куда такъ усиленно выдворяли киргизовъ изъ за Бухтармы, представляла собою узкую полосу земли, съ юга приткнувшуюся къ государственной границѣ и Нарымскому хребту, а съ сѣвера къ Томской губерніи, начинаясь, на западъ, отъ р. Средней Теректы (что межъ казачьимъ поселкомъ Малонарымскимъ и дер. Таловкою) и кончаясь, на востокѣ, урочищемъ Укокъ. Это была мѣстность исключительно горная, большею частью лѣсная и каменистая. Къ 1883 году въ указанныхъ предѣлахъ не мало угодій было уже навсегда потеряно для киргизовъ: нарѣзаны были земли для дер. Медвѣдки, ст. Алтайской, пос. Урульскаго; пока еще безъ нарѣзки, но также на киргизскихъ угодяхъ устроился Катонъ-Карагайскій постъ—все лучшіе, наиболѣе жирные куски. На долю старыхъ владѣльцевъ долины осталось и мало, и далеко не все перваго качества. Даже на зиму, какъ ни тѣсно скучивались ихъ зимовки, киргизы никакъ не могли размѣститься здѣсь полностью; 100 кибитокъ вынужденны были зимовать за плату на казачьихъ (другими словами: на своихъ прежнихъ!) земляхъ и по сосѣдству на крестьянскихъ въ Бійскомъ округѣ. А про лѣтовки и говорить нечего. Съ наступленіемъ весны киргизы разбредались частью за Нарымскій хребетъ въ Курчумскую волость, частью къ киргевцамъ въ Китай, частью на кабинетскія земли, гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ встрѣчали такъ недружелюбно и выпроваживали изъ года въ годъ.

При такихъ узловіяхъ естественно, что извѣстіе о намѣреніи правительства основать въ Бухтарминской долинѣ новый казачій поселокъ было для киргизовъ страшнымъ ударомъ. Лѣтомъ 1882 г. пріѣхалъ землемѣръ и на уроч. Чингистай запроектировелъ участокъ для нова-

го поселенія (да кромѣ того еще 300 дес. спеціально для церковнаго причта Алтайской станицы по сосѣдству съ надѣломъ этой послѣдней). Поселеніе это устраивалось въ цѣляхъ служить промежуточнымъ звеномъ между ст. Алтайской и пос. Урульскимъ, на полпути между которыми находилось названное урочище. Земская почтовая гоньба на перегонѣ въ 60 верстъ была неудобна, и Чингистай долженъ былъ поэтому играть роль промежуточной сранціи. Киргизамъ очень не хотѣлось отдавать своихъ угодій и они поспѣшили предложить такого рода компромиссъ: въ видѣ откупа, они брались, за свой счетъ, содержать на Чингистаѣ почтовый пикетъ, лишь бы тутъ никто не селился. На эту сдѣлку пошли и, кажется, тѣмъ охотнѣе, что землемѣрная съемка показала на урочищѣ всего лишь 657 дес. удобной земли, только на 7 семей, тогда какъ требовалось 2151 дс. на 15 семей[1]).

Одновременно съ указаннымъ контръ-проектомъ киргизы вошли 27 сентября 1882 г. съ другимъ ходатайствомъ: о дозволеніи имъ пользоваться лѣтовками на правомъ берегу р. Бухтармы на уроч. Чобанбай, «на свободныхъ земляхъ, не касаясь сѣнокоснаго, хлѣбопахотнаго и выгоннаго надѣла деревень Берели, Березовки и Черновой»[2]). Семипалатинскій губернаторъ Проценко, лично убѣдившись въ стѣсненномъ положеніи киргизовъ, поддержалъ ходатайство и въ этомъ смыслѣ снесся, 6 октября 1882 г., съ Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ, предла-

[1]) Дѣло о перемежованіи ст. Алтайской, согласно положенія 9 іюля 1877 г.

[2]) Въ прошеніи, поданномъ на имя семипалатинскаго губернатора отъ имени волостного управителя Чингистайской волости, совмѣстно съ біями, аульными старшинами и прочими почетными киргизами, говорилось: Мы сызначала лѣтовали на вершинахъ Чобанбайскихъ горъ, зимовали тоже на правомъ берегу Бухтармы. Еще до вступленія нашего въ русское подданство поселились на р. Черновой три или четыре крестьянскихъ семьи, что служило для насъ указаніемъ о предстоящемъ вскорѣ переходѣ нашихъ земель отъ Китая къ Россіи; поэтому всѣ, кто кочевалъ на правомъ берегу Бухтармы, ушли въ китайскіе предѣлы, на уроч. Акколъ и къ р. Кобдо; но, не найдя тамъ для стойбищъ удобныхъ земель, мы вернулись обратно на тѣ же мѣста, кочевали тутъ 3—4 года, пока, въ числѣ 600 кибитокъ, не были выдворены на лѣвый берегъ. Но на лѣвомъ берегу уже кочевали другіе киргизы, и наше выселеніе породило взаимное стѣсненіе, неурядицы и споры,—въ результатѣ тѣ, кто не нашелъ себѣ удобныхъ земель, бѣжали въ Китай. Скитаясь тамъ около двухъ лѣтъ, мы раззорились и лишились послѣдняго скота, а потомъ снова вернулись, и изъ 600 кибитокъ въ Китаѣ осталась самая малая часть. Нынѣ на урочище Чингистай пріѣхалъ землемѣръ, размежевываетъ землю для предположеннаго выселка; по его межовкѣ всѣ лучшія наши пахотныя и сѣнокосныя земли отходятъ отъ насъ. (Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, г. V, лл. 1—2).

гая ему тѣ же условія аренды, что уже существовали на Кулундинской степи; но Горное Правленіе отказало (29 октября 1882 г.), ссылаясь на прежнее предписаніе Кабинета. Киргизовъ не хотѣли пускать къ себѣ, какъ непріятныхъ и опасныхъ арендаторовъ; ихъ обвиняли въ томъ, что они обыкновенно занимаются воровствомъ, портятъ заводскіе лѣса, вытаптываютъ пастбища,—иными словами, и вредъ матеріальный наносятъ, да и возни всякой—судебной, канцелярской—съ ними не оберешься[1]).

Въ дальнѣйшемъ новую попытку сдѣлалъ степной генералъ-губернаторъ. Въ донесеніи на имя министра Двора (28 мая 1883 г.), стараясь парализовать точку зрѣнія Кабинета, онъ выставлялъ на видъ, что вреда для земледѣльческаго хозяйства своимъ кочеваніемъ киргизы нанести не могутъ, такъ какъ имъ придется кочевать въ мѣстности, лежащей не ниже 4000 ф. надъ ур. м., гдѣ хлѣбовъ все равно не сѣютъ, такъ какъ они тутъ не вызрѣваютъ; что воровать и грабить киргизамъ на Чобанбаѣ некого: между ними и ближайшими осѣдлыми поселеніями будетъ лежать пустынная полоса въ 150—200 верстъ шириною; къ тому-же киргизы обыкновенно никогда не воруютъ тамъ, гдѣ живутъ.

Не столько ходатайство генералъ-губернатора, сколько очевидная безвыходность положенія киргизовъ (къ тому же есть указанія на бывшій какъ разъ въ это время среди нихъ голодъ) и сознаніе, что, повторись нѣчто подобное эмиграціи 1878 г. въ предѣлы Китая, положеніе вещей сразу стало-бы значительно серьезнѣй и тревожнѣе,—заставили Кабинетъ пойти на уступки. Подъ Чобанбаемъ подразумѣвалось пространство, съ сѣвера ограниченное рѣкою Катунью, съ востока горами Бельгетау, съ юга надѣлами крестьянскихъ деревень: Каменьщики, Фыкалка, Черновая и Березовая, а съ запада—горами Салтынъ-тау (?). За плату въ 1000 рублей ежегодныхъ киргизамъ предоставили право кочевать здѣсь въ количествѣ до 1000 кибитокъ безъ ограниченія количества скота. Переправа черезъ Бухтарму и черезъ прилегающія крестьянскія земли должна была производится по тремъ заранѣе указаннымъ дорогамъ.

[1]) Тамъ же лл. 5—7.

Въ свою очередь крестьяне старались помѣшать заключенію аренды Чобанбайскаго урочища, высказывая опасеніе, какъ бы не возобновились прежнія столкновенія съ кочевниками, указывая на то, что ихъ деревни будутъ теперь охвачены «кольцомъ киргизовъ—конокрадовъ». Зато, насколько аренда эта важна была для самихъ киргизовъ, можно судить между прочимъ изъ того, что когда въ Омскѣ стали было опасаться, какъ бы со стороны Горнаго Правленія не встрѣтилось помѣхи къ заключенію договора, то на запросъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ,—устькаменогорскій уѣздный начальникъ отвѣчалъ по телеграфу: обойтись безъ чобанбайскихъ лѣтовокъ нельзя; не допустить туда киргизовъ можно только силою.[1]).

При всемъ томъ уступки Кабинета шли не далѣе какъ на два года, на 1884 и 1885: съ 1886-го вопросъ о выдвореніи киргизовъ возобновился съ прежнею силою. Но на этотъ разъ положеніе Кабинета было уже иное: двухлѣтнее соглашеніе нанесло ударъ самому принципу, изъ какого до сихъ поръ онъ выходилъ въ своихъ постоянныхъ отказахъ киргизамъ: признавши однажды возможность уступить свои земли хотя бы на два года, теперь Кабинету труднѣе было отстаивать прежнюю точку зрѣнія. И всетаки онъ еще долго отстаивалъ ее. Не ранѣе 1894 г. министерство Двора[2]) дало согласіе на кочеванье киргизовъ въ Чобанбайскихъ горахъ, подъ условіемъ круговой поруки и за плату не менѣе одного рубля съ кибитки; впрочемъ даже и послѣ этого окончательное рѣшеніе долго заставило ждать себя и все же не сдѣлало положенія киргизъ вполнѣ прочнымъ и постояннымъ.

Въ маѣ 1895 г. семипалатинскій губернаторъ получилъ извѣщеніе, что «имѣя въ виду свыше сорокалѣтнее воспрещеніе киргизамъ кочевать въ заселенныхъ мѣстахъ Западной Сибири (со времени изданія положенія Сибирскаго Комитета о мѣрахъ къ прекращенію конокрадства въ Зап. Сибири, Высочайше утвержденнаго 19 марта 1854 г.) и что, въ частности, въ предѣлахъ Алтайскаго округа имъ дозволено лишь въ видѣ особаго исключенія пребываніе въ мѣстности Ку-

[1]) Дѣло канцеляріи степного генералъ-губернатора, по описи 1896 г. № 5.

[2]) Въ отношеніи 30 марта 1894 г. за № 3668 на имя степного генералъ-губернатора.

лундинской степи»,—министерство Двора затруднялось «входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи нынѣ киргизамъ Чингистайской волости Устькаменогорскаго уѣзда кочевать въ Бійскомъ округѣ, въ мѣстности Чобанбай»; въ виду однако крайне бѣдственнаго положенія этихъ киргизовъ, министерство признало возможнымъ оказать имъ посильное «содѣйствіе, разрѣшивъ названнымъ киргизамъ заарендовать у Главнаго Управленія Алтайскаго округа для пастьбы скота вышеуказанную мѣстность горъ Чобанбай на опредѣленный срокъ и за опредѣленную годичную плату»[1]).

«Опредѣленная годичная плата», какъ позже выяснилось, сводилась къ суммѣ въ 1000 рублей. Замѣна ранѣе проектированнаго сбора по 1 рублю съ кибитки мало улыбалась киргизамъ: они находили, что при такомъ разсчетѣ стоимость аренды чувствительно вздорожаетъ[2]).

Къ тому же уѣздный начальникъ сильно сомнѣвался, окажутся ли киргизы вообще аккуратными въ уплатѣ аренды, такъ какъ, по его словамъ, они и безъ того съ трудомъ справлялись со своими податями и сборами, земскимъ и частнымъ[3]).

Въ концѣ концовъ дѣло уладилось: киргизы должны были уступить, 8 апрѣля 1896 г. заключенъ былъ контрактъ срокомъ на 10 лѣтъ, по 1 января 1906 года. Въ силу новаго договора арендаторы выплачивали ежегодно, въ полугодовые сроки, одну тысячу рублей за круговой порукой, съ обязательствомъ пользоваться для прогона скота лишь тремя заранѣе условленными трактами: весною—въ теченіи апрѣля, и осенью—съ 15 сентября по 15 октября[4]).

Характерно, что предсказанія уѣзднаго начальника начали сбы-

---

[1]) Степной г.-губернаторъ семипал. губернатору 13 мая 1895 г. за № 2247.

[2]) Устькаменогорскій у. начальникъ рапортовалъ 27 апрѣля 1897 г. за № 1363, что собрать точныя свѣдѣнія о числѣ кибитокъ на Чобанбаѣ «положительно невозможно». раньше ихъ никто не повѣрялъ, если же судить по тому, что до 1895 г. тамъ кочевали №№ 1, 2, 4, 5, 6 и 7 ауловъ (старшинствъ), то выходитъ, что кибитокъ было отъ 600 до 700: лѣтомъ же 1897 г. тамъ было 524 кибитки. По свѣдѣніямъ за іюнь 1899 г. тамъ кочевало 755 кибитокъ 2, 3, 4, 5, 6 и 10-го старшинствъ, въ количествѣ 1799 душъ муж. пола. (Донесеніе чингистайскаго волостного управителя 11 іюня 1899 г. за № 665).

[3]) Рапортъ устьк. у нач. 20 января 1895 г. за № 1228.

[4]) См. самый текстъ договора въ приложеніяхъ (№ IX).

ваться почти тотчасъ же: уже 19 мая 1897 г. начальникъ Алтайскаго округа жаловался семипалатинскому губернатору, что киргизы не уплатили арендныхъ денегъ за вторую половину 1896 г. Равнымъ образомъ взносы третій (за первую половину 1897 г.) и четвертый (за вторую половину 1897 г.) уплачены своевременно также не были. Съ долгами расплатились лишь 26 января 1898 г., сразу за вторую половину 1896 г. и за весь 1897 годъ, такъ что одного штрафу накопилось 90 рублей[1]). Выходитъ, что не только киргизы оказывались неисправными, но и Горное Правленіе закрыло глаза на неисправность арендаторовъ, такъ какъ по пункту 3-му договора неуплата аренды въ трехмѣсячный срокъ влекла за собою расторженіе контракта. Между тѣмъ мы видимъ, что Горное Правленіе 18 мѣсяцевъ ждало взноса за вторую половину 1896 г., 12 мѣсяцевъ за первую 1897 года, 6 мѣсяцевъ—за вторую половину 1897 года[2]).

VIII.

Мы видѣли (гл. IV), что усиленный приростъ населенія ст. Алтайской въ первые годы ея основанія породилъ потребность въ дополнительномъ надѣлѣ казакамъ и что семипалатинская администрація находила дальнѣйшія отрѣзки угодій у киргизовъ серьезной угрозой для ихъ экономическаго благосостоянія. Съ своей стороны Войсковое Хоз. Правленіе надѣялось, что вопросъ упростится, если земля окажется возможною для орошенія, такъ какъ «на основаніи вѣдомости о порайонныхъ размѣрахъ пашенныхъ надѣловъ, съ принятіемъ зачета указаннаго для земель, орошаемыхъ водою, можетъ быть данъ казакамъ пашенный надѣлъ въ одну четверть десятины за цѣлую десятину удобной степи»,—но оказалось, разсчетъ этотъ дѣла не подвинулъ.

[1]) Платить пришлось всего 1590 руб. Рапортъ устькам. у. нач. 24 февраля 1898 г. за № 1397.

[2]) Дѣло Сем. Обл. Правл. отд. хоз. столъ I, по описи 1898 г. № 55. По прошенію довѣренныхъ отъ киргизовъ Чингистайской вол. Нурджана Кончубаева и Лапра Урунтаева о разрѣшеніи имъ въ числѣ 100 кибитокъ кочевать по правую сторону р. Бухтармы.

А между тѣмъ населеніе продолжало, хотя и не такъ уже интенсивно, увеличиваться изъ года въ годъ. Въ маѣ 1882 г. его насчитывали 173 м. души. Какъ разъ въ это время правительство намѣтило два новыхъ казачьихъ поселенія: одно на уроч. Чингистай, другое на рч. Кулуджунѣ, и областная администрація ухватилась за проектъ, предложивъ разрѣшить затрудненіе путемъ выселенія алтайскаго излишка на новыя мѣста[1]). Но, какъ мы уже видѣли, на Чингистаѣ земель, удобныхъ подъ поселеніе, оказалось слишкомъ мало; что же до Кулуджуна, то его заселили (въ 1885 г.) кокчетавскими казаками,— и затрудненія съ Алтайской станицею остались по прежнему не разрѣшенными.

Шли новые годы; въ Алтайской считали (къ январю 1887 г.) уже 62 семьи въ 195 д. м. п.; къ концу 1891 года—65 семей изъ 207 д. м. п., т. е. прибылого населенія 131 душу (на 76 первоначальныхъ). Казаки неустанно хлопотали о дополнительной нарѣзкѣ, подавая прошенія въ Войсковое Хоз. Правленіе, степному генералъ-губернатору, доходя и до военнаго министра[2]). Вотъ для примѣра примѣра прошеніе 4 декабря 1891 г., любопытное по заключающимся въ немъ даннымъ. Картина нарисована, разумѣется, слишкомъ темными красками; субъективная оцѣнка положенія вещей несомнѣнна; но при извѣстной осторожности и эти указанія могутъ служить для изслѣдователя не безполезнымъ матеріаломъ.

Неправильно считать—говорили казаки—надѣлъ нашъ въ 3040 дес. удобной земли достаточнымъ, потому что «удобной хлѣбопахатной земли вовсе не имѣется, такъ какъ земля во всей Бухтарминской долинѣ, самая лучшая, имѣетъ чернозема отъ 4 до 5 вершковъ», въ остальной же она еще тоньше; поверхность большею частью покрыта камнемъ, самая лучшая даетъ урожай въ теченіе всего лишь первыхъ трехъ лѣтъ, а потомъ должна отдыхать «не менѣе десяти лѣтъ», послѣ чего снова хватаетъ ея только на два года. Дикій черный овесъ

[1]) Отношенія устькам. у. начальника 13 мая 1882 г. за № 3716 и семипал. губернатора 5 іюня 1882 г. за № 4888 на имя Войсков. Хоз. Правленія.

[2]) Въ 1877 г., 1879, 1881 гг., 24 декабря 1886, 25 апрѣля 1889, 11 мая 1890, 5 апрѣля 1891, 4 декабря 1891 г.

и другія сорныя травы заглушаютъ посѣвъ. Вообще урожай хлѣбовъ былъ лишь до 1876 года, потомъ же онъ становился все хуже и хуже. Согласно положенія 9 іюля 1877 г. землю нашу слѣдуетъ отнести къ категоріи малоудобныхъ; необходимо класть по три десятины за одну, т. е. весь надѣлъ считать не въ 3030 дес.[1]), а только въ 1010 дес.; поэтому надо признать, что первоначальный надѣлъ сдѣланъ былъ неправильно, и это особенно почувствовалось теперь съ увеличеніемъ населенія станицы. Если 3030 дес. нарѣзывались на 76 душъ, то на 207 теперешнихъ понадобится 6210, другими словами не хватаетъ цѣлой половины того, что слѣдовало бы имѣть казакамъ.

Вообще мы терпимъ большія неудобства и нужду. Пастбищныхъ мѣстъ хватаетъ на одинъ только мѣсяцъ; пайка—лишь на одну лошадь и корову. Недостатокъ въ пашняхъ заставляетъ арендовать ихъ у жителей дер. Медвѣдки, своя же пахотная земля лежитъ не далѣе какъ въ 60 саженяхъ отъ станицы, и хлѣбъ тамъ портитъ домашняя птица, мелкій скотъ и лошади, срывающіяся изъ дворовъ. Недостаетъ и сѣнокосныхъ луговъ, а это вызываетъ недокормъ скота. А тутъ еще киргизы вытаптываютъ до послѣдней степени наши сѣнокосы, приходится каждый день сторожить ихъ. Киргизами станица окружена со всѣхъ сторонъ, ихъ стойбища отстоятъ отъ насъ не далѣе $1^1/_2$—2 верстъ, такъ что киргизскій скотъ въ любое время находится на юртовой землѣ. Взойдетъ хлѣбъ—его вытаптываютъ; не успѣетъ выколоситься—его стравятъ. Землю подъ пашни арендуютъ казаки также и у киргизовъ, но ее трудно распахивать, такъ какъ почва здѣсь камениста, соха быстро съѣдается камнемъ, легко обламывается. Да и правильность аренды у киргизовъ ничемъ не обезпечена: хочешь на слѣдующую весну посѣять хлѣбъ,—глядишь, а киргизъ тайно продаетъ уже проданную землю другому, да еще отрицаетъ, что отъ перваго арендатора деньги имъ уже получены. А не то, случается, приготовишь пашню, вдругъ явятся нѣсколько человѣкъ киргизовъ и грозятся отобрать ее, какъ свою, такъ что приходится вторично платить за нее.

[1]) Просители считали 3020, а не 3040 дес., потому что при самомъ основаніи станицы 10 дес. было выдѣлено въ потомственное владѣніе вдовѣ Ананьиной, за переселеніе мужа ея безъ пособія.

Съ самаго водворенія своего въ Алтайской мы вынуждены были арендовать въ Алтайскомъ округѣ, верстъ 50 отъ станицы, за р. Бухтармой, луга для пастьбы на нихъ своихъ лошадей, при чемъ перегонъ черезъ быструю рѣку никогда не обходился безъ жертвъ. Въ томъ же Горномъ округѣ мы арендуемъ пашни и сѣнокосъ, но мѣстные крестьяне постоянно стѣсняютъ насъ, стараясь помѣшать горному вѣдомству сдавать намъ землю. При нарѣзкѣ юртовой земли почему то оставили черезполосицу, отдѣляющую юртъ отъ кабинетскихъ земель: съ запада—со стороны Бухтармы, близъ уроч. Термулакъ, въ полверсты; съ юго запада—въ полторы версты. Въ эту черезполосицу заходятъ киргизы пасть свой скотъ, травятъ и вытаптываютъ казачьи хлѣба и луга. Нельзя ли хоть отсюда удалить киргизовъ для избѣжанія столкновеній!.. Киргизы на лѣто укочевываютъ въ горы, сходятся тамъ съ другими киргизами, даже съ кирѣевцами, китайскими подданными, заносятъ болѣзни на рогатый скотъ, вслѣдствіе чего уже было два падежа. А мы ничего не можемъ подѣлать, потому что находимся въ загороди (т. е. отовсюду окружены киргизами). Въ полутора верстахъ отъ Алтайской лежитъ поселокъ Катонъ-Карагай—его жители тоже притѣсняютъ насъ скотомъ, потравою хлѣбовъ. Вотъ почему каждому казаку приходится отвѣшивать низкіе поклоны полнымъ землевладѣльцамъ: крестьянину или кочующему вездѣ по вольной степи киргизу, что принижаетъ казаковъ. У нихъ большею частью всего по одной лошади, рогатаго же скота у кого и совсѣмъ нѣтъ. Просители ходатайствовали о дополнительномъ надѣлѣ и, если возможно, то также объ удаленіи киргизовъ хотя бы съ той черезполосицы—клина, гдѣ они засѣли и причиняли имъ существенный вредъ[1]).

Просьбы казаковъ могли быть выполнены при условіи предварительной новой земельной съемки, приступить же къ ней долгое время оказывалось труднымъ или невозможнымъ. Только въ 1888 году провѣрочная комиссія объѣздила край, чтобы приготовиться къ таксаціи земель и опредѣлить размѣры предстоящихъ очередныхъ работъ; самая же съемка была произведена въ 1890. и только къ концу 1891 года выяснилась цифра дополнительнаго надѣла, 3498 дес. 1036 саж. удоб-

[1]) Дѣло о перемежеваніи ст. Алтайской согласно положенія 9 іюля 1877 г.

ной земли. Вопросъ, какимъ путемъ вознаградить киргизовъ за отходящія отъ нихъ земли, оставался еще открытымъ (генералъ-губернаторъ предполагалъ расширить кочевки чингистайскихъ киргизовъ на счетъ сосѣднихъ киргизскихъ волостей, а тѣ въ свою очередь продвинуть далѣе), но самая нарѣзка для алтайцевъ была уже рѣшена въ положительномъ смыслѣ[1]).

Кромѣ ст. Алтайской (3498 дес.) имѣлось въ виду одновременно добавить земли пос. Большенарымскому (1463 д.), ст. Зайсанской (592 д.) и поселку Кендерлыкскому (3293 д.),—всего 8846 дес. Для этого имѣлось на лицо: въ Чингистайской вол. до 312000 дес. при 1634 кибиткахъ, до 416000 д. въ Нарымской вол. при 1954 киб. и въ Кендерлыкской вол. тоже 312000 д. при 1700 киб.,—всего 1040000 дес. при 5288 киб. Количество это, по мнѣнію главнаго начальника края, позволяло считать отрѣзку 8856 дес. «дѣломъ, повидимому, вполнѣ возможнымъ»[2]). Совершенно иначе взглянули на это въ Семипалатинскѣ. Хотя устькаменогорскій уѣздный начальникъ и допускалъ нарѣзку, (правда, съ нѣкоторыми ограниченіями),[3]) но губернаторъ Карповъ принципіально былъ противъ всякаго новаго отчужденія киргизскихъ угодій. Опираясь на вычисленія И. Я. Словцова, изслѣдовавшаго Кокчетавскій уѣздъ, и считая, совмѣстно съ нимъ, на каждую кибитку, по условіямъ кочевой жизни, не менѣе 184 дес. удобной земли, онъ находилъ, что киргизамъ не только нечѣмъ поступиться, но и самимъ едва-едва хватаетъ до нормы. Кромѣ того неудобная конфигурація чингистайскаго надѣла въ видѣ узкой полосы, къ тому же въ большей своей части занятой горами и ихъ отрогами, а также необходимость переходить Бухтарму и арендовать тамъ чужія земли—все это дѣлало нарѣзку Алтайской станицѣ, по мнѣнію генералъ-маіора Карпова, еще болѣе затруднительною. Въ нынѣшнемъ (1892) году, говорилъ онъ, уже возникли неудовольствія среди киргизовъ по-

[1]) Предложеніе степного г.-губернатора семипалат. губернатору отъ 6 февраля 1892 г.

[2]) Войсковой наказный атаманъ Сиб. каз. войска семипал. губернатору 19 марта 1892 г. за № 182

[3]) «Дополнительный надѣлъ необходимо сдѣлать по дорогѣ, ведущей изъ Алтая въ дер. Медвѣдку Бійскаго округа, отъ границы настоящаго казачьяго надѣла, находящейся въ 7 верстахъ отъ поселка». Рапортъ 23 апрѣля 1892 г. за № 2090.

граничныхъ волостей Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ, вызванныя стѣсненіями въ землепользованіи, «распоряженіями уѣздной администраціи объ образованіи изъ свободныхъ участковъ осѣдлыхъ поселеній и запрещиваніями лѣсной стражи о престоящемъ выдвореніи киргизовъ изъ лѣсныхъ дачъ». Если и надѣлять алтайцевъ, то лучше изъ земель Бійскаго округа, лежащихъ у дер. Медвѣдки[1]).

Но распоряжаться землями чужого вѣдомства наказной атаманъ, конечно, не могъ, и потому мнѣніе устькаменогорскаго у. начальника было ему весьма на руку. Какъ разъ въ это время (лѣтомъ 1892 г.) землемѣру Путинцеву поручено было «опредѣлить посредствомъ съемки, какія именно земли возможны къ прирѣзкѣ станицѣ Алтайской»[2]); но тотъ поусердствовалъ и пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало: въ противность даннымъ инструкціямъ, онъ самовольно прирѣзалъ и обмежевалъ земли, прилегающія къ ст. Алтайской, и при томъ преимущественно съ восточной стороны, ссылаясь на то, что нарѣзать надо было 3498 дес., по дорогѣ же въ Медвѣдку удобной земли не наберется и 200—400 дес. Путинцевской нарѣзкой казаки достигали давнишней мечты—подойти съ сѣвера вплотную къ рѣкѣ Бухтармѣ и такимъ образомъ уничтожить тотъ клинъ-черезполосицу, на который они постоянно такъ жаловались. Путинцеву однако приказано было съемку прекратить, и самъ онъ долженъ былъ подать въ отставку. Генералъ-губернаторъ приказалъ (11 сент. 1893 г.) произвести нарѣзку съ западной стороны; со стороны же восточной къ Катонъ-Карагаю, «отмежевать только часть земли и то лишь въ томъ случаѣ, если по отводѣ надѣла названному селенію (т. е. Катонъ-Карагаю), по состоящему въ немъ наличному числу душъ, окажется свободная земля и если отводъ этой свободной земли не стѣснитъ киргизовъ». Такимъ образомъ категорическаго запрета на отрѣзку съ В. дано не было, а въ изложеніи Войскового Хоз. Правленія распоряженіе генералъ-губернатора получи-

[1]) Донесеніе войсковому атаману 24 августа 1892 г., за № 5403. См. арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 12044. О надѣлѣ казачьихъ поселеній Алтайскаго, Большенарымскаго, Зайсанскаго и Кендерлыкскаго землею изъ находящихся въ пользованіи киргизовъ прилегающихъ волостей, лл. 14—19.

[2]) Докладъ канцеляріи степного г-губернатора о прирѣзкѣ стан. Алтайской земли изъ сосѣдней Чингистайской вол.

ло иной и далеко не безразличный оттѣнокъ: Правленіе заявляло (22 ноября 1893 г.), что главный начальникъ края приказалъ сдѣлать нарѣзку *съ восточной* стороны въ количествѣ, какое позволятъ мѣстныя условія, а *чего не хватитъ*, то нарѣзывать со стороны Медвѣдки.

Новая нарѣзка была произведена въ 1894 г. землемѣромъ Гауфомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ начальника межевого отдѣленія полковника Калачева. «Клинъ» снова отошелъ къ киргизамъ, вмѣсто него прирѣзали съ З. полосу земли въ сторону Медвѣдки: но во всякомъ случаѣ большая часть нарѣзки прилегала къ восточнымъ гранямъ стараго надѣла станичниковъ. Казаки остались недовольны и настаивали на путинцевской нарѣзкѣ, завѣряя, что она дастъ имъ возможность хотя со стороны Бухтармы избавиться отъ окружающихъ ихъ отовсюду киргизовъ, которые, гоняя скотъ на водопой, вытравляютъ хлѣба. Но въ декабрѣ 1895 г. генералъ-губернаторъ утвердилъ нарѣзку Гауфа[1]). Такъ какъ отводимая земля считалась государственною, то вознагражденія за нее киргизы не получили никакого. Имъ выдали лишь за сносъ кыставовъ. Таковыхъ оказалось 28, оцѣненныхъ въ сумму 264 руб. 7 коп. Деньги раздѣлены были между 28 владѣльцами соразмѣрно стоимости построекъ. Въ большинствѣ случаевъ каждому пришлось очень немного. Высшая цифра не превышала 36 р. 36 к. Одинъ получилъ 30 р., одинъ —25 р., одинъ—20 р., трое—по 15 р., шестеро—по 3 р. съ копѣйками. Были такіе, которымъ и полныхъ трехъ рублей не досталось: такъ изъ четырехъ человѣкъ одинъ получилъ 2 р. 80 к., другой—2 р., третій—1 р., а четвертый—всего 30 коп.[2]).

---

[1]) Сообщеніе степного г.-губернатора семипал. губернатору 23 декабря 1895 г. за № 6149.

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 12163: По прошенію торговцевъ и разночинцевъ, проживающихъ въ ур. Катонъ-Карагаѣ, объ отдѣленіи отъ мѣстнаго крестьянскаго общества.

IX.

Казачья колонизація долины Верхней Бухтармы не ограничилась основаніемъ одной ст. Алтайской. Въ 60 верстахъ далѣе на востокъ, при устьѣ рч. Уруль (Уруль-Су), лѣваго притока Бухтармы, въ 1872 г. былъ основанъ поселокъ Урульскій. Исторія его возникновенія, процессъ заселенія и устройства земельнаго надѣла, въ общемъ, таковы же, что и у ст. Алтайской.

Первоначальная нарѣзка была сдѣлана на 48 душъ м. п. въ количествѣ 2934 дес. 2200 саж. удобной и 497 д. 1004 с. неудобной земли, всего, удобной и неудобной, 3432 д. 804 с. Но уже въ слѣдующемъ, 1873 году, урульцамъ было добавлено 2118 д. 2142 саж. удобной, 204 д. 1707 с. неудобной; всего 2323 д. 1449 с., такъ что къ 1 января 1875 г. у нихъ числилось 5053 д. 1942 с. удобной, 702 д. 311 с. неудобной, всего 5755 д. 2253 с., что составляло надѣлъ, по 30 дес. на душу, на 192 души. Такъ какъ въ дѣйствительности число жителей еще не превышало 137 д., то недостатка въ землѣ пока не чувствовалось: изъ общаго числа удобныхъ 5053 д. 1942 с. оставалось въ запасѣ еще 943 д. 1942 с[1]).

Но уже въ 1875 г. въ Уруль переселилось съ Бійской линіи 15 новыхъ семей, въ количествѣ 46 душъ м. п.[2]), всего стало 183 д. м. п., т. е почти полный комплектъ. Превышенія нормы ждать было не долго. Уже въ 1878 г. урульцы хлопочатъ о нарѣзкѣ удобной пахотной земли, въ которой они, по ихъ словамъ, чувствовали особенный недостатокъ. Ходатайство имѣло успѣхъ: въ 1879 г. произведена была съемка земель и вскорѣ урульскій надѣлъ былъ увеличенъ,

---

[1]) Свѣдѣнія, доставленныя начальникомъ межевой партіи Сибирскаго казачьяго войска отъ 29 декабря 1874 г. Арх. Сем. Обл. Правл. № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г., лл. 51—52.

[2]) И 37 женщинъ, всего 83 чел.

по разсчету на 206 душъ, до 9090 дес. 380 с. (въ томъ числѣ удобной съ лугами 6697 д. 726 с.)[1]).

При всемъ томъ экономическое положеніе урульцевъ нельзя было назвать обезпеченнымъ. Почти весь въ горахъ, съ весьма небольшимъ количествомъ низкихъ и ровныхъ мѣстъ, надѣлъ ихъ былъ расположенъ на высотѣ не ниже 3500 ф. надъ у. м. и представлялъ собою мало привлекательнаго съ точки зрѣнія земледѣльца. Верхній слой чернозема лежалъ не глубже 2—3 вершковъ, далѣе шелъ мелкій щебень, а подпочвою служилъ глинистый сланецъ, покоющійся на гранитѣ— этой основѣ всѣхъ горныхъ породъ здѣшняго края. Полосы земли въ югозападной части надѣла, значащіяся по плану удобными для пахоты, на дѣлѣ были пригодны только на выгонъ: чтобы обезпечить урожай, требовалось предварительное орошеніе, арыковъ же, за крутизною горныхъ склоновъ, провести было невозможно. Сѣверовосточная, наиболѣе возвышенная половина надѣла, правда, обиловала роскошными лугами, давая богатые сѣнокосы, но ранніе заморозки осенью, поздніе утренники и иней весною сплошь и рядомъ мѣшаютъ вызрѣванію яровыхъ, особенно пшеницы. Подъ хлѣбопашество здѣсь годились развѣ одна небольшая площадь земли между западнымъ склономъ долины, р. Бухтармой и ея притокомъ Урулемъ, гдѣ еще до прихода казаковъ киргизы засѣвали съ успѣхомъ ячмень, проводя арыки изъ ключа Сарыбулакъ[2]).

При такихъ условіяхъ не удовительно, если урульскіе казаки снова начали усиленно хлопотать объ увеличеніи своего надѣла. Съ кон-

[1]) Когда Войсковое Хоз. Правленіе вошло съ ходатайствомъ въ пользу урульцевъ, то и уѣздное, и областное начальство Семипалатинской области энергично доказывали невозможность лишать киргизовъ ихъ угодій. Устькаменогорскій у. начальникъ Халдѣевъ доносилъ 11 іюня 1879 г. за № 3257 семипалатинскому губернатору: Чингистайскіе киргизы и безъ того стѣснены основаніемъ пос. Урульскаго, дерр. Медвѣдки, Согорной и лишеніемъ права кочевать на уроч. Чобанбай,—стѣснены настолько, что вмѣстить ихъ въ ту узкую полосу, какая осталась имъ теперь въ пользованіе, дѣло немыслимое. Не доромъ же лѣтомъ 1878 г. большая часть Чингистанской волости откочевала въ Китай. Теперь, съ дозволенія генералъ-губернатора, киргизы возвращаются обратно, и новая ортѣзка земель стѣснитъ ихъ окончательно „и даже не представится возможнымъ, гдѣ помѣстить ихъ“. (Дѣло Сем. Обл. Правл. № 8197, т. III, лл. 1092—1102, въ частности л. 1093).

[2]) Описаніе земельнаго надѣла пос. Урульскаго, произведенное землемѣромъ Долженко въ концѣ 1870-хъ годовъ.

ца восьмидесятыхъ годовъ не прерываются ихъ прошенія. Войсковое Хоз. Правленіе, идя на встрѣчу заявленнымъ нуждамъ, велѣло въ 1892 г. нарѣзать 2000 десятинъ изъ смежнаго съ юртомъ войскового запаса[1]). Но это былъ сплошной, почти первобытный лѣсъ, а лѣса урульцамъ хоть отбавляй. Намъ, объясняли они въ новомъ прошеніи, положительно некуда съ нимъ дѣваться. Взять новую прирѣзку казаки если и взяли, то не замедлили тотчасъ же войти съ ходатайствомъ о промѣнѣ пожалованныхъ лѣсныхъ угодій на казенныя пахотныя земли. Войсковое вѣдомство и само отлично понимало, что лѣсъ урульцамъ безполезенъ: но въ окрестностяхъ Уруля оно ничемъ другимъ не располагало. Не явилась ли нарѣзка лѣсного участка слѣдствіемъ желанія, чтобъ у станичниковъ впослѣдствіи было хоть что-нибудь предложить въ обмѣнъ на другія угодья?

«Казенныя пахотныя земли», конечно, были ничто иное, какъ земли, занятыя киргизами. Урульцы намѣтили себѣ участки: одинъ на уроч. Чингистай, другой на ур. Майемиръ (въ 40 верстахъ по почтовому тракту отъ ст. Алтайской въ сторону г. Устькаменогорска, т. е. въ 100 верстахъ отъ Уруля), съ тѣмъ, чтобы переселиться туда или сюда въ количествѣ 49 семей (1/3 всего населенія поселка). Степной генералъ-губернаторъ призналъ надѣлъ урульцевъ, въ качественномъ отношеніи, дѣйствительно скуднымъ и неудовлетворительнымъ: на каждую душу приходилось: степи, годной на пашню—9 дес. 912 саж.; лѣсовъ—9 д. 240 с.; выгону—9 д. 1032 с.; остальное—луга, селидьба и кустарникъ. Поселокъ устроенъ былъ безъ соотвѣтствія съ экономическими условіями жизни: лѣсъ, главное богатство юртоваго надѣла, сбывать было некуда; скотоводство, съ выпасомъ скота на выгонныхъ земляхъ, также не оправдывало ожиданій, «ибо весь поселокъ расположенъ въ такомъ районѣ Семипалатинской области, гдѣ киргизское скотоводческое хозяйство поставлено въ болѣе выгодныя условія, съ откочевками скота на большихъ площадяхъ на лѣтнія стоянки въ хребтѣ Алтайскихъ горъ. Такимъ образомъ все земельное обезпеченіе казака пос. Урульскаго сводится къ 9-ти десятинамъ пашни; но и

[1]) Въ сторону горы Баканаса, вверхъ по горѣ, съ южной стороны общаго надѣла.

изъ пахотной земли наиболѣе пригодна къ обработкѣ только часть, не много болѣе половины, расположенная по Бухтармѣ, ниже поселка; пахотныя же земли, расположенныя выше поселка, т. е. ближе къ Алтайскому хребту, отрогами котораго наиболѣе наполнена эта часть юрта, по значительной высотѣ своего расположенія, мало пригодны къ обработкѣ, ибо посѣянный на нихъ хлѣбъ, подвергаясь раннимъ заморозкамъ, часто недозрѣваетъ или вовсе погибаетъ,—что засвидѣтельствовала и т. наз. Повѣрочная комиссія по земельному устройству въ войскѣ, бывшая въ поселкѣ въ 1888 году, при участіи депутата отъ областной администраціи».

Въ виду этого главный начальникъ края предполагалъ обмѣнить «до 1700 десятинъ» на киргизскія земли, при чемъ «киргизы получили бы горную лѣсную площадь, которая»—добавлялъ онъ,—«какъ мнѣ кажется отсюда (т. е. изъ Омска), была бы не лишена удобства для киргизскихъ зимовокъ и лѣтовокъ»[1]).

Иначе однако представлялось дѣло изъ Семипалатинска. Въ Чингистайской долинѣ, протянувшейся на 28 верстъ въ длину и, мѣстами, на 4 версты (самое большее) въ ширину, набралось бы удобной подъ пашню земли не болѣе 80 дес., почти полностью (до 70 д.) уже обработываемыхъ самими киргизами, тутъ же зимующими въ числѣ 414 кибитокъ (3-е и 4-е старшинства). Вся остальная площадь пригодна была развѣ только подъ выгонъ и сѣнокосъ. Немногимъ богаче была и долина Майемиръ (до 10 вер. въ длину, до 5 вер. въ ширину): по качеству земли ее можно было раздѣлить на три продольныхъ ленты: двухверстную—сплошныхъ болотъ съ мелкимъ кустарникомъ; двухъ-съ-половиной верстную—самую южную, непосредственно подъ Алтайскимъ хребтомъ, покрытую камнями, и, наконецъ, третью, узенькую ленточку съ полверсты шириною, которую, только одну, и можно еще было назвать вполнѣ пригодною для хлѣбопашества. Да и тутъ, по даннымъ устькаменогорскаго уѣзднаго начальника, набралось бы все же не болѣе 250 дес. пахотной земли, а изъ нихъ 100 дес. также уже распахивались киргизами 9-го и частью 8-го старшинствъ, въ ко-

[1]) Степной г.-губернаторъ семипал. губернатору 24 марта 1894 г. за № 137.

личествѣ 223 кибитокъ. Такимъ образомъ, у самихъ киргизовъ, особенно у чингистайскихъ, чувствовался недостатокъ въ пахотной землѣ, и предполагаемый промѣнъ окончательно подорвалъ бы надежды правительства на развитіе хлѣбопашества среди туземнаго населенія Бухтарминской долины. Къ тому же предлагаемый къ обмѣну участокъ казачій состоялъ изъ очень крутыхъ горныхъ скатовъ, ни для пастьбы скота, ни, тѣмъ болѣе, для сѣнокошенія не пригодныхъ. Такихъ мѣстъ въ горахъ Алтая у киргизовъ и безъ того довольно, и они не служатъ имъ ни къ чему. Наконецъ, обмѣнъ представлялся для областной администраціи опаснымъ, съ точки зрѣнія киргизскихъ интересовъ, еще и потому, что какъ разъ въ это время рѣшенъ былъ дополнительный надѣлъ казакамъ Алтайской долины, нарѣзывать пришлось бы изъ той же Чингистайской волости; въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжна была отрѣзка все изъ того же источника, и для Катонъ-Карагая. Такимъ образомъ у киргизовъ и безъ того отбирали почти всю Чингистайскую долину, оставляя въ пользованіе «лишь узкую долину Бухтармы отъ границы казачьяго надѣла урульцевъ вверхъ по теченію названной рѣки до ея истока»[1]).

Нельзя было не считаться съ такими категорическими заявленіями. Но съ другой стороны слѣдовало ли безусловно опираться на сообщенныя данныя? Собирались они исключительно канцелярскимъ порядкомъ и при рѣшеніи такого серьезнаго вопроса, какимъ былъ настоящій, требовалась не только болѣе тщательная провѣрка ихъ, но и совсѣмъ иные пріемы собиранія. Не даромъ же урульцы говорили, что (вышеприведенныя) цифровыя данныя о Чингистайской и Майемирской долинахъ собирались лицепріятно волостнымъ правителемъ, которому, въ интересахъ своихъ сородичей, выгодно было-де уменьшить число удобной для пахоты земли.

Въ виду этого степной генералъ-губернаторъ распорядился, прежде разрѣшенія дѣла, произвести сельско-хозяйственную съемку Чингистайской волости, которая, конечно, только одна и могла вполнѣ точно и съ достаточной авторитетностью выяснить, возможно-ли допустить об-

[1]) Рапортъ устькам. у. начальника 21 мая 1894 г. за № 982 и, со словъ его, донесеніе семипал. губернатора степному г.-губернатору 2 іюня 1894 г. за № 3082.

мѣнъ урульскихъ лѣсовъ на киргизскія пашни, или, наоборотъ, не окажется ли онъ слишкомъ обиднымъ для киргизовъ[1]).

Приступить къ самой съемкѣ пришлось однако еще не скоро. Въ 1894 г. областной землемѣръ былъ занятъ установкой верстовыхъ столбовъ по Зайсано-Кокпектинскому почтовому тракту, и губернаторъ могъ обѣщаться командировать его только въ слѣдующемъ году[2]); но землемѣръ оказался не свободнымъ и въ 1895-мъ: его отвлекли «болѣе неотложныя работы по обмежеванію переселенческихъ поселковъ», и не представлялось иного выхода, какъ дожидаться «болѣе благопріятнаго времени, когда предполагаемое увеличеніе состава межевыхъ чиновъ области будетъ утверждено и тѣмъ представится возможность исполнять межевыя работы въ большихъ размѣрахъ»[3]). Ту же мысль высказывалъ губернаторъ и нѣсколько позже, въ отвѣтъ на запросъ Войскового Хоз. Правленія, говоря, что «положительно нѣтъ никакой возможности одному землемѣру справиться съ другими неотложными работами въ области»[4]). Тѣ же «срочныя работы» парализовали намѣченныя землемѣру дѣйствія и въ 1897 г.; но на этотъ разъ по крайней мѣрѣ было обѣщано, что работы по съемкѣ Чингистайской волости «будутъ внесены въ проектъ работъ 1898 года»[5]). И дѣйствительно, въ 1898 г. къ съемкѣ было приступлено; но «за наступленіемъ холоднаго времени» удалось сдѣлать немного: нанести всего 4/т. десятинъ[6]). А тѣмъ временемъ урульцы ждали да ждали, когда имъ отведутъ пахотную землю. Не дождавшись, они обратились съ жалобой къ военному министру[7]). Наконецъ, въ 1900 г. съемка была закончена[8]).

---

[1]) Сообщеніе г.-губернатора семипалат. губернатору отъ 20 августа 1894 г. за № 3539.

[2]) Донесеніе степному г.-губернатору 7 сентября 1894 г. за № 4959.

[3]) Сообщеніе семипал. губернатора въ канцелярію степного г.-губернатора 29 января 1896 г. за № 793.

[4]) Отношеніе на имя В. Хоз. Правленія 10 іюня 1896 г. за № 4092.

[5]) Сообщеніе семипал. губернатора въ канцелярію степного г.-губернатора 9 декабря 1897 г. за № 7868.

[6]) Сообщеніе сем. губ. въ канцелярію г.-губернатора 25 ноября 1898 г. за № 7397.

[7]) Войсковое Хоз. Правленіе семипал. губернатору 2 декабря 1898 г. за № 455.

[8]) Дѣло Сем. Обл. Правл., межевое отд., по описи 1901 г. № 7: О надѣлѣ казаковъ пос. Урульскато землею изъ владѣній киргизовъ и о производствѣ сел.-хоз. съемки Чингистайской вол. Устькам. у., вслѣдствіе предполагаемаго обмѣна угодій.

Данныя, полученныя отъ съемки, мало благопріятствовали видамъ казаковъ. Изъ общаго числа 80309,73 десятинъ, занятыхъ Чингистайскою волостью, на долу крутыхъ и высокихъ скатовъ, мало доступныхъ даже какъ пастбища, приходилось болѣе трети 28404,79 дес., другую треть—24418,89 дес.—составляли, разныя категоріи т. наз. «неудобныхъ» земель, и только 27486,05 дес. представляли собою собственно хозяйственныя угодія: пашни съ перелогами, степь удобную подъ пашню, сѣнокосы и пастбища».—что, при 1789 кибиткахъ населенія, давало только 15 дес. удобной земли на кибитку,—цифру слишкомъ жалкую по сравненію съ потребностями кочевого быта.

Значеніе этихъ данныхъ было немаловажное. Если раньше еще можно было оспаривать точность цифръ, положенныхъ въ основу соображеній и постановленій административныхъ властей, то теперь съ окончаніемъ съемки, бѣдность киргизовъ въ угодьяхъ не могла подлежать никакому сомнѣнію. Ясно стало, почему такъ упорно идутъ они на Чобанбай, не останавливаясь передъ высокой арендой, которая, съ штрафомъ за неустойку и потравы, доходила до 1700 р. въ годъ; становилось понятнымъ, почему никакъ не сгонишь ихъ съ Укока и Калгуттовъ. Отрѣзка въ 1894—1895 г.г. для дополнительнаго надѣла Алтайской станицѣ оказалась настолько раззорительной для киргизовъ, что часть ихъ принуждена была совсѣмъ перейти на кабинетскія земли: «1-е старшинство волости, въ количествѣ 164 кибитокъ, и часть 2-го, около 40 кибитокъ, совершенно выбрались въ Томскую губернію и тамъ ведутъ свое хозяйство на правахъ аренды»[1]).

И такъ отчуждать киргизскія земли невозможно. Поселокъ Урульскій долженъ былъ остаться со своими 2000 десятинъ никуда ему негоднаго лѣса. Интересы киргизовъ на этотъ разъ удалось отстоять, но легче ли стало урульцамъ?.. Насильно поселеные въ далекомъ глухомъ углу, съ единственной возможностью прокормить себя земледѣліемъ, они лишены были главнаго—пахатной земли. Положеніе поистинѣ трагическое, и намъ невольно припоминаются сказанныя намъ въ 1896 г.

[1]) См. въ приложеніяхъ (№ 10) извлеченіе изъ донесенія семипалатинскаго губернатора степному г.-губернатору 13 марта 1900 г. за № 1766.

съ глухимъ озлобленіемъ слова: «Не самовольствомъ же намъ уходить отсюда: вѣдь мы люди военные!..»

X.

Процессъ заселенія Бухтарминской долины, какъ было замѣчено на вступительныхъ страницахъ настоящаго труда, еще не законченъ, а потому и самая исторія этого заселенія неизбѣжно обрывается на полусловѣ. Однако общій характеръ явленія, думается, уже успѣлъ опредѣлиться въ достаточной степени. Столкновеніе классовыхъ интересовъ; задачи государственныя, далеко не всегда шедшія рука объ руку съ интересами общественными; громоздкость бюрократической машины; особенности края и его удаленность отъ центра; недостаточное знакомство съ реальными условіями мѣстной жизни и потребностями его населенія,—все это въ значительной степени обусловило тѣ толчки и тренія, въ силу которыхъ Бухтарминскій край и до сей еще поры остается мало использованнымъ и почти неизвѣстнымъ. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ мѣропріятія, съ помощью которыхъ можно было бы призвать къ жизни этотъ цвѣтущій край, использовать его природные богатства; но будемъ надѣяться, что внимательное изученіе природныхъ условій мѣстности, на которой сошлись и столкнулись столь разнородныя элементы, и столь же заботливое изученіе этнографическихъ особенностей и экономическихъ нуждъ туземцевъ и пришельцевъ приведутъ одинаково какъ администрацію, такъ и населеніе Бухтарминскаго края къ благополучному и правильному разрѣшенію тѣхъ задачъ, какія ставятся здѣсь самою жизнью.

Е. Шмурло.

I.

(къ стр. 16).

А. Донесеніе Военнаго Губернатора Семипалатинской области Полторацкаго Генералъ-Губернатору Западной Сибири и Войсковому Наказному Атаману Сибирскаго казачьяго войска, 10 мая 1873 г. за № 75[1]).

Главное Управленіе иррегулярныхъ войскъ проситъ, для доклада Военному Министру, заключенія Вашего В. Превосходительства относительно прошенія, поданнаго на Высочайшее имя довѣренными отъ казаковъ Антоньевской станицы Устькаменогорскаго уѣзда Семипалатинской области, объ оставленіи ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства, не переселяя въ пограничное съ Китаемъ пространство.

Предположеніе о перенесеніи или упраздненіи 3-хъ сѣверныхъ станицъ бывшаго 9 полкового округа (Антоньевская, Чарышская и Верхъ-Алеутская) возникло исключительно только вслѣдствіе необходимости водворенія русскаго осѣдлаго и вооруженнаго населенія, казаковъ, во вновь пріобрѣтенномъ отъ Китая краѣ, такъ какъ для этой цѣли по всей вѣроятности нашлось бы достаточное количество желающихъ съ линіи, но преимущественно для того, чтобы вывести такъ называемую Бійскую линію изъ ея крайне ненормальнаго положенія.

20 поселковъ 3-хъ означенныхъ станицъ разбросаны цѣпью въ гористой, едва доступной весною и осенью мѣстности, подходя къ Бійску на 70 верстъ; отъ Устькаменогорска же крайній поселокъ (Ануйскій) отстоитъ до 400 верстъ. Поселки эти вкраплены, такъ сказать, между селеніями Алт. Горн. Окр.; земли, которыми они пользуются, не отведены имъ формальными актами и не обозначены межевыми

[1]) Настоящее донесеніе, равно и всѣ нижепечатаемые документы, извлечено изъ дѣлъ Семипалатинскаго Областного Правленія.

знаками, а указаны примѣрно, въ количествѣ 6 десятинъ на душу,— считаясь собственностью Кабинета Его Величества, который настойчиво требуетъ удаленія казаковъ, или уплаты ими оброка по 40 коп. съ десятины. Не смотря на то, что свободныхъ земель, обильно надѣленныхъ всѣми благами природы, лучшихъ во всей Западной Сибири, приходится болѣе, чѣмъ по 100 десятинъ на каждую душу населенія Алтайскаго Округа и большая ихъ часть лежатъ впустѣ, почти каждый годъ являются поземельные споры между горными заводами и крестьянами съ одной и казаками съ другой стороны, поминутно приводящіе Семипалатинскія власти въ столкновеніе съ Горнымъ Вѣдомствомъ.

Каждое происшествіе возбуждаетъ вопросъ, на комъ лежитъ обязанность производства слѣдствій, на Томской губ. или Семипалат. обл., однимъ словомъ, настоящее положеніе Бійской казачьей линіи крайне неудобно, какъ для самихъ казаковъ, такъ и для Горнаго Вѣдомства, управленія Семипалат. обл. и властей Томской губерніи.

Вслѣдствіе сего, какъ только возникъ вопросъ о необходимости заселить казаками пограничное съ Китаемъ пространство, явилась мысль переселенцевъ брать исключительно изъ Антоньевской, Чарышской и Верхъ-Алеутской станицъ, съ обращеніемъ оставшихся отъ переселенія казаковъ въ податное состояніе; вслѣдствіе чего 16 мая 1870 г. за № 380 Вашимъ В. Провосходительствомъ былъ представленъ полный проэктъ положенія объ упраздненіи Бійской линіи; но Военное Министерство, признавъ неудобнымъ передачу названныхъ казаковъ въ гражданское вѣдомство, въ виду возможнаго усиленія наряда на внѣшнюю службу отъ Сибирскаго войска, признало лучшимъ отложить разрѣшеніе вопроса объ упраздненіи Бійской линіи до болѣе благопріятнаго времени, когда на основаніи опыта можно будетъ прійти къ обстоятельному заключенію о тѣхъ выгодахъ, какія въ общегосударственномъ смыслѣ могутъ быть доставлены этой мѣрой (отнош. Начал. Главн. Упр. иррегуляр. войскъ отъ 15 января 1871 г. № 24)-

Въ настоящее время, съ Высочайшимъ утвержденіемъ 2 октября 1871 г. новаго положенія о воинской повинности Сибирскаго казачь-

яго войска, которымъ опредѣленъ его строевой составъ въ 8000 человѣкъ, не можетъ быть и рѣчи о передачѣ казаковъ Бійской линіи въ гражданское вѣдомство, такъ какъ въ 3-хъ ея станицахъ числится 697 строевыхъ казаковъ; но тѣмъ не менѣе вопросъ объ устройствѣ управленія этой линіей останется во всей своей неотложной необходимости.

Вывести Бійскую линію изъ ея настоящаго неопредѣленнаго положенія можно однимъ изъ двухъ способовъ:

1. *Передавъ тамошнее казачье населеніе въ полное вѣденіе* въ административномъ, полицейскомъ и судебнослѣдственномъ отношеніяхъ *Бійскаго округа Томской губ.*, къ чему повидимому не должно встрѣтиться препятствій, такъ какъ Сибирское казачье войско не составляетъ въ смыслѣ гражданскаго управленія одного цѣлаго, входя въ составъ народонаселенія 2-хъ областей, и подчиняясь 10 Уѣзднымъ Начальникамъ, которые, за малыми исключеніями, всѣ должны быть чинами гражданскими.

Примѣчаніе. По отбыванію воинской повинности, станицы Бійской линіи будутъ по прежнему находиться въ вѣденіи Атамана 3-го отдѣла Сибирскаго казачьяго войска. Но мѣра эта даетъ полные результаты въ томъ только случаѣ, если Государю Императору благоугодно будетъ Всемилостивѣйше пожаловать въ пользованіе казакамъ, безъ платежа оброка, земли Кабинета Его Величества, на которыхъ они нынѣ водворены съ обозначеніемъ ихъ межевыми знаками.

При обиліи пустопорожнихъ земель Алтайскаго Горнаго Округа, не приносящихъ никакого дохода, трудно думать, что тѣ именно земли, которыми казаки пользуются уже издавна, могли бы быть для Кабинета необходимы ранѣе, какъ въ дальнемъ будущемъ.

2. Если же мѣра эта будетъ признана непримѣнимою, то остается другой способъ *переселенія казаковъ Бійской линіи* въ пограничное съ Китаемъ пространство, отъ котораго, по прямому смыслу 44 параграфа положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ, Высочайше одобреннаго 13 марта 1861 г., они не имѣютъ права отказываться.

Хотя переселеніе и непріятно казакамъ, и не можетъ не произвести потрясенія, хотя и временнаго, въ ихъ экономическомъ бытѣ, но мѣра эта вполнѣ выполнима.

Въ 1871 и 1872 годахъ въ 4 поселкахъ, вновь устроенныхъ въ Бухтарминскомъ и Зайсанскомъ краѣ, водворено всего:

	Офицерскихъ семейст.	Офицерскихъ душъ	Казачьихъ семей	Казачьихъ душъ
Въ Зайсанскомъ краѣ . . .	2	2	69	129
» Бухтарминск. » . . .	2	3	76	187
Всего .	4	5	145	316
Въ 1873 г. будетъ водворено:				
Въ Зайсанскомъ краѣ . . .	»	»	30	63
» Бухтарминск. » . . .	»	»	35	78
Всего .	»	»	65	141
Итого въ 3 г. .	4	5	210	457

душъ мужскаго пола.

За симъ казачье народонаселеніе Бійской линіи составляетъ 3259 душъ мужского пола.

Для водворенья его могутъ быть указаны, во первыхъ, станицы Бухтарминской линіи (Устькаменогорская и Бухтарминская), гдѣ по произведенному межеванію, съ прирѣзкой земель изъ бывшей 10 верстной полосы, оказывается избытокъ земли противъ народонаселенія, а именно:

Въ 10 поселкахъ этой линіи (кромѣ Устькаменогорскаго и Черемшанскаго, въ которыхъ количество земли еще не опредѣлено) состоитъ удобной земли 56,686 десятинъ[1]) на 1366 душъ мужскаго пола, такъ что до нормальнаго надѣла, по 30 десятинъ на душу, можетъ быть прибавлено съ Бійской линіи еще 582 души.

Для остальныхъ же 2677 душъ окажется достаточно угодій въ долинѣ Нарыма и Верхней Бухтармы, на правомъ берегу Иртыша отъ Нарыма до Курчума, въ долинѣ Курчума, на Майтерекѣ, и даже въ

[1]) Кромѣ 98200 десятинъ неудобной.

Зайсанскомъ краѣ, гдѣ душъ 300 могутъ еще безъ особаго стѣсненія киргизъ быть удобно водворены на Букони и Черномъ Иртышѣ.

Въ особенности если отставнымъ престарѣлымъ казакамъ, не имѣющимъ дѣтей мужского пола, будетъ дозволено проживать по прежнему на Бійской линіи, какъ то сдѣлано для 23 семей престарѣлыхъ казаковъ, оставленныхъ на Кузнецкой линіи, съ отведеніемъ хотя-бы имъ поземельныхъ участковъ безплатно.

Всѣмъ же прочимъ казакамъ можетъ быть въ этомъ случаѣ, т. е. если рѣшено будетъ переселеніе линіи, разрѣшено оставаться на прежнихъ мѣстахъ только, съ уплатою оброка въ пользу Кабинета.

Всѣ сіе соображенія имѣю честь представить на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Дѣло № 749, ч. IV, л. 75—79.

Б. Вѣдомость о численности казачьяго населенія по Бійской линіи.

Станицы и поселки	Число семействъ.	Чис. душ. муж. пол.	Строев. казаков
Стан. Антоньевск.	оф. 4 казак. 106	269	64
Поселковъ:			
Ануйскаго . .	64	153	29
Смоленскаго . .	54	139	26
Терскаго . . .	106	260	67
Николаевскаго .	72	223	50
Слюденскаго . .	71	175	40
Маральевскаго. .	64	183	45
Стан. Чарышской.	132	336	62
Поселковъ:			
Сосновскаго . .	43	103	17
Тулатинскаго . .	122	282	53
Яровскаго . . .	59	141	24
Тигирецкаго . .	70	177	43
Стан. Верхъ-Алейск.	оф. 1 казак. 62	147	21
Поселковъ:			
Андреевскаго . .	оф. 1 казак. 49	106	28
Бѣлорѣцкаго . .	26	72	15
Ключевскаго . .	33	88	15
Плоскаго . . .	71	201	39
Стан. Устькаменог.			
Поселковъ:			
Верхъ-Убинскаго .	23	54	12
Секисовскаго . .	47	114	18
Бобровскаго . .	39	85	11

Примѣчаніе: Въ выселкахъ Ануйскомъ, Смоленскомъ, Терскомъ, Николаевскомъ показано число семей безъ исключенія выселяемыхъ въ нынѣшнемъ году 65 семей, которыя выселяются такъ: изъ Николаев-

скаго 20; Терскаго 22; Смоленскаго 9 и Ануйскаго 12, и станицы Антоньевской 2.

Приложеніе къ рапорту начальника Устькаменогорскаго уѣзда Халдѣева Семипалатинскому губернатору 8 мая 1873 года.

Дѣло № 515 л. 131—132.

II.

(*къ стр. 16*).

А. Представленіе Семипалат. губернатора Войсковому Наказному Атаману Сибирскаго казачьяго войска 1 сентября 1875 г. за № 7310.

Устькаменогорскій Уѣздный Начальникъ донесъ мнѣ, что перечисленные приказомъ предмѣстника В. Высокопр-ва отъ 17 ноября 1873 г. за № 85 изъ Семирѣченскаго казачьяго войска Копальской станицы въ станицу Алтайскую, строевой казакъ Петръ Дмитріевъ съ женою Ириною и отставной Петръ Угрюмовъ съ женою Авдотьею проживали въ настоящее время въ Бійскомъ округѣ въ селѣ Салтановскомъ, не смотря на неоднократныя требованія, не являются къ мѣсту новаго водворенія, почему, полагая, что ихъ двухлѣтняя неявка, показывая явное нерадѣніе къ домохозяйству, заставляетъ ожидать мало пользы и отъ водворенія ихъ въ Алтайской станицѣ, Подполковникъ Халдѣевъ проситъ означенныхъ казаковъ оставить на мѣстахъ жительства, перечисливъ обратно въ Копальскую станицу.

Казаки Дмитріевъ и Угрюмовъ, равно какъ и казаки Глѣбъ Чоусовъ, о перечисленіи коего обратно въ Кокбектинскую станицу я просилъ Вашего Высокопревосходительства отъ 29 минувшаго іюня за № 5408, принадлежатъ къ числу казаковъ бывшаго 9-го полкового округа, водворенныхъ на Кузнецкой линіи (отъ Бійска до Кузнецка).

Съ упраздненіемъ этой линіи въ началѣ 50-хъ годовъ, входящіе въ ея составъ казаки были перечислены частью въ Заплійскій край, частью же въ Кокбектинскую станицу, но многіе изъ нихъ, къ числу коихъ принадлежатъ и названные казаки съ ихъ семьями, получивъ пособіе по 30 руб. на семью, на обзаведеніе въ новыхъ мѣстахъ,

частью просто уклонились отъ переселенія, другіе же прибыли на время въ Кокбектинскую станицу, но постепенно ушли обратно; вслѣдствіе чего въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ оказалось значительное число казачьихъ семей какъ Сибирскаго, такъ и Семирѣченскаго войска, номинально выселенныхъ въ Семирѣчье и въ пограничное съ Китаемъ пространство, но въ дѣйствительности благополучно, болѣе 20 лѣтъ проживавшихъ на прежнихъ мѣстахъ частью по отпускнымъ билетамъ, выдаваемымъ станицами, въ коихъ они числились, частью же безъ всякихъ видовъ.

Признавая необходимымъ привести въ порядокъ Кокбектинскую станицу, въ которой числилось до сотни семей никогда въ ней не жившихъ, я входилъ съ представленіемъ къ предмѣстнику Вашего Высокопревосходительства по сему предмету отъ 17 октября 1870 г. за № 3894 и Его Высокопревосходительство, одобривъ мои предположенія, предписалъ мнѣ отъ 12 ноября того-же года за № 870 объявить всѣмъ отставнымъ казакамъ Сибирскаго войска, числящимся въ Кокбектинской станицѣ, но оставшимся на прежнихъ мѣстахъ своего жительства, что такъ какъ они получили пособіе на переселеніе, но остались на прежнихъ мѣстахъ, то будутъ выселены на Китайскую границу; если же этого не пожелаютъ, то, возвративъ выданныя имъ пособія, могутъ воспользоваться Высочайше дарованнымъ правомъ, согласно приказа Воен. Министра отъ 29 апрѣля 1868 г. № 144 выхода изъ казачьяго званія, съ причисленіемъ къ гражданскому податному сословію, которое пожелаетъ принять ихъ въ свое общество, на основаніяхъ. изложенныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 іюля 1867 г. № 241, относительно устройства отставныхъ и безсрочныхъ нижнихъ чиновъ; малолѣтнихъ же сыновей казаковъ, переходящихъ въ податное сословіе разрѣшено было до 19 лѣтняго возраста оставить при своихъ семействахъ, съ тѣмъ, чтобы по достиженіи призывнаго возраста они являлись въ свои станицы для вынутья жребія на службу.

Во исполненіе сего были составлены списки всѣхъ казаковъ, проживающихъ въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ и отобраны подписки, кто изъ нихъ пожелаетъ переселиться и кто выйти изъ казачья-

го сословія, о чемъ и было донесено генералъ-адъютанту Хрущеву отъ 22 января 1871 г. за № 311.

Въ то же время и нѣкоторые казаки, переведенные въ Капальскую и другія станицы Семирѣчья, но оставшіеся на Кузнецкой линіи, о выселеніи которыхъ настаивало и Семирѣченское област. начальство, вошли съ просьбами о дозволеніи имъ переселиться въ Алтайскую станицу, что по подлежащемъ сношеніи имъ и было разрѣшено.

Такимъ образомъ самовольному проживанію сибирскихъ казаковъ на бывшей Кузнецкой линіи былъ положенъ конецъ. Часть ихъ дѣйствительно выселилась, другая же успѣла достать пріемные приговора, отъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ, въ коихъ они проживаютъ, и о перечисленіи ихъ въ крестьяне Томской губ., какъ увѣдомилъ меня Дѣйствительный Статскій совѣтникъ Супруненко отъ 19 минувшаго іюня за № 3059 въ настоящее время сдѣлано уже распоряженіе[1]).

Но и затѣмъ, какъ оказывается, нѣсколько лицъ остаются въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи.

Въ томъ числѣ казакъ Глѣбъ Чоусовъ пожелалъ перейти въ крестьянское сословіе, но не получивъ пріемнаго приговора, долженъ былъ быть переселенъ въ Алтайскую станицу, два раза былъ высылаемъ мѣстнымъ начальствомъ, но всякій разъ успѣлъ возвращаться на старое пепелище. Казаки Петръ Дмитріевъ и Петръ Угрюмовъ, изъ коихъ первый, какъ строевой и не можетъ воспользоваться правомъ выхода изъ войскового сословія, также видно, уклоняются отъ переселенія на новыя мѣста.

Вслѣдствіе сего съ своей стороны вполнѣ раздѣляя мнѣніе подполковника Халдѣева, что насильственное водвореніе подобныхъ Чоусову лицъ въ пограничномъ краѣ, едва ли принесетъ пользу, я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство почтить меня предписаніемъ, какъ слѣдуетъ поступить съ вышеозначенными казаками и съ подобными имъ лицами, которыя за всѣми сдѣланными распоряженіями останутся проживать на прежнихъ мѣстахъ, не перечисляясь въ податное сословіе.

---

[1]) О всѣхъ казачьихъ семьяхъ, кои будутъ переселены въ крестьяне, я просилъ Томскаго губернатора донести отъ себя Вашему Высокопревосходительству.

Слѣдуетъ ли настаивать, чтобы они непремѣнно достали себѣ пріемные приговора, для перечисленія въ крестьяне, а въ противномъ случаѣ употребить принудительныя мѣры, къ ихъ немедленному выселенію будущею весною; безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ подъ личною отвѣтственностью мѣстныхъ полицейскихъ властей, или же имъ можетъ быть предоставлено жить на прежнихъ мѣстахъ, по отпускнымъ билетамъ станичныхъ обществъ, въ которыхъ они числятся.

При этомъ обязываюсь присовокупить, что примѣнять къ означеннымъ лицамъ указанныя въ положеніи объ общественномъ устройствѣ казачьихъ станицъ правила для переселенія изъ одной станицы въ другую, какъ Ваше Высокопревосходительство изволили указать въ предложеніи отъ 24 іюня за № 1297 относительно казака Глѣба Чоусова, я признаю не вполнѣ удобнымъ, такъ какъ означенныя лица были перечислены въ Алтайскую станицу по распоряженію начальства и обратное переселеніе изъ степныхъ и передовыхъ станицъ не дозволяется; при томъ, если общество Алтайской станицы съ готовностью дастъ этимъ казакамъ увольнительный приговоръ, то трудно думать, чтобы общество Копальской и Кокбектинской станицъ также охотно приняли въ свою среду лицъ, которыя 20 лѣтъ успѣли уклоняться отъ переселенія туда и отъ несенія всякихъ земскихъ повинностей.

Во всякомъ случаѣ мѣра эта едва ли принесетъ пользу, такъ какъ и числясь въ Кокбектинской и Копальской станицахъ, безъ особыхъ принудительныхъ мѣръ къ выселенію, казаки эти будутъ попрежнему проживать въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ.

Дѣло № 749 т. IV. л. 170—173.

Б. Войсковой Наказный Атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Господину Военному Губернатору Семипалатинской области 24 октября 1875 г. № 1775.

Изъ донесенія Вашего Превосходительства отъ 1-го сентября за № 7310-мъ, усматривается, что казаки, числящіеся по спискамъ въ ст. Алтайской: строевой Петръ Дмитріевъ и отставные Петръ Угрюмовъ и Глѣбъ Чоусовъ, получивъ пособіе отъ казны на переселеніе въ означенную станицу, остаются на прежнихъ мѣстахъ жительства: пер-

вые два въ крестьянскомъ селеніи Салтановскомъ Бійскаго округа, а послѣдній въ ст. Кокбектинской.

Донося мнѣ объ этомъ, Вы просите моего указанія: какъ поступить съ означенными казаками и со всѣми тѣми, которые, получивъ пособіе отъ казны на переселеніе въ новоприсоединенный пограничный край Семипалат. обл., остаются на прежнихъ мѣстахъ жительства и, притомъ живущіе въ крестьянскихъ селеніяхъ, не приписываются и къ мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ.

На это имѣю честь увѣдомить Васъ, что Высочайше утвержденнымъ 21 апрѣля 1869 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству за № 114-мъ того же года, отставнымъ и неслужилымъ нижнимъ чинамъ казачьихъ войскъ предоставлено право выходить изъ войскового сословія и избраніе мѣста жительства, съ исключеніемъ или безъ исключенія изъ войскового сословія во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими свободными обывателями. Поэтому было бы нарушеніемъ этого закона принудительно требовать отставныхъ и неслужилыхъ казаковъ переселиться въ новоустроенныя станицы пограничнаго края, согласно съ изъявленнымъ ими прежде желаніемъ,—или живущихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, принуждать къ исключенію изъ войскового сословія.

Мѣстная администрація должна наблюдать, конечно, и принимать безъ послабленія законныя мѣры на основаніи устава о паспортахъ, чтобы казаки, живущіе внѣ войска, имѣли установленные увольнительные виды и чтобы законныя требованія станичныхъ обществъ къ проживающимъ въ отлучкѣ казакамъ выполнялись неуклонно.

Относительно строевыхъ и служилыхъ казаковъ, обязанныхъ службою въ войскѣ, которые до настоящаго времени поселились внѣ предѣловъ войсковой территоріи, я далъ приказъ по ввѣренному мнѣ Сибирскому казачьему войску отъ 26 сентября за № 80-мъ, предоставляя такимъ казакамъ, во избѣжаніе ихъ раззоренія отъ принудительнаго возвращенія въ свои станицы,—проживать въ мѣстахъ ихъ настоящаго жительства по увольнительнымъ видамъ отъ Атамановъ От-

дѣловъ, съ обязанностью по требованію послѣднихъ являться на службу въ отдѣлъ, по дошедшей очереди.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляю Вамъ настоятельно требовать, чтобы казаки, которымъ досталось итти на переселеніе на новыя мѣста по жребію, непремѣнно переселились и за ослушаніе были подвергаемы законному преслѣдованію; также должно требовать, чтобы казаки, получившіе пособіе на добровольное переселеніе въ пограничныя мѣстности, но непереселившіеся туда,—непремѣнно возвратили пособіе, если въ законномъ порядкѣ не будутъ признаны несостоятельными.

Настоящее мое предложеніе можетъ служить указаніемъ и по представленію Вашему относительно казака Глѣба Чоусова, проживающаго въ Кокбектинской станицѣ и числящагося по спискамъ въ станицѣ Алтайской.

Войсковой Наказный Атаманъ Генералъ-Адъютантъ Казнаковъ.

Дѣло № 749, т. IV л. 177—178.

III.

(къ стр. 18).

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 25 января 1872 г. предоставило командующему войсками Западно-Сибирскаго военнаго округа право въ теченіе 1872 и 1873 гг. выдворять ежегодно по 50 семей Сибирскаго казачьяго войска поселеніями на китайской границѣ, съ правомъ выбора мѣстъ подъ поселеніе. На основаніяхъ этого семипалатинскій губернаторъ Полторацкій, по предписанію главнаго начальника края, намѣтилъ къ основанію въ 1873 г. два новыхъ поселенія, одно въ долинѣ Верхней Бухтармы (поселокъ Урульскій), другое въ Зайсанскомъ краѣ, на Черномъ Иртышѣ, близъ Акъ-Тюбэ. При этомъ устькаменогорскому уѣздному начальнику предписывалось (25 декабря 1872 г.) выбрать на Бухтармѣ пригодное мѣсто на 25 семей безъ стѣсненія киргизовъ и отправиться по казачьимъ станицамъ и поселкамъ Бійской линіи для вызова желающихъ переселиться. Безсемейныхъ пожилыхъ предполагалось, по возможно-

сти, пока не вызывать. Всего требовалось 65 семей: изъ нихъ 50 на кредиты 1873 года, 15—на остатокъ 1872 г.; окажись желающихъ больше, то отбирать подписки и отъ нихъ, въ случаѣ недостачи, пополнить комплектъ, а то и всѣ 65 семей, жребіемъ. Бухтарминскую долину, какъ ближайшую и болѣе подходящую, по мѣстнымъ условіямъ, къ Бійской линіи, думали предоставить исключительно переселяющимся безъ пособія. Распредѣленіе по семьямъ не было однако окончательнымъ: 16 апрѣля 1873 г. тому же устькаменогорскому уѣздному начальнику предписывалось отобрать, изъ общаго числа 65 семей, по своему усмотрѣнію, 25 семей и отправить ихъ на Акъ-Тюбэ, остальныхъ же на Бухтарму. Въ свою очередь уѣздный начальникъ предлагалъ послать на Акъ-Тюбэ 30 семей, остальные же 35 распредѣлить между Чингистаемъ (18) и Урулемъ (17), находя что въ Бухтарминской долинѣ чувствуется недостатокъ въ свободныхъ земляхъ. Полторацкій соглашался на водвореніе въ Акъ-Тюбэ 30 семей только въ томъ скучаѣ, если на Бухтармѣ дѣйствительно не хватитъ земли (15 мая 1873 г.). Въ конечномъ результатѣ въ Зайсанскій край пошло не 30, а 25 семей, при чемъ онѣ были водворены (въ 1873 г.) не въ Акъ-Тюбэ, а въ 40 верстахъ въ сторону, на р. Кендерлыкѣ (предписаніемъ семипал. губернатора 19 іюня 1873 г.), гдѣ имъ отвели удобной земли на 160 душъ[1]).

Къ осени 1873 г. результаты колонизаціи китайской границы представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Было поселено:

	Офицеровъ.		Казаковъ.	
	Семей.	Душъ м. п.	Семей.	Душъ м. п.
Въ ст. Алтайской и пос. Урульскомъ	2	3	111	265
Въ ст. Зайсанской и пос. Кендерлыкъ	2	2	99	192
Итого въ теченіе трехъ лѣтъ	4	5	210	457

Сверхъ того на остатки суммъ 1873 года, предполагалось выз-

[1]) Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 г. лист. 4—5, 94, 98—99, 111—112, 151, 162.

вать еще 18 семей охотниковъ съ Бійской линіи и поселить ихъ весною 1874 года въ Бухтарминскомъ краѣ[1]).

Уѣздное начальство планировало поселить въ 1874 г. по 30 семей на урочищахъ Чистый Яръ и Баты[2]), но за позднимъ разъясненіемъ ассигновокъ на 1874 и 1875 г.г., губернаторъ Полторацкій нашелъ болѣе удобнымъ сразу переселить 100 семей въ теченіе одного 1875 г. Въ это число къ 5-му февраля 1875 г. было набрано всего 65 семей: 50 на уроч. Баты и 15 въ пос. Урыльскій. На Чистый же Яръ пока не намѣтили никого, такъ какъ тамъ еще небыло сдѣлано надлежащаго отвода земли. Жребій бросался исключительно межъ казаками станицы Антоньевской, поселковъ Смоленскаго и Ануйскаго, какъ самыхъ удаленыхъ на Бійской линіи; да и добровольцевъ допускали тоже только изъ этихъ пунктовъ и изъ ближайшихъ къ нимъ поселковъ. Что до ур. Чистый Яръ, то его не успѣли обмежевать и къ ноябрю 1875 г. Тогда Халдѣевъ испрашивалъ дозволенія поселить тамъ остальныя 35 семей, не дожидаясь землемѣра, а только руководясь тѣми свѣдѣніями, какія уже имѣются о количествѣ удобной земли въ этой мѣстности[3]), но въ высшей, областной инстанціи, къ этому времени, планируютъ о размѣщеніи уже не 35, а цѣлыхъ 120 семей.

Общее положеніе дѣлъ къ концу 1875 года и руководящіе мотивы по вопросу о заселеніи пограничной полосы до извѣстной степени обрисовываются въ слѣдующемъ донесеніи семипалатинскаго губернатора войсковому нак. атаману Сибирскаго каз. войска 11 декабря 1875 г. за № 10186:

«Согласно Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, изложеннаго въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 6 мая 1874 г. № 139 командующему войсками западно-сибирскаго военнаго округа было предоставлено водворять въ теченіи 1874 и 1875 годовъ еже-

---

[1]) Представленіе семипал. в. губернатора войсковому наказн. атаману 8 сентября 1873 г за № 128. См. дѣло № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г.. лл. 1—3.

[2]) Рапортъ устькам. у. начальника Халдѣева 9 ноября 1873 г.

[3]) Дѣло № 530, лл. 6—9, 39, 55, 207.

годно по 50 казачьихъ семействъ Сибирскаго войска поселеніями на китайской границѣ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя опредѣлены для первыхъ поселеній приказомъ по Военному вѣдомству 1870—1872 годовъ №№ 329 и 49; при чемъ на единовременные расходы по выдачѣ пособія и кормовыхъ денегъ переселенцамъ опредѣленно отпустить въ распоряженіе Командующаго войсками Округа въ теченіи 1874 и 1875 годовъ по 4/т. руб. ежегодно, а всего 8/ т. руб. серебр.

Деньги на переселеніе 1874 года были ассигнованы только въ концѣ лѣта (предп. генералъ-губерн. отъ 6 іюля 1874 г. № 1231), а потому вызовъ переселенцевъ и водвореніе новыхъ поселковъ въ томъ году не могло быть произведено, вслѣдствіе чего я предложилъ Усть-каменог. уѣздн. начальнику всѣ 100 семействъ вызвать къ переселенію въ 1875 г.

Копія съ предложенія, въ коей изложены всѣ распоряженія мои по сему предмету, была пердставлена генералъ-адъютанту Хрущову 29 октября № 3071.

Но такъ какъ землемѣръ межевой партіи Сибирскаго каз. войска командированный для съемки урочищъ, на которыхъ предполагалось водворить поселенія, успѣлъ снять только одно урочище Баты на Иртышѣ, съ землею достаточною для надѣла 50 семей, то подполковникъ Халдѣевъ могъ вызвать съ Бійской линіи только 65 казачьихъ семей, въ числѣ 204 душъ муж. пола; изъ коихъ 50 семей образовали новый поселокъ на Батахъ, 15-же семей приселены къ Урыльскому поселку. На единовременные расходы по выдачѣ пособій и кормовыхъ денегъ переселенцамъ изъ числа 4/т. руб., ассигнованныхъ въ 1874 г, и переведенныхъ на 1875 г. согласно предложенію генер.-губерн. отъ 9 ноября 1874 г. за № 1966, издержано всего 2943 р. 60 к. и затѣмъ для переселенія будущаго года имѣется свободныхъ рессуровъ:

а) остатковъ отъ суммъ, отпущенныхъ на переселеніе 1872 и 1873 годовъ вмѣстѣ съ пособіями, возвращенными непереселившимися казаками Кузнецкой линіи, хранящихся въ депозитахъ Семипалатинскаго Областного Правленія . . . . . 696 р. 26 к.

б) остатковъ отъ суммы. ассигнованной на 1874 г. 1045 р. 40 к.
в) суммы, ассигнованной на 1875 г. по смѣтѣ Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ . . 4000 р. —

Итого . 5741 р. 66 к.

Сумма, на которую возможно переселить, судя по примѣру прошлаго года, до 120 семей.

Вслѣдствіе сего я имѣю честь покорнѣйше просить В. В.-прво:

1) Разрѣшить мнѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ, вызывать переселенцевъ, неограничиваясь числомъ 35 семей, а соображаясь съ размѣрами свободныхъ рессурсовъ.

2) Вызвать къ переселенію 2 офицерскихъ семьи сибирскаго войска, такъ какъ на Бійской линіи проживаютъ только отставные и весьма пожилые офицеры, какъ напр. войсковые старшины: Осиповъ, Мокинъ и Круглыхинъ, для которыхъ переселеніе будетъ крайне затруднительно, то вызвать охотниковъ къ переселенію изъ офицеровъ 3-го, а въ случаѣ недостатка таковыхъ 2-го отдѣловъ, изъ числа неполучившихъ еще пожизненнаго поземельнаго надѣла.

3) Разрѣшить переселеніе на новыя мѣста всѣхъ жителей Верхъ-Убинскаго поселка. Бійской линіи, въ числѣ 18 семей, согласно ихъ просьбы, упразднивъ самый поселокъ. Хотя затѣмъ явится перерывъ между казачьими поселками Плоскимъ и Секисовскимъ, но съ передачею всей Бійской линіи въ вѣдѣніе Томской губ. затрудненія относительно отбыванія земской гоньбы встрѣчаться не можетъ, такъ какъ она будетъ отбываться жителями рядомъ лежащей съ Верхъ-Убинскимъ пос. Большерѣченской деревни (Лосиха). Но при этомъ необходимо опредѣлить, какое назначеніе получитъ поземельный надѣлъ, находящійся нынѣ въ пользованіи казаковъ Верхъ-Убинскаго поселка: останется ли онъ въ распоряженіи войскового Начальства или будетъ переданъ обратно въ кабинетъ Его Величества.

4) Въ случаѣ недостатка въ поселкахъ Бійской линіи охотниковъ къ переселенію на новыя мѣста, дозволить, *не назначая переселенцевъ по жребію*, вызывать охотниковъ на переселеніе съ выдачею по-

собій отъ казны, съ Иртышской линіи, изъ 2-го и 3-го отдѣловъ, но не изъ степныхъ станицъ. Обязательное переселеніе для казаковъ Бійской линіи имѣло значеніе первоначально, когда предполагалось всю эту линію упразднить, выселивъ съ нея возможно большее число семействъ для водворенія на новыхъ мѣстахъ, и перечисливъ остальныхъ въ гражданское вѣдомство. Но такъ какъ эта идея въ послѣдствіи оставлена, число же охотниковъ переселяться добровольно, съ обмежеваніемъ земель Бійской линіи и съ упроченіемъ такимъ образомъ ихъ экономическаго быта неименуемо уменьшится, то казалось бы возможнымъ, не прибѣгая къ назначенію переселенцевъ по жребію во всякомъ случаѣ тяжелому для населенія, переселенцевъ вызывать изъ охотниковъ отъ всѣхъ станицъ Иртышской линіи, особенно тѣхъ, которыя, какъ Долонской, Семіярской и Павлодарской, не пользуются достаточнымъ количествомъ хлѣбопахотныхъ земель.

Хотя по разъясненію Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ, изложенному въ отзывѣ отъ 12 минувшаго апрѣля за № 492, содержащееся въ 3-мъ пунктѣ приказа по военному вѣдомству 1872 г. № 49 запрещеніе переселяться изъ станицъ 3-го и степныхъ станицъ 1-го отдѣловъ относилось только до переселенія 1872 и 1873 годовъ, для переселеній же на будущее время приказомъ 1874 г. № 133 никакихъ ограниченій не установлено; но по моему мнѣнію дозволеніе переселеній изъ степныхъ станицъ, сравнительно водворенныхъ недавно, положительно вредно, подрывая основную идею колонизаціи степи и поощряя вообще врожденную русскому народу страсть къ бродяжничеству и пріисканію лучшихъ мѣстъ.

5) Всѣхъ переселенцевъ я полагалъ бы водворить за отдѣленіемъ 43 душъ по числу свободныхъ земель, въ Кендерлыкскій поселокъ Зайсанской станицы, на урочище Чистый-Яръ и Баты, если тамъ по межеванію прошлаго года окажется достаточно земли.

Докладывая о всемъ вышеизложенномъ, я покорнѣйше прошу В. Высокопревосходительство перевести въ мое распоряженіе, для расходовъ переселенія 1876 г. кредитъ въ 4000 руб., ассигнованной по смѣтѣ главнаго управленія Иррегул. войскъ на 1875 г. и въ случаѣ утвер-

женія моихъ предположеній не отказать дать мнѣ знать по телеграфу дабы я могъ немедленно приступить къ вызову переселенцевъ, съ тѣмъ, чтобы они могли заблаговременно изготовиться и выступить съ мѣстъ раннею весною, прійти на новыя мѣста по возможности ранѣе, чтобы имѣть возможность устроить себѣ помѣщеніе на зиму»[1]).

Войсковой наказный атаманъ Сибирскаго каз. войска, находя «полезнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи устроить нѣсколько новыхъ поселеній какъ въ Зайсанскомъ пространствѣ, такъ и въ Бухтарминскомъ краѣ, независимо отъ разрѣшенныхъ Выс. утвержденнымъ 23 апрѣля минувшаго года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта», и полагая заселеніе произвести вызовомъ желающихъ казаковъ со всѣхъ станицъ сибирскаго казачьяго войска, допущеніемъ охотниковъ-переселенцевъ изъ крестьянъ и другихъ сословій«, спрашивалъ 27 октября 1875 г. за № 1792 на этотъ счетъ мнѣнія семипалатинскаго губернатора и просилъ его дать «обстоятельное указаніе мѣстностей, удобныхъ въ хозяйственномъ отношеніи для поселенія и приблизительнаго расчета числа жителей, которые могли-бы быть на нихъ поселены»[2]).

На этотъ запросъ послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ семипалатинскаго губернатора 18 (?) декабря 1875 г. за № 10437:

«Препроводивъ предложеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 27 октября за № 1792 къ устькаменогорскому уѣздному начальнику и въ Зайсанскому приставу, я просилъ подполковника Халдѣева и маіора Тихонова представить полное соображеніе о всѣхъ мѣсуностяхъ, которыя могутъ быть указаны для водворенія осѣдлыхъ поселеній.

«Копіи съ предписаній моихъ по сему предмету за №№ 10358 и 10359 имѣю честь представить на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства; но вмѣстѣ съ симъ для возможно полнаго обсужденія вопроса о колонизаціи пограничнаго съ Китаемъ пространства Семипал.

---

[1]) Дѣло № 538: О водвореніи въ 1876 г. новыхъ казачьихъ поселеній въ пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ л. 8—11.

[2]) Дѣло № 538, лл. 1—2.

обл. считаю долгомъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на слѣдующія обстоятельства.

«По мѣстнымъ топографическимъ и экономическимъ условіямъ этого пространства наиболѣе удобствъ для водворенія осѣдлыхъ поселеній представляютъ сѣверное и западное предгорья Нарымскаго хребта, начиная съ востока, отъ р. Урыля, впадающей въ Бухтарму, внизъ по Бухтармѣ и Нарыму и вверхъ по Иртышу приблизительно до р. Коянды, впадающей слѣва въ Иртышъ, такъ какъ выше Урыльскаго поселка (лежащаго на высотѣ 3712 футовъ отъ уровня моря) слишкомъ холодно для вызрѣванія хлѣбовъ; выше же Коянды Нарымскій хребетъ подходитъ къ Иртышу вплоть, упираясь въ него скалистыми уступами.

«Затѣмъ представляется возможность осѣдлыхъ поселеній въ низовьяхъ Курчума, и быть можетъ на юго-восточномъ скатѣ Курчумскаго хребта, въ одномъ или двухъ пунктахъ по р. Калгуты и на Санташѣ или Майтерекѣ.

«Въ Зайсанскомъ приставствѣ, кромѣ нынѣ существующихъ поселеній, возможно водворить не болѣе одного или двухъ поселковъ на сѣверныхъ предгорьяхъ Монрака и Саура. Высокая Чиликтинская долина (имѣющая 4500 фут. высоты) совершенно не годится для земледѣлія; затѣмъ все остальное передовое пространство Зайсанскаго приставства, скудно орошенное, хотя и даетъ мѣстами возможность хлѣбопашества, но по своему безлѣсію и отсутствію луговъ не представляетъ никакихъ удобствъ для водворенія осѣдлыхъ жителей, особенно обязательнымъ путемъ.

«Изъ этого краткаго очерка Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что при настоящихъ очертаніяхъ границы, водвореніе сплошной линіи осѣдлыхъ поселеній, въ видахъ прикрытія границы вооруженнымъ населеніемъ, какъ то было сдѣлано въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта, недостижимо, такъ какъ обширное протяженіе границы, какъ Чиликтинская долина, почти вся котловина Зайсана отъ ближайшихъ предгорій Монрака до Алтая останутся открытыми. При томъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ пограничныхъ областяхъ Китая, при явномъ усиленіи власти Китайскаго Правительства, представите-

ли коего находятся уже въ Чугучакѣ, Тултѣ и Булукъ-Тихоѣ, нѣтъ особой необходимости принимать мѣры къ огражденію границы въ видахъ стратегическихъ.

«Для экономическаго развитія края, хотя было бы весьма желательно учрежденіе возможно большаго числа осѣдлыхъ пунктовъ, но, къ сожалѣнію, мѣстныя условія не представляютъ къ тому возможности.

«Почти единственное вполнѣ удобное для осѣдлаго поселенія пространство, какъ сказано выше, представляетъ полоса предгорій Курчумскаго хребта, шириною отъ 2 до 10 верстъ, ограниченная рѣками Иртышомъ, Нарымомъ и Бухтармою, и часть лѣваго берега Иртыша, на которой уже водворены поселокъ Урыльскій, Алтайская станица съ Катонъ-Карагайскимъ постомъ, деревни Медвѣдка и Таловка, разросшіяся до громадныхъ размѣровъ, Батинскій поселокъ (на лѣвомъ берегу Иртыша), и предстоитъ еще поселить въ будущемъ году до 120 семей.

«Между тѣмъ на томъ же пространствѣ группируется большинство зимовокъ трехъ волостей За-Иртышскаго участка (Чингистайской, Нарымской и Алтайской), Караулъ-Ясыковской на лѣвомъ берегу и расположены пашни этихъ волостей, въ коихъ земледѣліе развито болѣе, нежели во всей области[1]).

«Припомнивъ, что въ Нарымской и Чингистайской волостяхъ, необходимо размѣстить на томъ же пространствѣ всѣ зимовыя стойбища киргизъ, удаленныхъ настоящею осенью съ праваго берега Бухтармы, нельзя не думать, что водвореніе новыхъ поселеній на этомъ пространствѣ надо производить съ крайнею осторожностью, чтобы не лишить и киргизовъ возможности заниматься земледѣліемъ и, поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе, не довести до отчаянія.

«Вслѣдствіе сего имѣя въ виду, что въ будущемъ году еще пред-

[1]) Изъ составляемой вѣдомости о положеніи земледѣлія у киргизовъ за 1875 годъ, которая имѣетъ быть представлена Вашему Высокопревосходительству вслѣдъ за симъ, видно, что а) въ Караулъ-Ясыковской вол. было запахано 2164 десятины, съ которыхъ снято 177171 п. хлѣба (въ томъ числѣ пшеницы 102550 пудовъ), б) въ Нарымской вол. запахано 2290 десят.; снято 79884 пуда пшеницы, овса и проса.

стоитъ найти мѣста для 120 семей, я полагалъ бы затѣмъ пріостановиться, выждавъ, пока интересы возникающей торговли сами намѣтятъ мѣста промежуточныхъ станцій, складочныхъ пунктовъ и пр., тѣмъ болѣе, что быть можетъ представится возможность въ непродолжительномъ будущемъ выговорить отъ Китая уступки долины Чернаго Иртыша, представляющей, на всѣхъ предгорьяхъ Алтая, множество удобныхъ мѣстъ для земледѣльческаго населенія.

«Но если Ваше Высокопревосходительство, тѣмъ не менѣе, изволите признать нужнымъ безотлагательно продолжать колонизацію пограничнаго пространства, то я полагалъ бы необходимымъ соблюсти при семъ слѣдующія условія:

1) Испрашивая Высочайшее соизволеніе на продолженіе переселенія казаковъ Сибирскаго войска въ Бухтарминскій, Курчумскій и Зайсанскій края на прежнихъ основаніяхъ, исходатайствовать отпускъ для единовременныхъ расходовъ по переселенію (выдача пособій и кормовыхъ денегъ) по 4 т. руб. въ годъ на 1877 и 1878 годы.

2) Переселенцевъ казаковъ брать, какъ я о томъ представлялъ отъ 11 декабря за № 10186, изъ охотниковъ со всѣхъ станицъ войска, кромѣ степныхъ, съ пособіями или безъ пособій отъ казны, отказавшись отъ обязательнаго переселенія съ Бійской линіи по жребію.

3) Для переселенія крестьянъ, придерживаться правилъ, представленныхъ Семипалатинскимъ областнымъ начальствомъ 26 февраля 1873 г. за № 1791, не вызывая переселенцевъ, но дозволяя только просителямъ водворяться въ пограничномъ пространствѣ на указанныхъ мѣстахъ.

и 4) Для точнаго опредѣленія, какое число душъ можетъ быть водворено на каждомъ урочищѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, съ ран. нею весною 1876 года, командировать въ мое распоряженіе двухъ землемѣровъ межевой партіи Сибирскаго казачьяго войска, для снятія на планъ и обмежеванія, по ближайшимъ указаніямъ Устькаменогорскаго Уѣзднаго Начальника и Зайсанскаго пристава, мѣстностей, на которыхъ будетъ признано возможнымъ водворять поселенія.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы необходимо дать опредѣленный на-

дѣлъ крестьянамъ деревень Таловки, Березовой и Медвѣдки, такъ какъ жители этихъ деревень. изъ конхъ двѣ первыя водворились на самой чертѣ границы Семипалатинской обл. съ Томской губ., а послѣднся даже и областной территоріи, не зная, какое количество земли можетъ быть имъ отведено, постоянно принимаютъ къ себѣ новыхъ поселенцевъ, безъ всякаго на то разрѣшенія какъ Томской Казенной Палаты, такъ и семипалатинскихъ властей, исподволь самовольно захватывая областныя земли подъ сѣнокосы и пашни.

«Всѣ сіи соображенія представляя на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, я буду имѣть честь о послѣдующемъ ожидать отвѣта Вашихъ указаній».[1]).

Одновременно съ представленіемъ генералъ-губернатору Западной Сибири, семипалатинскій губернаторъ обратился 15/16 декабря 1875 г. за №№ 10358 и 10359 съ соотвѣтственными запросами къ Зайсанскому приставу Тихонову и къ Устькаменогорскому у. начальнику Халдѣеву, прося ихъ обратить вниманіе на слѣдующія урочища, на которыхъ, по его мнѣнію, осѣдлыя поселенія были бы возможны:

«*Въ Зайсанскомъ приставствѣ*»: а) Джиты-Аралѣ, б) на Чергѣ, в) на Уйдоне, г) на одной изъ рѣчекъ между Кандерлыкомъ и Джемени, и, наконецъ, д) на Черномъ Иртышѣ, на урочищѣ, гдѣ Вы уже предполагали водворить крестьянъ.

«*Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ*»: а) на Чингистаѣ, б) на Каратарбагатаѣ, в) противъ деревень Медвѣдки и Таловки (уроч. Май-Емиръ, на урочищахъ нынѣ самовольно занятыхъ жителями этихъ деревень подъ пашни и сѣнокосы, г) на предгорьяхъ Курчумскаго хребта между Больше-Нарымомъ и Мало-Нарымомъ; д) на предгорьяхъ того же хребта въ углѣ, образуемомъ правымъ берегомъ Иртыша и Нарымомъ; е) въ низовьяхъ Курчума (урочище Нижніе Теректы); ж) на Верхнихъ Теректахъ, з) на р. Колгуты и і) на Майтерекѣ»[1]).

Вотъ отвѣтъ устькаменогорскаго у. начальника 19 февраля 1876 г. за № 691:

[1]) Дѣло № 538, лл. 12—16.

[1]) Дѣло № 538, л. 4—5.

«На предписаніе Вашего Превосходительства отъ 15/16 декабря минувшаго 1875 года за № 10359, честь имѣю донести, что я, съ своей стороны, находя дѣйствительную пользу учрежденія осѣдлыхъ поселеній между кочующими киргизами, въ тоже время нахожу, что указанныя Вашимъ Превосходительствомъ мѣста для означенныхъ поселеній крайне будутъ стѣснительны для киргизъ Чингистайской, Нарымской и Курчумской волостей по нижеслѣдующему:

1) 600 кибитокъ Чингистайской и Нарымской волостей, имѣвшія до сего времени зимовыя стойбища по правую сторону р. Бухтармы, на земляхъ принадлежащихъ Алт. Горн. Вѣдом., въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, должны быть выселены съ означенныхъ земель, на земли Семипалат. обл. по лѣвую сторону р. Бухтармы и сосредоточиться на единственно удобной для кочевокъ мѣстности—уроч. Чингистаѣ, которое и въ настоящее время уже замѣщено сими кочевниками настолько, что не представляетъ возможности къ большему заселенію, а потому размѣщеніе означенныхъ выше кибитокъ, имѣетъ быть мною произведено, на часть мѣстности, которую предполагаю отдѣлить отъ Нарымской волости.

2) Нарымская волость, имѣющая кочевья по склону Курчумскаго хребта и съ одной стороны будучи тѣснимы кочевниками Чингистаской волости, по предполагаемому мною отдѣленію, части земли для помѣщенія кибитокъ послѣдней; съ другой же стороны казаками и крестьянами поселковъ и деревень, расположенныхъ по правую сторону р. Нарыма, имѣющими земляныя угодья по лѣвую сторону означенной рѣки, съ учрежденіемъ вновь предполагаемыхъ Вашимъ Превосходительствомъ поселеній, должны отстать всѣхъ хлѣбопахотныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ кочевники этой волости, противу другихъ волостей исключительно заняты этимъ ремесломъ.

3) Курчумская волость, въ раіонѣ которой въ настоящее время мною уже заняты два мѣста для вновь открытаго поселенія на уроч. Батахъ и предполагаемаго на уроч. Чистый-Яръ, съ отдѣленіемъ же части мѣстности для Нарымской волости, такъ какъ оть последней въ свою очередь должно отдѣлить часть для Чингистайской и съ учреж-

деніенъ вновь предполагаемыхъ Вашимъ Превосходительствомъ осѣдлыхъ поселеній, должны крайне стѣсниться и лишиться хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, въ каковыхъ тамъ чувствуется недостатокъ.

Что же касается до мѣстностей въ верховьяхъ р. Курчума: а) на Верхнихъ Теректахъ, б) на р. Калгуты и в) на Майтерекѣ, то по возвышенному положенію означенныхъ мѣстъ, едва ли таковыя будутъ удобны въ отношеніи вызрѣванія хлѣбовъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ мною неудобствамъ, учрежденія осѣдлыхъ поселеній на указанныхъ Вашимъ Превосходительствомъ мѣстахъ я предполагалъ бы лѣтомъ сего года при поѣздкѣ въ Катонъ-Карагай съ исключительною цѣлью указанія мѣстъ для поселенія 600 кибитокъ Чингистайской волости и отдѣленія мѣстности отъ Нарымской и Алтайской волостей, единовременно осмотрѣть мѣста удобныя для осѣдлыхъ поселеній, оставя ихъ свободными отъ заселенія киргизами и въ тоже время командировать землемѣра для производства хозяйственной съемки. О результатѣ же предполагаемой мною поѣздки будетъ донесено Вашему Превосходительству съ подробнымъ описаніемъ найденныхъ мною удобныхъ мѣстъ, а также опредѣленіемъ приблизительно количества душъ, могущихъ помѣститься на каждомъ изъ нихъ.

Изложенное мною мнѣніе, представляя на разрѣшеніе В. Превосходительства, покорнѣйше прошу о послѣдующемъ не оставить дать мнѣ знать[1])».

А вотъ отвѣтъ зайсанскаго пристава 19 іюня 1876 г. за № 53:

«Вполнѣ представляя себѣ благіе результаты, долженствующіе получиться отъ возможно большаго устройства осѣдлыхъ поселеній въ пограничномъ съ Китаемъ краѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ въ необходимость представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства тѣ затрудненія, которыя я встрѣчаю для указанія мѣстъ для этихъ поселеній.

Киргизы ввѣреннаго мнѣ пространства, терпятъ большой недо-

[1] Дѣло № 538, л. 102—103.

статокъ, какъ въ мѣстахъ для зимовыхъ стойбищъ, такъ и въ лѣтнихъ кочевкахъ и пахотныхъ мѣстахъ. Три съ половиною волости зимуютъ въ предѣлахъ Китая и половина волости (Окпектинской) въ Сергіопольскомъ уѣздѣ. На лѣтнія кочевки большая часть киргизъ, за неимѣніемъ мѣстъ въ приставствѣ, уходитъ на р. Кызылку (въ раіонѣ Устькаменогорскаго уѣзда) на долину Этиль и въ Алтай (въ Китайскіе предѣлы). Пахотныхъ мѣстъ также весьма ограниченное количество у киргизъ приставства, что заставляетъ ихъ арендовать пашни у казаковъ Зайсанской и Кокпектинской станицъ, а также сѣять хлѣбъ на долинѣ Этиля и по правому берегу р. Чернаго Иртыша, въ Китайскихъ предѣлахъ. Подобныя перекочевки на китайскую территорію нашихъ киргизъ и занятіе ими мѣстъ за границею возможны только при нынѣшнемъ состояніи китайской администраціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ близкомъ будущемъ нашимъ киргизамъ будетъ запрещенъ переходъ черезъ границу и тогда они будутъ поставлены въ самое бѣдственное положеніе.

Вышеизложенное доказываетъ въ Приставствѣ малочисленность удобныхъ мѣстъ для осѣдлыхъ поселеній, такъ какъ при избыткѣ подобныхъ мѣстъ кочевники не терпѣли бы недостатка въ пашняхъ и въ лѣтовкахъ.

Переходя за симъ къ указаннымъ Вашимъ Превосходительствомъ урочищамъ, обязываюсь доложить нижеслѣдующее:

Урочище Джеты-Аралъ съ р. Чергою, выпадающею изъ этого урочища, составляетъ такъ сказать единственную житницу Зайсанскаго приставства, откуда пользуются хлѣбомъ киргизы почти всѣхъ волостей; кромѣ того вся эта мѣстность наполнена зимовками киргизъ Арганатинской волости и частью Чиликтинской и Тарбагатайской волостей; за всѣмъ тѣмъ на мѣстности этой киргизами возведены дома мельницы и другія хозяйственныя постройки. Пространство между Джемини и Кендерлыкомъ, за исключеніемъ мѣстъ, отошедшихъ въ надѣлъ казакамъ, —наполнено киргизскими зимовками. На Черномъ Иртышѣ въ нашихъ предѣлахъ не имѣется вовсе хлѣбопахотныхъ мѣстъ и если прежде и былъ указываемъ пунктъ для поселенія близъ Акъ-Тюбэ, а затѣмъ представлены просьбы крестьянъ, желавшихъ посе-

литься тамъ, то послѣдніе имѣли въ виду выгоды отъ рыболовства, занимаясь которымъ легко было бы доставлять хлѣбъ водою изъ Усть-каменогорска, а указаніе пункта было сдѣлано въ видахъ возбужденія въ то время вопроса объ измѣненіи границы, при чемъ въ случаѣ, что къ намъ отошелъ бы правый берегъ Чернаго Иртыша, почти вездѣ удобный для пашенъ, Акъ-Тюбэ представляло бы во всѣхъ отношеніяхъ лучшій пунктъ для поселенія.

Такимъ образомъ всѣ вышеизложенные пункты по моему мнѣнію не могутъ быть предназначены для осѣдлыхъ поселеній. Обращаясь же къ другимъ мѣстностямъ приставства, я нахожу только единственно возможное для устройства небольшого поселка, не болѣе какъ въ 25 семей, мѣсто на ключѣ Сарабулакѣ, близь почтовой станціи; на мѣстѣ этомъ, хотя и имѣется нѣсколько зимовокъ и пашни цѣлаго старшинства, которыхъ неизбѣжно будетъ лишить киргизъ, тѣмъ не менѣе сравнительно съ другими мѣстностями подобное лишеніе будетъ самое безобидное для населенія. На мѣстности этой имѣются пахотные и сѣнокосные участки, лѣсъ въ разстояніи 60 верстъ. Весьма важнымъ условіемъ для поселка будетъ представляться нахожденіе его на почтовомъ трактѣ.

О всемъ вышеизложенномъ имѣю честь донести Вашему Превосходительству во исполненіе предписанія за № 10358, 1875 г.»[1]).

Въ отвѣтъ на декабрскія донесенія семипалатинскаго губернатора генералъ губернаторъ Западной Сибири разрѣшилъ 19 января 1876 г. за № 177 вызывать для набора намѣченнаго числа 120 семей охотниковъ, но только съ одной Бійской линіи. Какъ и въ прежніе разы составъ переселенцевъ былъ набранъ частью изъ желающихъ, частью по жребію. Всѣ они ходатайствовали отсрочить имъ переселеніе до 1877 г., такъ какъ у нихъ были уже посѣяны озими, да и времени требовалось не мало, чтобы распродать движимость не за безцѣнокъ. Разрѣшеніе генералъ-губернаторомъ было дано 26 мая 1876 г.[2]).

Наконецъ, новыя данныя находимъ въ слѣдующихъ двухъ документахъ:

[1]) Дѣло № 538 л.л. 104—106.
[2]) Дѣло № 538 л.л. 23, 28, 36—37, 78, 88

1) Главное Управленіе Западной Сибири, по 5-му казачьему отдѣленію, писало 24 марта 1877 г. за № 690 семипалатинскому губернатору:

«Изъ разсмотрѣнія, производящагося въ казачьемъ отдѣленіи Главнаго Управленія Западной Сибири, дѣла объ устройствѣ двухъ новыхъ поселеній на пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ, на уроч. Косъ-Тюбе (Баты) и Чистый-Яръ, видно нижеслѣдующее:

1) Въ силу Высочайше утвержденнаго, въ 23 день апрѣля 1874 г. мнѣнія Госуд. Сов. о водвореніи въ Зайсанскомъ, Бухтарминскомъ и Курчумскомъ краяхъ въ теченіи 1874 и 1875 годовъ ежегодно по 50 казачьихъ семействъ Сибирскаго войска, были вызваны и въ іюнѣ 1875 г. должны были прибыть на мѣста поселеній 67 семействъ (16 въ пос. Урыльскомъ и 51—въ Батахъ), остальныя 33 семейства не были въ свое время вызываемы по случаю неотвода юртоваго надѣла для поселенія на Чистомъ-Яру (донесеніе Устькам. Начальн. 22 апрѣля 1875 г. № 144).

2) Впослѣдствіи, по поводу свободныхъ, для продолженія переселеній, остатковъ, въ суммѣ 5741 р. 66 к., на которые возможно поселить до 120 семействъ, Ваше Превосходительство испрашивали разрѣшенія какъ на вызовъ охотниковъ, сверхъ означенныхъ, недоставшихъ въ норму ста, 33 семействъ, такъ и на переселеніе «на новыя мѣста» всѣхъ жителей пос. Верхъ-Убинскаго (18 семействъ)—«согласно ихъ просьбѣ»—съ упраздненіемъ самого поселка (представленіе 9 декабря 1875 г. № 10186).

3) Возбудивъ, относительно сего послѣдняго ходатайства, переселенія Верхъ-Убинскаго, предварительный вопросъ, г-нъ генералъ-губернаторъ предложилъ: въ число 120 семействъ вызвать охотниковъ, съ одной Бійской линіи, а въ случаѣ недостатка охотниковъ, вызвать по жребію, въ число 33 семействъ (предложенія 19 января 1876 г, за №№ 177 и 178). Во исполненіе сего, вызвавъ въ это число семействъ (33)—по жребію 28 пахотниковъ 5 семействъ, изъ коихъ предположили поселить: 23 семьи на Чистомъ-Яру и 10—въ поселкѣ Кендерлыкскомъ, Ваше Превосходительство испрашивали разрѣшеніе от-

срочить переселеніе этихъ семействъ до весны 1877 года (представленіе 12 апрѣля 1876 г. № 2876)

4) Разрѣшивъ испрашиваемую отсрочку и обративъ вниманіе, что Высочайшее повелѣніе о переселеніи 100 казачьихъ семействъ на пограничныя съ Китаемъ мѣста, въ теченіи 1874 и 1875 г.г. осталось не вполнѣ приведеннымъ въ исполненіе, Его Высокопревосходительство изволилъ предложить «принять всѣ мѣры, чтобы въ теченіи будущаго лѣта 1877 г. оно было во всей точности исполнено« (предложеніе 29 мая 1876 г. № 965).

5) Между тѣмъ, жители станицъ Лобановской и Аканбурлукской, Кокчетавскаго уѣзда, черезъ своего уполномоченнаго, обратились къ г-ну генералъ-губернатору съ прошеніемъ о переселеніи ихъ на новыя мѣста, преполагаемыя устроиться по р. Иртышу и Курчуму, и Ваше Превосходительство, по поводу такого ходатайства, изволили высказать заключеніе, что казаки этихъ двухъ станицъ 117 семействъ, могутъ быть поселены, безъ стѣсненія прежде вызванныхъ 23 семействъ на уроч. Чистый-Яръ, весною текущаго года (представленіе 21 октября 1876 г. № 9049). Наконецъ,

6) Въ отвѣтной бумагѣ на возбужденный о Верхъ-Убинскомъ поселкѣ предварительный вопросъ, Ваше Превосходительство, доказывая неудобство переселенія степныхъ станицъ, ходатайствуете объ удержаніи охотниковъ Кокчетавскаго уѣзда--«впредь до спроса казаковъ Верхъ-Убинскихъ, согласны ли они поселиться въ Чистомъ-Яру, и если согласны, то когда и на какихъ условіяхъ»? (представленіе 12 января с. г. за № 360).

Такимъ образомъ, на пограничныя съ Китаемъ новыя мѣста предстоятъ переселенія двухъ родовъ: одно, *обязательное въ размѣрѣ 33-хъ семействъ*, которое въ силу Высочайшей воли и предложенія г. генералъ-губернатора, *должно быть непремѣнно приведено въ исполненіе въ теченіи лѣта настоящаго года*, и другое—предположенное вами и утвержденное Его Высокопревосходительствомъ, на свободные остатки, вызовомъ охотниковъ до 120 семействъ.

Для переселенія перваго рода, обязательнаго, вызовъ 33 семействъ

уже сдѣланъ, а самое переселеніе ихъ отсрочено только до весны текущаго года; списки этихъ переселенцевъ Вашимъ Превосходительствомъ доставлены; но затѣмъ неизвѣстно время, къ которому они могутъ прибыть къ мѣсту назначенія; а между тѣмъ, въ видахъ обезпеченія продовольствія, свѣдѣнія эти представляются неотложно необходимыми.

Переселенцы второго рода, въ числѣ до 120 семействъ, могутъ быть, по указанію г. генералъ-губернатора, только изъ охотниковъ. Заявленное по сему предмету ходатайство казаковъ станицъ Лобановской и Аканъ-Бурлукской, которыхъ Ваше превосходительство находили возможнымъ поселить въ Чистомъ-Яру, сообщено Войск. Хоз. Правленію на заключеніе, которое еще не получено; относительно же казаковъ Верхъ-Убинскихъ, встрѣчается недоразумѣніе, такъ какъ въ представленіи 9 декабря 1875 г. № 10186 упомянуто *о ихъ просьбѣ* переселиться на новыя мѣста; въ донесеніи же отъ 12 января с. г. за № 360, указано на необходимость *предварительнаго спроса о согласіи* переселиться на уроч. Чистый-Яръ.

По докладѣ обо всемъ вышеизложенномъ Г-ну Предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Западной Сибири, казачье отдѣленіе, подтвердивъ, вмѣстѣ съ съ симъ, Войсковому Хозяйственному правленію о скорѣйшемъ доставленіи заключенія по ходатайству казаковъ ст. Лобановской и Аканбурлукской, имѣетъ честь, по приказанію генералъ-маіора Цитовича, покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ скорѣйшемъ сообщеніи отдѣленію слѣдующихъ свѣдѣній:

1) Къ какому времени имѣютъ прибыть, предназначенныя на Чистый Яръ и въ поселокъ Кендерлыкскій, 33 семейства, о вызовѣ которыхъ Вы доносили 12 апрѣля 1876 г. за № 2876, и переселеніе которыхъ, согласно собственному вашему ходатайству, отложено *только до весны текущаго года*, и

2) изъявили ли жители поселка Верхъ-Убинскаго желаніе переселиться на пограничныя съ Китаемъ новыя мѣста?» [1]).

[1]) Дѣло № 538 лл. 151—153

2) Генералъ-губернаторъ Западной Сибири г.-ад. Казнаковъ писалъ 16 іюня 1878 г. за № 718 семипалатинскому губернатору:

«Признавъ болѣе удобнымъ переселеніе казачьихъ семействъ на границу Китая, возложить на Войск. Хоз. Правл. Сибирскаго казачьяго войска и озабоченный скорѣйшей колонизаціей пограничныхъ мѣстъ Китая, я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Хозяйств. правл. немедленно командировать землемѣра на урочище Чистый-Яръ и въ Зайсанское приставство въ поселокъ при ключѣ Сарыбулакѣ, въ которыхъ, какъ видно изъ переписки по сему дѣлу, можетъ быть поселено въ первомъ до 27 семействъ, а во второмъ до 25, для производства хозяйственной съемки съ подробнымъ описаніемъ мѣстъ и опредѣленіемъ приблизительно числа душъ, какое можно было бы поселить тамъ. И такъ какъ по расчету ассигнованнаго кредита, полагая пособія на каждое казачье семейство по 55 руб., подлежитъ къ переселенію на границу Китая 61 семейство, то въ случаѣ, если бы означенное количество не могло быть водворено въ указанныхъ мѣстахъ, я предложилъ Хозяйств. правл. поручить тому же землемѣру изысканіе свободныхъ земель для поселенія остальныхъ казачьихъ семействъ въ поселкѣ Батинскомъ. Затѣмъ я обязалъ Войск. хозяйст. правл. принять зависящія мѣры къ безотлагательному и никакъ не далѣе сентября с. г. вызову переселенцевъ съ крайнихъ станицъ Бійской линіи, изъ поселка Ануйскаго и Смоленскаго, по разсчету ассигнованнаго кредита въ 4000 руб., за исключеніемъ перерасходованныхъ для пособій прежней колонизаціи 224 руб. 18 коп. Водвореніе казачьихъ семействъ на границѣ Китая я признаю необходимымъ сдѣлать въ нынѣшнемъ году, не откладывая до веслы будущаго года, какъ предположила семипалатинская администрація, предоставивъ однако же переселенцамъ собрать посѣянный ими хлѣбъ и продать свое имущество.

Вмѣстѣ съ симъ мною сдѣлано распоряженіе и о переводѣ ассигнованнаго для означенной цѣли кредита въ распоряженіе Войскового хозяйств. правленія, о чемъ и увѣдомляю васъ, милостивый государь, на представленіе 25 мая за № 5431»[1]).

[1]) Дѣло № 538, л. 249, 251.

IV.

(*къ л. 22-му*).

А. Отношеніе Войскового хоз. правленія на имя военнаго губернатора Семипалат. области 7 іюня 1876 г., за № 2924.

Согласно Высочайше утвержденнаго 19 октября 1870 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта Вашему Превосходительству предоставлено водворять поселенія въ Зайсанскомъ краѣ изъ казаковъ Сибирскаго казачьяго войска Бійской линіи.

Въ 1871 году, согласно утвержденной диспозиціи полевыхъ межевыхъ работъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири 13 марта 1871 г., въ распоряженіе Вашего превосходительства командированъ землемѣръ съ чертежникомъ для составленія проэкта надѣловъ вновь водворяемыхъ поселеній на пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ.

Командированный землемѣръ въ 1871 году проэктировалъ на уроч. Катонъ-Карагай земельный надѣлъ для вновь переселяемыхъ казаковъ, съ образованіемъ станицы Алтайской, въ количествѣ 3040 десятинъ удобной земли, на 76 душъ мужск. пола, тогда поселившихся, что составляетъ, полагая по 30 десят. на душу, на 101 душу мужск. пола безъ запаса, или на 76 душъ по 30 десятинъ съ запасомъ по 10 десят. Составленный планъ былъ препровожденъ начальникомъ Устькаменогорск. уѣзда для подписи, который, подписавъ планъ, возвратилъ его въ Войсковое Хозяйственное правленіе.

При разсмотрѣніи дѣла сего въ Войсковомъ Хоз. Пр., оказалось, что въ станицѣ Алтайской въ настоящій 1876 г. состоитъ 3 оберъ-офицера и 145 малолѣтокъ и нижнихъ чиновъ, а всего 148 душъ мужск. пола, на которыхъ, согласно того же положенія ст. 4 й и на основаніи Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ въ надѣлѣ земли: 3 оберъ-офицерамъ по 200 д. каждому въ участки пожизненнаго владѣнія, всего 600 д.

на 148 душъ мужск. пола въ юртовый надѣлъ, согласно 2 ст. поженія 21 апрѣля 1869 года, по 30 десят. на душу, 4440 десят. и отъ всего количества 1/3 надѣла въ запасъ 1680 десят., что всего составитъ 6720 десят. удобной земли, слѣдовательно, въ надѣлѣ станицы Алтайской въ настоящее время оказывается недостатокъ въ 3680 дес. изъ проектированнаго количества 3040 дес., если отвести участки г.г. офицерамъ въ количествѣ 600 дес., то въ надѣлѣ казаковъ останется 2440 дес. удобной земли на 148 душъ муж. пола, что составляетъ по 16 1/2 дес. на душу. Согласно же 4 ст положенія 21 апрѣля 1869 г., если съ увеличеніемъ народонаселенія въ надѣлахъ будетъ причитаться земель менѣе 20 д. то войсковое начальство приводитъ его къ нормальной 30 десятинной пропорціи присоединеніемъ войсковыхъ запасныхъ земель. Вслѣдствіе чего Войсковое Хоз. Правл. предложило начальн. устькамен. уѣзда 16 марта с. г. за № 1424 донести, какія онъ полагаетъ принять мѣры для пополненія надѣла станицы Алтайской. такъ какъ планъ этой станицы съ недостаточнымъ количествомъ земли, Войск. Хозяйст. Правл. считаетъ невозможнымъ представить на Высочайшее утвержденіе впредь до пополненія надѣла въ законной пропорціи. Начальникъ устькаменогорскаго уѣзда 11 мая с. г. за № 2069 донесъ Войск. Хоз. Правленію, что по неимѣнію свободныхъ земель вблизи ст. Алтайской онъ никакихъ мѣръ къ пополненію надѣла этой станицы принять не можетъ, такъ какъ, не смотря на сгущенность заселенія лѣваго берега р, Бухтармы киргизами Чингистайской и Нарымской волостей, онъ согласно распоряженія г. ген.-губернатора Запад. Сиб. обязанъ переселить нынѣ съ праваго берега р. Бухтармы на лѣвый еще болѣе 500 кибитокъ Чингистайской волости и отвести имъ зимовыя стойбища въ Бухтарминской долинѣ вблизи же ст. Алтайской. Казаки же ст. Алтайской могутъ арендовать земли въ Алтайск. Горн. Вѣдомствѣ, по примѣру казаковъ ст. Семипалатинской, тѣмъ болѣе, что число увеличенія переселенцевъ въ этой станицѣ произошло отъ самихъ жителей, принимавшихъ на жительство казаковъ другихъ станицъ по приговорамъ.

О вышеизложенномъ Войск. Хоз. Правленіе имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство на тотъ предметъ, что не признаете ли

возможнымъ къ Алтайской станицѣ прирѣзать земли изъ свободной, хотя до полной 30 десятинной пропорціи, безъ опредѣленнаго запаса, безъ котораго хоз. правл. находитъ возможнымъ обойтись, въ противномъ случаѣ правленіе затрудняется представить на утвержденіе планъ, по которому на каждую душу приходится только 16 десятинъ вмѣсто опредѣленной общей нормы 30 десятинъ, о послѣдующемъ распоряженіи, или мнѣніи Вашего Превосходительства ожидается увѣдомленіе.

Дѣло № 538 л. 93—95.

Б. Рапортъ начальника устькаменогор. уѣзда подполковника Халдѣева, 10 іюля 1876 г. за № 3185.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства, отъ 18 минувшаго іюня за № 5170. имѣю честь донести, что за изложенными въ донесеніи моемъ за № 2069 обстоятельствами, прописанными въ отношеніи Воиск. Хоз. Правленія къ Вашему Превосходительству отъ 7 іюня за № 2924, я не имѣю и нынѣ въ виду какихъ либо свободныхъ мѣстъ, отъ которыхъ можно было бы удѣлить дополнительный прирѣзъ земли къ Алтайской станицѣ до полной 30-ти десятинной пропорціи, тѣмъ болѣе, что по собраннымъ мною въ послѣднее время сѣдѣніямъ должно размѣстить въ Бухтарминской долинѣ, близь станицы Алтайской, до 1200 киргизскихъ кибитокъ, выдворяемыхъ нынѣ, по распоряженію г. генералъ-губернатора Запад. Сиб., съ праваго на лѣвый берегъ р. Бухтармы, размѣщеніе которыхъ и безъ того, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, оказывается трудно исполнимымъ по недостатку мѣста.

Въ виду такого безвыходного положенія, а съ другой стороны и въ томъ вниманіи, что неполный надѣлъ землями Алтайской станицы вызванъ прежде всего самими же жителями, вслѣдствіе добровольнаго ими пріема къ себѣ переселенцевъ—я полагалъ бы тотъ надѣлъ землями, которымъ они донынѣ пользуются, считать, въ видѣ исключенія, достаточнымъ, но въ случаѣ заявленія жителями Алтайской станицы объ ограниченности ихъ поземельнаго надѣла, предоставить имъ, какъ самимъ же виновнымъ въ ихъ стѣсненномъ положеніи, выселяться на предназначаемое мѣсто для новаго поселенія на урочищѣ Чистый-Яръ.

Дѣло № 538, л. 97, 99.

В. Отношеніе губернатора Семипалат. области на имя Войскового Хоз. правленія, 22 сентября 1876 г. за № 7332.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ Устькам. Уѣздн. Начальникомъ по вопросу, изложенному въ отношеніи Войск. Хоз. Правл. отъ 7 іюня за № 2924, видно, что ни въ смежности съ надѣломъ ст. Алтайской, ни вблизи свободныхъ земель не имѣется, почему не представляется никакой возможности прирѣзать къ сказанному надѣлу еще 1400 десятинъ.

Имѣя въ виду, что увеличеніе въ ст. Алтайской числа душъ противъ первоначально предполагавшихся къ поселенію произошло по волѣ самихъ станичниковъ, при чемъ послѣдніе не могли не брать въ разсчетъ достаточность занятыхъ ими земель для всего количества душъ и что при чрезвычайномъ плодородіи земли на уроч. Кусакъ, въ особенночти при искусственномъ орошеніи, средній надѣлъ, приходящійся по расчету Войск. Хозяйст. Правл. на каждую душу мужскаго пола ст. Алтайской—16½ десят.—вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ хозяйства казаковъ, я не вижу достаточныхъ побудительныхъ причинъ къ прирѣзкѣ, на которой настаиваетъ Войск. Хозяйст. Правл., тѣмъ болѣе, что согласно 1 примѣч. § 494 положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года и пункта 3 Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 года мнѣнія Государств. Совѣта, можетъ быть признанъ недостаточнымъ только надѣлъ, составляющій менѣе половины нормальнаго, т. е. менѣе 15 десятинъ.

Въ виду невозможности увеличить проэктированный надѣлъ ст. Алтайской, остается или признать его достаточнымъ, что будетъ вполнѣ согласно по мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, съ хозяйственными потребностями станичниковъ, или же предложить тѣмъ казакамъ, которые причислились къ ст. Алтайской по пріемнымъ приговорамъ первоначальныхъ поселенцевъ, выселиться во вновь образуемый поселокъ—Чистый Яръ.

Дѣло № 538 л. 98.

V.

(*къ л.л. 8, 28, 29 и 32*).

А. Записка Семипалатинскаго вице-губернатора Чернявина о киргизахъ, проживающихъ въ предѣлахъ Алтайскаго горнаго округа.

Заводы Колывано-Воскрссенскій,, Шульбинскій и Барнаульскій, взятые въ казну въ 1747 г, послѣ смерти владѣльца ихъ Акинфія Демидова, постепенно расширяя свои дѣйствія, образовали обширный горный округъ, съ 1834 г. получившій названіе Алтайскаго. Округъ этотъ, издавна состоящій въ вѣдѣніи кабинета Его Величества, если не считать промежутка между 1830 и 1855 годами, когда округъ управлялся министерствомъ финансовъ, указомъ 27 мая 1855 г. окончательно признанъ *частною собственностью* Государя Императора.

До 1838 г. предѣлы Алтайскаго округа не были обозначены точною межею; даже въ столь подробномъ и обстоятельномъ законодательномъ актѣ, какъ «Учрежденіе объ управленіи Колывано-Воскресенскихъ Горныхъ заводовъ», 16 апрѣля 1828 г., о поземельныхъ правахъ округа говорится: «§ 2. Всѣ земли, равно озера и рѣки, находящіяся *на пространствѣ занимаемомъ селеніями приписныхъ крестьянъ*, заводами, рудниками, ломками цвѣтныхъ камней и другими казенными заведеніями, также Алтайскія горы, лежащія между Бійскою линейною дорогою и китайскою границею, принадлежатъ къ вѣдомству Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. § 3. *Лѣса*, растущіе на всемъ *означенномъ пространствѣ*, также принадлежатъ къ вѣдомству заводскому. § 4. На земляхъ вѣдомства заводскаго запрещается кому либо устраивать лѣсопильныя мельницы, винокуренные и другіе заводы, требующіе огненнаго дѣйствія. § 5. *Земли вѣдомства заводскаго не раздаются ни въ собственность, ни въ оброкъ*. Такъ какъ въ то время все значеніе округа заключалось въ горномъ промыслѣ, поддерживаемомъ обязательнымъ трудомъ приписныхъ крестьянъ, то и поземельныя права обусловливались потребностями горныхъ заводовъ и тѣми земельными угодьями, которыми фактически пользовались при-

писные крестьяне; въ этомъ отношеніи приведенное выше опредѣленіе пространства горнаго округа могло считаться вполнѣ достаточнымъ и не возбуждало никакихъ пререканій; коль скоро принадлежность земли опредѣлялась принадлежностью тѣхъ лицъ или сословій, которыя ею пользовались, то въ одной и той же окружности могли находиться и земли приписныхъ крестьянъ, и казаковъ, и даже киргизовъ, покуда послѣдніе не захватывали крестьянскихъ земель или не наносили ущерба своимъ сосѣдямъ конокрадствомъ. Такъ въ дѣйствительности и было: по Бійской линейной дорогѣ и на правомъ берегу Иртыша выше устья р. Убы расположились казачьи поселки черезполосно съ крестьянами, по Кулундинской степи, Бель-агачѣ и другихъ мѣстахъ по сосѣдству кочевали кизгизы, хозя съ сѣвера и востока названныхъ степей и находились земли крестьянъ и Локтевскій заводъ; никакихъ притязаній со стороны заводскаго начальства на пользованіе землями, находившимися въ смежности съ заводскими, сословій не несущихъ ни личныхъ, ни денежныхъ повинностей въ пользу заводовъ, не было и не могло быть; не было также и попытокъ обложить такія сословія оброкомъ за пользованіе заводскою землею, тѣмъ болѣе, что послѣдняя «не раздавалась ни въ собственность, ни въ оброкъ» (указъ 16 апр. 1828 г.), да и земля, занятая напр. бійскими казаками, за силою § 2 приведеннаго указа, не могла считаться заводскою. Обнародованіе устава частной золотопромышленности 30 апрѣля 1838 г., въ которомъ встрѣчается первое опредѣленіе границъ Алтайскаго округа, въ смыслѣ участка, на которомъ частная золотопромышленность не дозволяется, не измѣнило приведенныхъ выше поземельныхъ отношеній, такъ какъ указъ 1828 года остался въ своей силѣ. Только съ 1855 года, когда послѣдовательно было узаконено, что Алтайскій горный округъ составляетъ *частную* собственноеть Государя Императора (Указъ 27 мая), что къ нему въ подлежащихъ случаяхъ примѣнаются правила удѣльныхъ постановленій и горному управленію вмѣняется въ обязанность озаботится учрежденіемъ оброчныхъ статей, установленіемъ поземельнаго сбора съ тѣхъ жителей Алтайскаго округа, которые не несутъ никакихъ заводскихъ повинностей, и составить изъ лѣсовъ особую статью доходовъ взиманіемъ за рубку оныхъ попенныхъ денегъ (указъ

17 окт.), вся мѣстность, окруженная межею 1838 г. обозначенною въ приложеніи къ ст. 2431 т. VII, изд. 1857 г.)—составила дѣйствительное частное владѣніе не только въ смыслѣ исключительныхъ правъ кабинета на золотопромышленность и горный промыселъ вообще и снабженіе обязательныхъ работниковъ нужнымъ для ихъ пропитанія количествомъ земли, но и въ отношеніи исключительнаго распоряженія всякаго рода земельными угодьями. Съ замѣною издѣльной повинности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ шести-рублевымъ оброкомъ съ ревизской души (27 іюля 1861 г) и съ обложеніемъ тѣмъ же оброкомъ какъ уже жившихъ въ предѣлахъ округа государственныхъ крестьянъ, такъ и всѣхъ вновь поселяющихся (20 іюля 1865 г.). оброчная и арендная за землю плата составляютъ главный источникъ доходовъ кабинета съ Алтайскаго округа, а горный промыселъ, бывшій когда-то единственною доходною статьею и исходнымъ пунктомъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ, получилъ второстепенное значеніе и поддерживается преимущественно въ видахъ доставленія населенію заработковъ.

Законоположенія, опредѣляющія отношенія киргизовъ и другихъ инородцевъ къ заводскому округу, немногочисленны и, по неимѣнію до 1838 года, утвержденной закономъ грани этого округа, не всегда опредѣлительны. Указъ 13 іюня 1821 г. объ отводѣ земель на внутренней части сибирскихъ линій для кочевыхъ киргизъ-кайсаковъ между прочимъ опредѣляетъ: «при отводѣ земель не касаться округа земель, состоящихъ въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ». Въ указѣ 22 іюля 1822 г. о преобразованіи Сибирскихъ губерній по новому учрежденію сказано: «заводскому начальству дозволяется распространять безпрепятственно горный промыселъ и поселенія за Бійскою линіею до границъ китайскихъ, безъ стѣсненія живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ» (п. 5, § 6). «Еслибы киргизы пожелали кочевать далѣе, во внутренности сибирскихъ губерній, то позволеніе на то имъ дается по сношенію областного начальства съ гражданскимъ губернаторомъ» (§ 92 уст. о сибир. киргизахъ). «Во время пребыванія внѣ Омской области киргизы состоятъ въ зависимости отъ мѣстнаго губернскаго и земскаго начальства». (§ 93 уст. о сибир. киргиз). Въ положеніи объ управленіи Семипалатинской областью 19 мая 1854 г.

говорится: « ... и земель занимаемыхъ нынѣ киргизами, кочующими на внутренней сторонѣ Сибирской линіи по правую сторону р. Иртыша, образовать особую область, подъ наименованіемъ Семипалатинской». «Киргизы кочующіе на внутренней сторонѣ Сибирскаго казачьяго войска, по правую сторону р. Иртыша, остаются на мѣстахъ нынѣ занимаемыхъ« (§ 3 гл. I). «Переходъ киргизовъ на кочевье на земли крестьянскихъ селеній строжайше воспрещается» (§ 94, гл. III). Изъ того, что въ положеніи 19 мая 1854 года, когда уже существовала въ силу закона грань Алтайскаго горнаго округа, о грани этой не упоминается въ смыслѣ границы, до которой распространяется вновь учреждаемая область и предѣлы послѣдней (§ 6, гл. I) предоставляется проектировать и внести на утвержденіе установленнымъ порядкомъ генералъ-губернатору Западной Сибири, можно заключить, что правительство отнюдь не думало ограничивать права кочевки киргизовъ межею 1838 г.; изъ словъ § 123, гл. IV, можно даже усмотрѣть, что внутренній округъ киргизовъ простирался частью къ востоку отъ упомянутой межи («находящіяся на земляхъ внутренняго округа Сибирскихъ киргизовъ озера Коряковское, Алеутскія, *Боровыя* и т. д.» — Боровыя озера, какъ извѣстно, находятся внутри межи Алтайскаго горнаго округа). Изъ находящагося въ архивѣ Семипалатинскаго областного правленія дѣла за № 667 (1854 г.) видно, что въ томъ же смыслѣ былъ понятъ указъ 19 мая 1854 года и бывшимъ тогда генералъ-губернаторомъ Гасфортомъ, который въ предложеніи 20 сентября 1854 г. за № 1161. Военному губернатору Семипалат. обл. говоритъ: «одобряя распоряженіе Вашего Превосходительства, изложенное въ донесеніи ко мнѣ отъ 14 минувшаго августа за № 89 о пріостановленіи высылки на казачьи земли киргизъ, кочующихъ на Кулундинской степи, на земляхъ Омскаго, Бійскаго и Барнаульскаго округовъ, изъ которыхъ имѣетъ быть образованъ особый округъ и т. д.».

Изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ полнаго собранія законовъ вытекаетъ, что никакимъ законодательнымъ актомъ не запрещается жительство киргизовъ внутри межи 1838 г. вообще, но что въ частности положительно не допускается кочевка киргизовъ на земляхъ крестьянскихъ селеній.

Проживающихъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ *киргизовъ* необходимо раздѣлить на *двѣ категоріи* по занимаемымъ ими мѣстамъ, а именно на киргизовъ, кочующихъ у юго-западной границы округа, и на киргизовъ, занимающихъ правый берегъ р. Бухтармы.

Киргизы первой категоріи, за немногими исключеніями, поселились на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ очень давно, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. живущіе по р. Бурлѣ (прит. оз. Топольнаго) основываютъ свое право настоящаго поземельнаго пользованія на планѣ, выданномъ старшинѣ Иртышбаю Алыбаеву въ 1817 г. землемѣромъ Рембертовичемъ по предписанію томскаго губернатора Илличевскаго[1]); граница, опредѣленная указомъ 1838 г., застала всѣхъ ихъ уже при настоящемъ поземельномъ пользованіи, на что можно найти многочисленныя указанія въ архивныхъ дѣлахъ, преимущественно присутственныхъ мѣстъ томской губерніи. Фактъ поселенія киргизовъ, за незначительными исключеніями, на западной окраинѣ Алтайскаго округа въ настоящихъ его предѣлахъ задолго до узаконенія грани 1838 г., никѣмъ, впрочемъ, и не оспаривается. Сверхъ того, хотя киргизы прикочевали на эти мѣста уже послѣ устройства казачьей линіи, слѣдовательно поступили въ подданство не вмѣстѣ съ землею, какъ киргизы лѣваго берега р. Иртыша и какъ всѣ остальные сибирскіе инородцы, но переходъ на правую сторону всегда совершался съ разрѣшенія начальства; въ 1821 г. (ук. 13 іюня) былъ даже опредѣленъ порядокъ отвода на внутренней части сибирскихъ линій земель для кочевья киргизовъ, если же такой отводъ въ дѣйствительности сдѣланъ не былъ, то не по винѣ киргизовъ. Перепущенные съ разрѣшенія начальства на правую сторону Иртыша киргизы не могли, конечно, дожидаться, пока имъ отведутъ участки земли, а занимали всякую удобную для нихъ пустопорожнюю землю; такъ-же поступали до послѣдняго времени и русскіе пересе-

[1]) Алтайское горн. правленіе, какъ видно изъ отношенія 15 дек. 1870 г. № 2484, считаетъ планъ, выданный Рембертовичемъ, фальшивымъ, не приводя, впрочемъ, никакихъ фактовъ, на которыхъ основано такое заключеніе; между тѣмъ въ 1865 году Алтайское горное правленіе отношеніемъ отъ 15 сентября увѣдомило Томскую казенную палату, что оно не согласно на ходатайство крестьянина Игнатія Усольцева съ товарищами на поселеніе ихъ у оз. Топольнаго, такъ какъ мѣсто это въ 1817 году отдано старшинѣ Иртышбаю Алыбаеву—(Дѣло Семип. Обл. Правленія объ удаленіи киргизовъ съ горно-заводскихъ земель).

ленцы: получивъ отъ начальства разрѣшеніе селиться въ той или другой губерніи, они занимали любое пустопорожнее мѣсто, не дожидаясь не только отвода, но даже и вообще указаній со стороны начальства на то или другое урочище—никто за это не считалъ ихъ самовольно поселившимися

Если же нынѣ Алтайское горное правленіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, даже въ донесеніяхъ своихъ кабинету Его Величества, называетъ киргизовъ «самовольно прикочевавшими», то выраженіе это вытекаетъ изъ совершенно особеннаго способа умозаключеній, усвоеннаго этимъ присутственнымъ мѣстомъ; такъ напр. по поводу упомянутаго выше плана, составленнаго въ 1817 г. Ромбертовичемъ, Алтайское Горн. Правленіе говоритъ: «никакого отвода земли Рембертовичемъ сдѣлано не было, да если-бы и былъ сдѣланъ подобный отводъ кѣмъ-бы то ни было, и когда-бы то ни было, безъ согласія Кабинета Его Императорскаго Величества, то отводъ таковой должно считать недѣйствительнымъ, такъ какъ земли Алтайскаго горнаго округа, составляя частную собственность Государя Императора, управляются Алтайскимъ горнымъ начальствомъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ кабинета Его Величества» (отношеніе 15 дек, 1870 г. № 2484). Подобное опроверженіе дѣйствительности предшествовавшаго акта (1817 г.) послѣдующими законоположеніями (1838 и 1855 годовъ) вопреки правилу, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Алтайское горное правленіе упустило изъ виду, что въ 1817 г. мѣстность около оз. Топольнаго не принадлежала къ заводскому округу, какъ не занятая ни горными промыслами, ни селеніями приписныхъ крестьянъ, что не было еще издано закона, на основаніи котораго можно было признавать даже земли горнаго округа частною собственностью Государя Императора, что сказанная мѣстность съ 1803 до 1822 года была въ вѣдѣніи томской губерніи, а не Колывано-Воскресенской обл. и что до 1834 г. не существовало даже названія Алтайскаго округа.

Выше я уже объяснилъ, почему пользованіе киргизовъ землею, находившеюся даже вблизи крестьянскихъ селеній до обнародованія указа 1838 г. не составляло нарушенія поземельныхъ правъ горныхъ за-

водовъ, пока киргизы не захватывали угодій, нужныхъ приписнымъ крестьянамъ или горнымъ промысламъ; пользованіе киргизовъ фактически никѣмъ не оспаривалось долгое время и послѣ этого указа, такъ какъ горное начальство не имѣло въ виду (даже не имѣло на то права до 1855 г., ибо § 5 указа 16 апрѣля 1828 г. не былъ еще отмѣненъ) извлекать пользу изъ отдачи земли въ аренду, а столкновенія, происходившія между крестьянами и киргизами, разрѣшались безъ особенныхъ затрудненій, ибо киргизы не имѣли своего особеннаго начальства, почему фактически подчинялись властямъ Томской губ. Но съ распространеніемъ къ западу крестьянскаго поселенія горнаго округа стало возникать все болѣе и болѣе столкновеній между крестьянами и киргизами, при чемъ первые прибѣгали преимущественно къ побоямъ и убійствамъ (для алтайскаго крестьянина и нынѣ, вслѣдствіе раскольничьяго строя понятій горнаго населенія, убійство киргиза не составляетъ грѣха, такъ какъ «киргизъ не имѣетъ души»), а послѣдніе отвѣчали угономъ лошадей; столкновенія въ особенности усилились съ 1854 года, когда была учрежденъ Семипалат. обл., при чемъ всѣ киргизы, находившіеся внутри черты 1833 г., подчинились Семипалатинскимъ властямъ, а крестьяне остались по прежнему подъ управленіемъ томскаго начальства; понятно, что при такихъ административныхъ условіяхъ, всякій споръ киргиза съ крестьяниномъ возбуждалъ переписку между губернаторами семипалатинскимъ и томскимъ и разрѣшеніе спора затягивалось на долгое время.

Въ 1860 году Алтайское горное правленіе, вынуждаемое кражами лошадей у рудовозовъ и локтевскихъ крестьянъ, возбудило вопросъ объ удаленіи киргизовъ изъ окрестностей Локтевскаго завода; вопросъ этотъ породилъ огромную переписку, продолжающуюся и до настоящаго времени.

Не входя въ разсмотрѣніе сказанной переписки, я ограничусь изложеніемъ настоящаго положенія сего дѣла, но предварительно считаю необходимымъ указать на нѣкоторыя соображенія, вытекающія изъ того обстоятельства, что киргизы поселились въ Алтайскомъ горномъ округѣ прежде, чѣмъ была опредѣлена его граница.

При передачѣ недвижимой собственности отъ одного лица къ дру-

гому, вмѣстѣ съ собственностью переходятъ и лежащія на ней обязательства; купившій, напр. дачу, въ которую имѣютъ право въѣзда сосѣди, не можетъ требовать, чтобы послѣдніе отказались отъ своего права безъ заключенія особой на то добровольной сдѣлки, на томъ только основаніи, что дача перемѣнила владѣльца. Всѣ земли, не состоящія въ частной собственности, хотя бы и находящіяся въ пользованіи кого-либо, суть земли государственныя (казенныя), таковы напр. земли занятыя киргизами. Казна, передавая такія земли въ частную собственность, переводитъ тѣмъ самымъ на собственника всѣ свои поземельныя права и обязанности; новый владѣлецъ можетъ пользоваться напр. арендною платою, условленною казною, но до истеченія срока или законнаго уничтоженія контракта съ арендаторомъ, не можетъ ни прогнать послѣдняго, ни требовать съ него увеличенной платы; можетъ продолжать взимать съ крестьянъ, на той землѣ поселенныхъ, тотъ же нормальный оброкъ, какой взимала казна, но не болѣе; равнымъ образомъ не можетъ согнать крестьянъ помимо ихъ добровольнаго согласія. Тѣ же соображенія должны примѣняться и къ киргизамъ, *замежеваннымъ* въ предѣлы Алтайскаго горнаго округа[1]).

Киргизовъ этихъ, согласно съ законами гражданскими, нельзя ни выселять съ занимаемыхъ ими земель, ни обложить высшимъ, противъ родовичей, оставшихся въ предѣлахъ Семипалатинской обл., окладомъ податей, на томъ только основаніи, что съ опредѣленіемъ въ 1838 г. границы округа и съ изданіемъ указа 27 мая 1855 года, занятыя киргизами земли вошли въ составъ частной собственности и что всякаго рода оброчная подать, собираемая въ предѣлахъ этой собственности, поступаетъ не въ казну, а въ кабинетъ Его Величества. Горное

[1]) По собраннымъ чиновникомъ Харченко въ 1870 г. свѣдѣніямъ оказывается, что въ западной части Алтайскаго Горнаго округа живетъ:

На Ремовской степи	—	247
На Узкой „	—	50
„ Кулундинской „	—	455
„ Карасукской „	—	341
Въ борахъ Гатскомъ	—	118
Сѣверномъ	—	39
Всего		1250 кибитокъ.

начальство, требуя по отношенію къ киргизамъ подобныхъ мѣръ, постоянно основывается на двухъ положеніяхъ, на интересахъ кабинета Его Величества и на самовольности захвата киргизами земель, составляющихъ частную собственность Государя Императора.

Казалось бы, что сколь не священны интересы частной собственности вообще и собственности Его Величества въ особенности, но они, въ потребныхъ случаяхъ, должны уступить интересамъ обще-государственнымъ — соблюденію спроведливости вообще и законовъ въ особенности; по отношенію къ Алтайскому Горному округу это тѣмъ болѣе возможно, что какъ интересы частной собственности, такъ и интересы государственные совмѣщаются въ Священной особѣ Государя Императора. Коль скоро ст. 1690 тома VII уст. горн. опредѣляетъ, что Алтайскіе промыслы, рудники и заводы составляютъ *частную* собственность, то тѣмъ самымъ статья эта обязываетъ присутственныя мѣста относиться къ Алтайскому округу какъ къ частной собственности и примѣнять въ подлежащихъ случаяхъ соотвѣтствующіе законы; между тѣмъ горное начальство во всякомъ противорѣчіи своимъ взглядамъ видитъ «посягательство на интересы кабинета Его Императорскаго Величества» и какъ бы старается имнонировать высокимъ именемъ Августѣйшаго владѣльца горн. окр. О неосновательности второго предположенія — относительно самовольнаго захвата земель киргизами — было уже сказано выше.

Въ настоящее время существуютъ слѣдующія предположенія о киргизахъ, замежеванныхъ гранью 1838 г. въ предѣлы Алт. горн. окр.

1) Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири при разсмотрѣніи проэкта Положенія объ управленіи въ Степныхъ областяхъ, журналомъ своимъ утвержденнымъ г. генералъ-губернаторомъ *6 марта 1871 г.*, между прочимъ опредѣлилъ слѣдующія *основанія для устройства киргизовъ кочующихъ на земляхъ* Кабинета Его Величества:

2) Алтайское горн. прав., какъ видно изъ мнѣнія его, приведеннаго въ отношеніи кабинета Его Императорскаго Величества къ Г-ну министру внутреннихъ дѣлъ отъ *14 іюля 1873 г.* за № 1870, заключило:

а) выселить киргизовъ съ Ремовской и Узкой степей и изъ боровъ Готскаго, Сѣвернаго и Локтевскаго, дозволивъ киргизамъ кочевать только на Кулундинской и частью на Карасукской степяхъ.

б) выселить съ Кулундинской степи крестьянскія деревни Николаевскую, Сѣверную, Неводную и Ключевскую.

в) брать съ киргизовъ въ пользу кабинета оброкъ съ занимаемой ими земли, а именно: съ хлѣбопахатной и сѣнокосной по 40 коп. съ десятины, а за солонцеватую пастбищную по 10 или даже по 5 коп. съ десятины.

г) за валежникъ и сухопостойный лѣсъ взимать съ киргизовъ посаженную плату въ половинномъ размѣрѣ.

3) Кабинетъ Его Императорскаго Величества, разсмотрѣвъ, какъ приведенное мнѣніе Алтайскаго горнаго правленія, такъ и мнѣніе генералъ-губернатора Западной Сибири (то-же, что въ журналѣ совѣта главнаго управленія 6 марта 1871 года), заключилъ, какъ можно видѣть изъ упомянутаго выше отношенія за № 1870, слѣдующее:

а) Дозволить киргизамъ кочевать только на ближайшей къ Семипалатинской границѣ части Кулундинской степи, на пространствѣ обставленномъ межевыми знаками, длиною около 150 верстъ и наибольшею шириною въ 60 верстъ.

б) Не дозволить въ другихъ мѣстахъ округа жительство киргизовъ, за исключеніемъ киргизовъ Койсайдоръ-Кипчаковской волости, кочующихъ около оз. Топольнаго по правую сторону рѣки Бурлы и аула бывшаго кокпоктинскаго приказа Безпакова, кочующаго въ количествѣ 270 душъ по бійской линіи, которые могутъ быть оставлены на занимаемыхъ ими мѣстахъ, въ такомъ только, впрочемъ, случаѣ, если тамъ окажутся свободныя земли, если сосѣдніе крестьяне не воспротивятся оставленію инородцевъ и если киргизы согласятся платить за каждую десятину по 40 к. въ годъ.

в) Киргизы, оставляемые на Кулундинской степи, обязываются платою, сверхъ кибиточной подати, особаго оброка въ доходъ Кабинета, въ размѣрѣ 3 руб. съ кибитки, всего же, сверхъ сбора на обще-

ственныя надобчости, такіе киргизы должны взносить ежегодно съ кибитки 6 руб., изъ которыхъ 4 1/2 руб. слѣдуютъ въ доходъ Кабинета, и 1 1/2 руб. въ государственный доходъ.

г) Крестьянъ деревень Сѣверной, Неводной, Николаевской и Ключевской (всего 107 ревизскихъ душъ) не выселять, если они сами того не пожелаютъ.

д) Отпускать киргизамъ лѣсной матеріалъ въ необходимомъ по ихъ бытѣ количествѣ, по указаніямъ и подъ надзоромъ мѣстнаго лѣсного начальства, строевой и свѣжерастущій дровяной—за попенныя и посаженныя деньги, а валежникъ и проч.—за четвертую часть установленной платы.

4) Г. Томскій губернаторъ въ 1874 г. вслѣдствіе поданнаго ему крестьянами Бабинымъ и Усольцевымъ прошенія о покражѣ у крестьянъ Алтайской и Ануйской волостей киргизами Семипалат. обл. въ разное время, начиная съ 1872 г., 306 лошадей предписалъ на основаніи ст. 481 т. XIV Бійскому окружному полицейскому управленію «немедленно сдѣлать распоряженіе объ удаленіи киргизъ съ крестьянскихъ земель и *недопускать ни одного киргиза кочевать въ Бійскомъ округѣ*» (Отношеніе 19 іюня 1874 г. № 295). Хотя г. Томскому губернатору въ томъ же году и было сообщено, что ст. 481 т, XIV уст. о предупрежд. и пресѣченіи преступ. отнюдь не можетъ служить основаніемъ къ изгнанію изъ Бійскаго округа исконныхъ его жителей и что киргизы окрестностей Семипалатинска и Котунскихъ Альповъ, по громадности пространства, отдѣляющаго ихъ отъ волостей Ануйской и Алтайской, гдѣ были кражи, не могли быть виновниками послѣднихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительный статскій совѣтникъ Супруненко остался при своемъ мнѣніи.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣры, проэктированныя разными вѣдомствами по отношенію къ киргизамъ Алтайскаго горн. округа, вызванныя столкновеніями между крестьянами и киргизами, подчиненными отдѣльнымъ начальствамъ; мѣры эти основаны не только на несомнѣнной необходимости подчинить кочевое и осѣдлое населеніе одному и тому же вѣдомству, но также и на совершенно противномъ предпо-

ложеніи, что киргизы самовольно прикочевали въ Алтайскій горн. окр. и что начальство послѣдняго имѣетъ право облагать такихъ киргизовъ усиленными податями въ свою пользу.

Киргизы второй категоріи суть киргизы *Чингистайской и Нарымской* волостей Устькаменогорскаго уѣзда въ числѣ 531 кибитки (по свѣдѣніямъ 1873 г.), кочующіе и, частью, зимующіе по правую сторону р. Бухтармы, выше дер. Черновой.

Хотя съ 1838 г. правый берегъ верхняго теченія Бухтармы и вошелъ въ силу закона въ предѣлы Алтайскаго горн. окр., но какъ фактическое вліяніе на эту мѣстность Россіи началось съ шестидесятыхъ годовъ, то и не имѣется въ дѣлахъ управленія Семипалат. обл. достаточныхъ данныхъ, чтобы рѣшить, какъ давно поселились тутъ киргизы. Съ началомъ безпорядковъ въ Западномъ Китаѣ, на границу были выставлены наблюдательные отряды; одинъ изъ нихъ, по приказанію генералъ-отъ-инфантеріи Дюгамеля, удалилъ въ 1863 году всѣхъ киргизовъ, прикочевавшихъ на правый берегъ р. Бухтармы изъ разныхъ мѣстъ Китая, охваченныхъ дунганскимъ возстаніемъ, обратно въ китайскіе предѣлы, оставивъ только *5 ауловъ Каратаевскаго и Самайскаго родовъ* (т. е. 500—600 кибитокъ, такъ какъ въ пограничныхъ мѣстахъ киргизы обыкновенно держатся скученно, большими аулами). Въ 1866 году, вслѣдствіе ходатайства китайскаго правительства, было разрѣшено и другимъ неподданнымъ киргизамъ временно кочевать на правомъ берегу р. Бухтармы. Съ проведеніемъ въ 1867 г. въ натурѣ границы съ Китаемъ, временные пришельцы *удалились* въ Китай, а каратаевцы и самаевцы приняли въ 1867 г. подданство, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которые они нынѣ занимаютъ, и вошли съ 1871 г. въ составъ волостей Нарымской и Чингистайской. Если для киргизовъ праваго берега верхней Бухтармы не можетъ быть доказано начало пользованія землями до узаконенія грани 1838 г. и представляется несомнѣннымъ только начало пользованія до фактическаго завладѣнія этой мѣстностью Россіею, то тѣмъ не менѣе киргизовъ этихъ нельзя считать «самовольно прикочевавшими въ предѣлы горнаго округа», такъ какъ для жительства на землѣ, Россіи не при-

надлежащей, нельзя было и просить позволенія у мѣстъ или лицъ Россійской Имперіи.

Приведенныя выше предположенія разныхъ вѣдомствъ распространяются и на Бухтарминскихъ киргизовъ, но при составленіи этихъ предположеній было упущено изъ вида то обстоятельство, что за силою § 6 п. 5 указа 22 іюля 1822 г., никакимъ послѣдующимъ узаконеніемъ не отмѣненнаго, заводскому начальству распространеніе горнаго промысла и поселеній между Бійскою линіею и китайскою границею дозволено съ условіемъ не стѣснять «живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ»[1]). Пока сказанный законъ не отмѣненъ, всякое *стѣсненіе* киргизовъ праваго берега Бухтармы, въ смыслѣ-ли удаленія ихъ для доставленія свободнаго мѣста *поселеніямъ*, или же въ видѣ обложенія особою податью въ пользу учрежденія, первоначально для *горнаго промысла* установленнаго, составляетъ нарушеніе закона. Сомнительно также, чтобы какое либо вѣдомство рѣшилось возбудить ходатайство объ отмѣнѣ § 6 п. 5 указа 22 іюля 1822 г. въ законодательномъ порядкѣ, ибо въ исторіи законодательства Россійской имперіи не было еще примѣра, *чтобы разъ Высочайше предоставленное поземельное или иное право лицомъ или сословіемъ отнимялось безъ соотвѣтствующаго вознагражденія, пока того не требовала безопасность или спокойствіе государства или другой важный государственный интересъ.*

На основаніи изложеныхъ выше соображеній я не могу считать правильнымъ и съ законами сообразнымъ какъ насильственное удаленіе киргизовъ юго-западной и южной частей Алтайскаго горн. окр. съ земель ими занимаемыхъ издавна, такъ и обложеніе ихъ высшею, противъ родовичей, податью; въ то же время я не могу не признать настоятельную необходимость прекратить всякое стѣсненіе горнаго промысла и хозяйственнаго быта крестьянъ, платящихъ высокую оброчную подать, конокрадствомъ, производимымъ киргизами; не могу, равнымъ образомъ, упускать изъ вида, что за силою ст. 1803 т. VII уст. горн., киргизы, какъ не несущіе никакихъ повинностей по заво-

[1]) Въ числѣ ясачныхъ народовъ должны считаться и киргизы, только съ 1868 года переставшіе платить ясакъ за учрежденіемъ кибиточной подати.

дамъ, должны доставлять нѣкоторый доходъ кабинету Его Величества. Смѣю думать, что слѣдующія мѣры могли бы удовлетворить всѣмъ условіямъ настоящаго вопроса.

1) Томская губернія должна быть разграничена съ Семипалатинскою областью такъ, чтобы возможно большая часть мѣстъ, занятыхъ нынѣ киргизами, отошла къ Семипалат. обл. Вдоль участка границы Алтайскаго горн. окр. отъ оз. Топольнаго до окрестностей Семипалатинской границы между областью и губерніею могла бы быть проведена приблизительно слѣдующимъ образомъ: отъ соединенія оз. Большого Топольнаго съ оз. Солодошнымъ черезъ озера Бурлинское соляное и Малое Яровое соляное же къ западному берегу оз. Кулундинскаго, далѣе чрезъ озера Заворуйское, Кабанье, Кунрузукъ и Журавлиное горькое къ западной оконечности Боровыхъ соляныхъ озеръ, откуда, обходя съ западной и юго-западной стороны группу озеръ Липуновыхъ или Чиганъ и лѣсосѣкъ Коростелевскій, что на озерѣ Долгомъ, граница чрезъ оз. Комаровское, находящееся у каменныхъ сопокъ, занимающихъ средину ст. Бель-агачевской, урочище «Одна сосна» и западную оконечность земель деревни Камышевской, выходитъ къ р Иртышу у винокуреннаго завода Поклевскаго-Козеллъ. При проведеніи границы по названнымъ урочищамъ, къ Семипалат. обл. отойдутъ деревни Неводная, Ключевская, Соверная, Николаевская и Топольная; послѣдняя безъ всякихъ затрудненій можетъ быть причислена къ Александровской волости Семипалат. уѣз., находящайся по близости, а первыя четыре деревни, заключающія только 107 душъ, должны быть *непремѣнно* выселены, съ чѣмъ согласно и алтайское горное правленіе[1]).

[1]) Деревни Неводная, Ключевская, Сѣверная и Николаевская построены въ 1858 г. у самой границы Алтайскаго горнаго округа выходцами изъ разныхъ мѣстъ Барнаульскаго округа, закоренѣлыми раскольниками, удалившимися въ степь съ цѣлью избѣжать стѣснительнаго для нихъ надзора начальства. Вскорѣ послѣ водворенія на новыхъ мѣстахъ, крестьяне эти всякаго рода буйствами и безобразіями принудили Томскую администрацію принять особенныя мѣры къ ихъ укрощенію, при чемъ 12 человѣкъ зачинщиковъ было выслано; разнаго рода несогласія ихъ между собою повлекли дальнѣйшія выселенія, такъ что изъ первоначально поселившихся 208 душъ остается нынѣ 107. Въ настоящее время эти деревни представляютъ не болѣе, какъ гдѣздо осѣдлыхъ разбойниковъ, подающихъ дурной примѣръ окружающему кочевому населенію. Причисленіе названныхъ деревень къ Александровской волости невозможно, по дальности разстоянія; отъ селеній Томской губерніи онѣ тоже удалены больше, чѣмъ слѣдовало-бы въ видахъ надзора.

2) На пространствѣ между проведенною такимъ образомъ границею Томской губ. и Семипалат. обл. и юго-западною границею Алтайскаго горн. окр. опредѣляются, по усмотрѣнію горнаго начальства, *тѣ лѣсные участки, въ которые впускъ киргизовъ безусловно воспрещается*; на остальныхъ же мѣстахъ, за исключеніемъ хлѣбопахотныхъ земель, отдаваемыхъ горнымъ вѣдомствомъ въ аренду, дозволяется кочевка и зимовка киргизовъ, но только тѣхъ, которые нынѣ находятся въ предѣлахъ Алтайскаго горн. округа. Пользованіе киргизовъ лѣсомъ дозволяется за плату и при условіяхъ, горнымъ начальствомъ опредѣляемыхъ.

3) Граница между Семипалат. обл. и Томскою губ. къ востоку отъ г. Устькаменогорска опредѣляется въ направленіи, изложенномъ въ журналѣ Совѣта Главнаго Управленія Западной Сибири $^{13}/_{17}$ сентября 1873 г. за № 133. Въ восточной части пространства, заключающагося между южною гранью Алтайск. Горн. Окр., и границею, проэктированною сказаннымъ журналомъ, дозволяется кочевка и зимовка киргизовъ Нарымской и Чингистайской волостей, но тѣхъ только, которые и нынѣ тамъ кочуютъ; къ западу предѣлы кочевокъ киргизовъ должны быть точно опредѣлены и ни въ какомъ случаѣ не заходить за меридіанъ ст. Алтайской.

4) Равнымъ образомъ должна быть уничтожена существующая нынѣ черезполосность на правомъ берегу р. Иртыша между Семипалатинскомъ и Устькаменогорскомъ, проведеніемъ въ натурѣ границы между областью и губерніею; опредѣлить направленіе этой границы я не берусь, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ настоящаго вопроса.

5) По установленіи границы между Семипалатинской обл. и Томскою губ., въ предѣлахъ послѣдней не должно быть дозволено ни подъ какими предлогами кочеваніе киргизовъ; переходить границу губерніи могутъ только киргизы, отправляющіеся на заработки въ крестьянскія селенія и горные промыслы и снабженные установленными билетами.

6) Въ полосѣ между губернско-областною границею и границею

Алтайск. горн. окр. кочевка киргизовъ дозволяется только на участкахъ, означенныхъ выше (пункты 2 и 3), на остальной же части этого пространства, какъ на мѣстахъ пустопорожнихъ, такъ и на крестьянскихъ и казачьихъ надѣлахъ *кочевка киргизовъ не дозволяется.*

7) Кибиточная подать съ киргизовъ, кочующихъ на сказанныхъ участкахъ Алтайск. горн. окр. передается полностью въ доходъ кабинета Его Величества[1]).

8) Подробное опредѣленіе границы между областью и губерніею предоставляется соглашенію губернаторовъ; проэктированное ими направленіе границы вносится чрезъ посредство генералъ-губернатора Западной Сибири установленнымъ порядкомъ на утвержденіе.

9) Въ части Алтайск. горн. окр., вошедшей такимъ образомъ въ предѣлы Семипалат. обл., всѣ обязанности административныхъ мѣстъ и лицъ Томской губ. по отношеніи къ горному начальству переходятъ къ подлежащимъ властямъ Семипалатинской области.

По сравненіи изложенныхъ мѣръ съ тѣми, которыя до сего времени были проэктированы, окажется, что первыя устраняютъ многія неудобства, сопряженныя съ послѣдними, а именно:

а) Уничтожится всякая черезполосность и сопряженныя съ нею неудобства въ административномъ, судебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

б) Киргизы останутся на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, за исключеніемъ окрестностей Локтевскаго завода, гдѣ пребываніе ихъ дѣйствительно вредно для горнаго промысла; такимъ образомъ не потребуется значительныхъ передвиженій, которыя могли бы повести къ безпорядкамъ между кочевниками, въ особенности въ пограничной мѣстности.

в) Доходъ кабинета съ киргизовъ только незначительно уменьшится (на 282 рубля) противъ того, на который можно расчитывать

[1]) При этомъ доходъ казны уменьшится на 5343 руб. но въ виду того обстоятельства, что количество кибиточной подати въ Семипалатинской обл. значительно превзошло ту сумму, на которую правительство разсчитывало, вводя положеніе 1868 г., такое незначительное уменьшеніе не можетъ затруднить Государственное Казначейство.

при поселеніи исключительно на Кулундинской степи[1]), но при томъ уменьшится вѣроятность недобора, такъ какъ платить 3 рубля вмѣсто 6 несравненно легче, и устранится несправедливое обложеніе киргизовъ усиленною податью.

и г) Не представляется необходимости передавать кочевниковъ въ вѣдѣніе Томской Администраціи, при чемъ разрѣшеніе споровъ между киргизами семипалатинскими и отдѣленными отъ нихъ только искуственною гранью томскими киргизами было бы крайне затруднительно, въ особенности при огромномъ разстояніи границы отъ Барнаула и Бійска.

Дѣло № 8197 т. III, л. 697—710.

VI.

(къ л. 38-му).

А. Представленіе семипал. губернатора Полторацкаго генералъ-губернатору Западной Сибири, 24 ноября 1875 г. за № 9688.

Начальникъ устькаменогорскаго уѣзда доноситъ, что 23 сентября между гиргизами Чингистайской волости и крестьянами Бухтарминской волости дер. Черновой и Берельской, при перекочевкѣ порвыхъ на р. Бухтарму, произошло столкновеніе, при чемъ крестьянами, вооруженными ружьями и дѣйствовавшими подъ предводительствомъ волостного головы Зубова, были не только нанесены киргизамъ жестокіе побои, но открытъ огонь, при чемъ одинъ киргизъ раненъ пулею въ лѣвое плечо и убита наповалъ киргизская лошадь. Такое самоуправство киргизъ подтвердилось и дознаніемъ, произведеннымъ по порученію усть-

[1]) На Кулундинской степи можетъ остаться то количество, которое нынѣ находится у западной границы округа, а именно 1250 кибитокъ. Бухтарминскіе же киргизы, понятно, перекочевать на Кулундинскую степь не могутъ; полагая на каждую кибитку въ доходъ Кабинета 4 р. 50 к., получимъ 5625 руб. Если же сверхъ сказанныхъ киргизовъ останутся въ предѣлахъ округа на занимаемыхъ ими мѣстахъ 531 кибитка Бухтарминскихъ киргизовъ, то со всѣхъ 1781 кибитки, считая по 3 руб. на каждую, получится кибиточной подати 5343 руб.

каменогорскаго уѣзднаго начальника, старшимъ его помощникомъ, штабсъ-капитаномъ Петровымъ; независимо отъ сего, дознаніемъ обнаружено, что волостной голова Зубовъ заарестовалъ аульнаго старшину Чопаева и киргиза Табикова, которые освободились лишь выкупомъ, первый передавъ Зубову 25 руб. изъ числа денегъ, собранныхъ имъ въ кибиточную съ киргизъ подать, находившихся во время захвата его при немъ; а послѣдній передачею Зубову собственнаго ружья; кромѣ сего крестьянами захвачено у киргизъ 30 барановъ и 8 лошадей, которые также отправлены въ бухтарминское волостное правленіе; захвачено крестьянами все заготовленное киргизами сѣно и потравлено много хлѣба.

По собраннымъ г. Петровымъ на мѣстѣ даннымъ, оказывается, что поводомъ къ столкновенію послужило распоряженіе Томскихъ Губернскихъ властей о немедленномъ удаленіи всѣхъ киргизовъ съ праваго берега Бухтармы съ настоятельнымъ требованіемъ скораго исполненія, при чемъ для присутствія при исполненіи этой мѣры не только не были вызваны власти Устькаменогорскаго уѣзда, но даже не сочли нужнымъ присутствовать ни бійскій исправникъ, ни зыряновскій засѣдатель, а выдвореніе киргизъ было возложено на мѣстныя волостныя и сельскія власти, которыя, не сознавая важности возложеннаго на нихъ порученія и той осторожности, которая неминуемо при семъ требовалась, сочли себя въ правѣ дѣйствовать силою, толпа же крестьянъ, призванная ими для исполненія, явилась вооруженная и допустила всякія своеволія.

Донося о семъ, подполковникъ Халдѣевъ присовокупляетъ, что вслѣдствіе столь энергическаго выдворенія съ праваго берега Бухтармы и преданія огню тамъ всѣхъ зимовокъ, положеніе 115 кибитокъ, оставшихся безъ зимовыхъ стойбищъ, крайне печально; сверхъ того большинство Чингистайской волости, а именно 843 кибитки имѣютъ зимовыя стойбища по берегу Бухтармы отъ ключа Моялды-Булакъ до такового же Юнгенъ-Тасъ; пространство это, длиною до 60 верстъ, тянется узкою полосою, на которой только и возможно размѣщеніе зимовыхъ стойбищъ, крайне стѣснительнаго для киргизъ, такъ что они вынуждены отогнать всѣ свои табуны къ границѣ. Всѣ эти обстоя-

тельства и захватъ имущества до того раздражаютъ киргизовъ, что, по мнѣнію подполковника Халдѣева, нельзя поручиться за спокойную стоянку ихъ зимою,

Въ устраненіе возможныхъ безпорядковъ, устькаменогорскій уѣздный начальникъ принялъ подлежащія мѣры, какъ то: приказалъ управителю Чингистайской волости и его письмоводителю находиться безотлучно на Чингистаѣ, вблизи дер. Черновой, противъ жителей которой особенно раздражены киргизы, по возможности часто посѣщать аулы, а также начальнику Катонъ-Карагайскаго отряда предписано, подъ предлогомъ сношеній съ казаками, расположенными въ окрестн. внизъ праваго берега Бухтармы,— посылать туда частые разъѣзды.

Имѣя ввиду, что Ваше Высокопревосходительство не изволили признать возможнымъ даже войти въ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ, которыя были предлагаемы мною, для постепеннаго выдворенія киргизовъ съ земель Алтайск. Горн. Окр., дабы по возможности облегчить имъ эту тяжелую мѣру, я предложилъ устькаменогорскому уѣздному исправнику для устройства этихъ киргизовъ руководствоваться указаніями, изложенными въ предложеніи Вашего Высокопревосходительства отъ 24 октября за № 1561.

Но тѣмъ не менѣе считаю долгомъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на излишнюю по моему мнѣнію энергію распоряженія сельскихъ властей Бухтарминской волости; при чемъ я съ своей стороны полагаю, что исполненіе такой тяжелой для киргизъ мѣры, какъ удаленіе съ земель, которыми, законно или нѣтъ, они пользовались издревле, по крайней мѣрѣ неосторожно поручать вооруженнымъ толпамъ крестьянъ, въ отсутствіи полицейскихъ властей Бійскаго и Устькаменогорскаго уѣздовъ.

Вслѣдствіе сего я просилъ Томскаго губернатора на будущее время приказать въ подобныхъ случаяхъ приглашать полицейскихъ чиновъ Устькаменогорскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ препроводивъ дознаніе, произведенное по сему дѣлу помощникомъ устькаменогорскаго уѣзднаго начальника, просилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сунру-

ненко назначить по сему формальное слѣдствіе, приказавъ возвратить киргизамъ захваченное у нихъ имущество.

Въ заключеніе позволяю себѣ въ послѣдній разъ убѣдительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство настоять, чтобы этотъ новый случай самоуправства крестьянъ и насилія, произведенныя надъ киргизами, не остались безъ взысканія. подобно многимъ подобнымъ случаямъ, о которыхъ своевременно сообщалось Томскому губернатору но по коимъ обиженные ни какого удовлетворенія не получили; такъ какъ иначе можно опасаться, что киргизы, потерявъ вѣру въ безпристрастіе русскихъ властей и надежду получить удовлетвореніе законнымъ путемъ, рѣшатся прибѣгнуть къ какому либо самовольному возмездію, предупредить которое мы, быть можетъ, и не успѣемъ.

Списокъ происшествій, о которыхъ было сообщено Томскому губернатору и по коимъ не постановлено рѣшеній, при семъ имѣю честь представить.

Дѣло № 8197, т. III, л. 754—756.

VII.

(къ л. 43-му).

А. Донесеніе подполк. Халдѣева семипал. губернатору 22 марта 1876 г. за № 1165.

Согласно представленію Вашего Превосходительства отъ 16 минувшаго февраля за № 1199 по поводу слуха о намѣреніи будто бы киргизъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда Чингистайской волости откочевать въ китайскіе предѣлы, я въ томъ же мѣсяцѣ ѣздилъ въ означенную волость, гдѣ, по тщательному, изъ подъ руки разслѣдованію, нашелъ все кочевое населеніе въ совершенномъ спокойствіи и полной преданности нашему Правительству. Слухъ же оказался не вѣрнымъ, или по крайней мѣрѣ не имѣющимъ никакого значенія и не произвелъ никакого вреднаго на киргизъ вліянія.

Причинами, породившими этотъ слухъ, были: во 1) ропотъ киргизъ на неправильное, по ихъ мнѣнію, выдвореніе ихъ въ прошломъ году, въ числѣ болѣе 550 кибитокъ со скотомъ, съ правой стороны р. Бухтармы, на областныя земли--въ Чингистайскую волость, гдѣ въ слѣдствіе сего, и по значительности общаго числа кибитковладѣльцевъ, оказался большой недостатокъ земли, какъ для стойбищъ съ сѣнокосомъ и хлѣбопашествомъ, такъ и для пастбищъ скота. Да и одно выдвореніе съ прежнихъ мѣстъ стоянки, само по себѣ сопрягалось для киргизъ съ большими лишеніями, такъ какъ оставляемыя мѣста для нихъ во вѣхъ отношеніяхъ были привольны, хороши, а главное находились въ ихъ безспорномъ пользованіи много лѣтъ, такъ что наслѣдуя таковыя изъ рода въ родъ еще до подданства, они привыкли смотрѣть на эти мѣста, какъ бы на собственныя, чему, конечно, не могло не способствовать и то, что горное вѣдомство до послѣдняго времени не претендовало на эти земли. При вышеобъясненномъ стѣснительномъ положеніи и лишеніяхъ, естественно среди киргизъ возникъ ропотъ, а при немъ легко могло быть, что нѣкоторые изъ нихъ, не видя исхода къ лучшему, обнаруживали желаніе или наклонность искать лучшихъ мѣстъ для кочевки, хотя бы даже и за границей, въ киргевцахъ, съ которыми, какъ извѣстно, многіе изъ киргизъ восточнаго участка, состоящаго изъ 5 волостей, имѣютъ родственныя связи --но это былъ не болѣе, какъ только личный говоръ, весьма незначительной части киргизъ, безъ всякаго посторонняго подстрекательства, и при томъ не имѣвшій характера уже принятаго намѣренія откочевать туда, и во 2) та поспѣшность, съ какою, какъ извѣстно, Бійская окружная администрація, чрезъ сельскія власти, отнеслась къ фактическому выдворенію киргизъ въ смыслѣ немедленнаго прогнанія ихъ съ горныхъ земель, слѣдствіемъ чего и произошло въ прошломъ году то столкновеніе крестьянъ съ киргизами, по которому въ настоящее время въ дер. Черновой производится формальное слѣдствіе. А какъ со дня самоуправства крестьянъ съ киргизами до начала слѣдствія прошло времени довольно много, въ перепискѣ тянувшейся до февраля мѣсяца сего года, то киргизы, въ теченіе этого времени, не видя удовлетворенія за понесенные отъ крестьянъ побои и матеріаль-

ные убытки и ввиду непонятной для нихъ медленности по извѣстному дѣлу о самоуправствѣ хайрузовскихъ крестьянъ въ 1873 г., захватившихъ киргизскій скотъ, стали терять вѣру въ покровительство и защиту ихъ со стороны русскаго начальства. Но за послѣднее время киргизы, узнавъ, что дѣла эти, по распоряженію высшаго начальства, направлены къ строгому и законному разслѣдованію и въ недалекомъ будущемъ должны окончиться и что, слѣдовательно, виновные не останутся безнаказанными,—успокоились вполнѣ и стали относиться съ прежнею безусловною довѣрчивостью и покорностью.

Что же касается общаго недостатка въ Чингистайской волости земли для стойбищъ и пастбищъ, то чтобы по возможности устранить этотъ недостатокъ и уравнять эту волость въ землепользованіи съ другими сосѣдними съ нею волостями, мною въ эту же поѣздку до Катонъ-Карагая былъ собранъ въ станицѣ Алтайской общій съѣздъ киргизъ Чингистайской, Нарымской и др. волостей, съ ихъ управителями, старшинами, пятидесятниками и выборными отъ обществъ, которыми, 29 февраля въ притутствіи моемъ, по всестороннемъ обсужденіи вопроса и по полюбовномъ между собою соглашеніи, добровольно положено: отъ Нарымской волости къ Чингистайской уступить подъ кочевье мѣстность, начиная отъ прежней волостной границы—ключа «Чимынды-Булакъ» до горы «Тасъ-уй-кезень» въ поперечную линію къ рѣкѣ Бухтармѣ—новой границѣ Алтайскаго горнаго округа, въ чемъ и постановили приговоръ, при семъ въ копіи Вашему Превосходительству на благоусмотрѣніе представляемый.

При чемъ докладываю, что этимъ обоюднымъ поземельнымъ распредѣленіемъ, обѣ волости, Чингистайская и Нарымская, остались довольны, выразили благодарность и обѣщаніе устроиться по возможности хорошо, чего повидимому и можно ожидать. Но, тѣмъ не менѣе, я, пользуясь случаемъ съѣзда киргизъ и тѣми указаніями Вашего Превосходительства, какія даны мнѣ въ предписаніи за № 1199, нашелъ полезнымъ для дѣла и спокойствія въ кочевомъ населеніи въ предупрежденіе и пресѣченіе на будущее время намѣренія киргизъ на откочевку за границу, высказать и объяснить имъ всю непзбѣжность и строгость законнаго за то преслѣдованія и наказанія виновныхъ, а

также и тѣ добрыя отношенія нашего правительства съ Китаемъ, при которыхъ каждому, перекочевавшему туда изъ предѣловъ Россіи киргизу или вообще перебѣзчику, невозможно укрыться, хотя бы даже и у кирѣевцевъ.

Все это киргизы выслушали, по видимому, съ полнымъ довѣріемъ и большимъ вниманіемъ, выразили благодарность за разъясненіе имъ этого обстоятельства и полную покорность русскому правительству, прибавляя въ то же время, что они никогда по переходѣ въ поддаство, и не думали выходить изъ повиновенія и покровительства русскаго начальства.

При этомъ Чингистайскіе киргизы убѣдительно просятъ оставить по прежнему въ нихъ полозованіи на правомъ берегу р. Бухтармы урощища „Чабамбай“ и „Бельдеу-тау“, необходимыя для лѣтнихъ стойбищъ ихъ со скотомъ на джайляу.

О чемъ имѣю честь Вашему Превосходительству донести на предписаніе отъ 16 Февраля за № 1199 и считаю долгомъ присовокупить, что если киргизамъ не будетъ новаго стѣсненіе въ землепользованіи на областныхъ государственныхъ земляхъ, какъ уже занятыхъ лѣтними и зимними стойбищами, сѣнокосомъ и хлѣбопашествомъ, замѣтно увеличивающимся въ киргизскомъ населеніи, а также пастбищами скотскихъ табуновъ, то за уживчивость ихъ и спокойствіе можно поручиться.

Дѣло № 8197. т III. л. 813-816.

VIII.

(къ л. 44-му).

А. Отношеніе семипал. губернатора къ томскому 18 апрѣля 1877 г. за № 3244.

Вслѣдствіе представленныхъ ко мнѣ въ минувшемъ 1876 году двухъ просьбъ довѣренныхъ отъ обществъ дер. Фыкалки, крестьянина

Затѣева и поселка Каменушенскаго обывателя Халтурина, ходатайствовавшихъ объ оставленіи проживающихъ у нихъ, въ качествѣ табунщиковъ, киргизъ Чингистайской волости съ ихъ кибитками, мною тогда же предложено было устькаменогорскому уѣздному начальнику немедленно удалить киргизъ изъ вышесказанныхъ деревни и поселка, если они тамъ находятся, и объ этомъ мнѣ донести, что подполковникомъ Халдѣевымъ и было выполнено. Нынѣ же онъ доноситъ мнѣ, что получивъ свѣдѣнія отъ бійскаго окружнаго исправника, что киргизы Чингистайской волости начинаютъ переходить съ лѣваго берега р. Бухтармы на правый съ юртами и скотомъ, имъ, уѣзднымъ начальникомъ, были затребованы объ этомъ положительныя свѣдѣнія отъ Чингистайскаго волостного управителя, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній если это подтвердится, немедленно распорядился удаленіемъ тѣхъ киргизовъ. На это управитель объяснилъ въ донесеніи своемъ, что киргизы ввѣренной ему волости съ лѣваго берега р. Бухтармы на правый не перекочевывали и что крестьяне деревень Черновой, Каменушинской, Березовской и Берельской, нанимая къ себѣ въ услуженіе киргизъ ввѣренной ему волости безъ всякихъ условій и даже безъ паспортовъ по соглашенію сельскихъ старостъ, помѣщаютъ съ кибитками и скотомъ въ свои деревни.

Извѣстивъ объ этомъ Бійскаго исправника, подполковникъ Халдѣевъ просилъ его воспретить крестьянамъ подобныя незаконныя дѣйствія, на что и получилъ отъ него отвѣтъ, что исполненіе сего возложено на засѣдателя III участка Бійскаго округа.

За симъ сказанный волостной управитель въ подтвержденіе своего донесенія, представляя приговоръ крестьянъ дер. Березовской, данный киргизамъ его вѣдѣнія Есергепову и прочимъ въ числѣ 9 кибитокъ, на свободное ихъ перезимованіе на правомъ берегу р. Бухтармы вблизи сказанной деревни со скотомъ въ количествѣ 780 барановъ и 15 штукъ рогатаго скота, за которыхъ крестьяне взяли нижеслѣдующій оброкъ: за барановъ 23 руб. 40 коп., за рогатый скотъ 8 р. 25 коп. и за каждую кибитку по 50 коп., всего 36 руб. 15 к., присовокупилъ, что крестьяне деревень Черновой, Березовской и Берельской иногда одну и ту же мѣстность отдаютъ киргизамъ по нѣ-

скольку разъ въ годъ и каждый разъ берутъ за нее съ киргизъ большія деньги, а потому управитель проситъ, не возможно ли будетъ киргизамъ его волости арендовать мѣста на правомъ берегу р. Бухтармы у горнаго вѣдомства. Объ этомъ уѣзднымъ начальникомъ и было сообщено засѣдателю III участка для приложенія къ производящемуся по сему дѣлу.

Послѣ этого Бійскій окружный исправникъ отъ 11 минув. марта за № 1877, препровождая къ подполковнику Халдѣеву рапортъ старосты дер. Березовской о произведенной будто бы киргизами Чингистайской волости, въ числѣ 9 юртъ, у жителей дер. Березовской потравѣ хлѣба и сѣна и отолочкѣ полей, проситъ выслать тѣхъ киргизъ въ свою волость. Чингистайскій же управитель отъ 18 марта за № 52 донесъ, что на 14 число въ ночи крестьяне дер. Черновой Корнѣй Марковъ и Никонъ Огневъ въ числѣ семи человѣкъ насильно, изъ подъ присмотра табунщиковъ, пасущихъ табунъ на урочищѣ Кокъ-Терекъ на лѣвомъ берегу р. Бухтармы, угнали въ дер. Черновую 70 лошадей и кромѣ того захватили при этомъ киргиза Сатаева съ 15 лошадьми, находящагося на правомъ берегу на уроч. Ульчекъ, пригнавшаго своихъ лошадей для прокормленія купленымъ у крестьянина этой деревни Мелкозерова сѣномъ.

На требованіе о выдачѣ этихъ лошадей старшина дер. Черновой увѣдомилъ управителя отношеніемъ отъ 15 марта за № 21, что угонъ лошадей былъ произведенъ крестьянами на правомъ берегу р. Бухтармы и сдѣланъ по распоряженію засѣдателя III участка, а потому впредь до разсчета киргизъ съ крестьянами за отолочку земель и потраву сѣна таковыя выданы быть не могутъ.

Сообщая о вышеизложеннонъ Вашему Превосходительству для зависящихъ съ Вашей стороны распоряженій, имѣю честь покорнѣйше просить о послѣдующемъ по сему меня увѣдомить.

Дѣло № 8197, т. III, л. 1032—39.

Б. Рапортъ и. д. начальника устькаменог. уѣзда подполковника Халдѣева военному губернатору Семип. обл. 21 февраля 1878 г. за № 1024.

Алтайское Горное правленіе въ отношеніи своемъ къ Вашему Превосходительству отъ 1 февраля за № 317, препровожденнымъ ко мнѣ при предписаніи Вашего Превосходительства отъ 13 февраля за № 1643 поясняетъ, что вслѣдствіе жалобы довѣренныхъ отъ крестьянъ Бухтарминской крестьянской волости деревни Согорной. Сидора Лаптева и Карпа Булыгина, о стѣсненіи ихъ съ довѣрителями въ землепользованіи крестьянами дер. Медвѣдки и киргизами Устькаменогорскаго уѣзда Нарымской волости, особенно аульнымъ старшиною № 1, старшинства Бійке Такинымъ, просило меня сдѣлать распоряженіе, чтобы киргизы Нарымской волости ни въ какое время не переходили на правую сторону р. Бухтармы для кочевки или прокармливанія скота.

Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству: 1-е) Алтайск. горн. правл., принимая просьбу крестьянъ Лаптева и Булыгина, не обратило должнаго вниманія на то. что дер. Согорная находится на лѣвой сторонѣ р. Бухтармы, а не на правой, откуда всѣ киргизы до одной кибитки Нарымской и Чингистайской волостей нѣсколько лѣтъ тому назадъ выселены на лѣвый берегъ рѣки Бухтармы и кочуютъ по сѣверному склону Нарымскаго Хребта. 2-е) Если киргизы Нарымской волости и кочуютъ вблизи дер. Согорной, то, вслѣдствіе недавняго заселенія этой деревни, еще не могли пріискать мѣстъ для кыставовъ и устроить самые кыставы, да и кромѣ того, что вслѣдствіе существующаго въ средѣ крестьянъ своеволія, они сами, входя въ соглашеніе, дозволяютъ киргизамъ кочевать на ихъ земляхъ, что Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ представляемой мною при семъ копіи съ условія, заключеннаго крестьянами дер. Таловки (Солдатовой) съ киргизами Нарымской волости, сдѣланнаго вопреки моего распоряженія о выселеніи этихъ киргизъ, вслѣдствіе отношенія Бійскаго исправника, на территорію Семипалат. обл. Что же касается до выселенія этихъ киргизъ, то, кромѣ сдѣланнаго мною напредъ сего распоряженія, я съ симъ вмѣстѣ вновь предписалъ нарымскому управителю съ наступленіемъ ранняго весенняго времени выселить ихъ на территорію Семипал. обл., ибо въ настоящее зимнее время нахожу неудобнымъ лишать киргизъ теплаго угла, что можетъ повліять не-

благопріятно на здоровье каждаго изъ нихъ, на что испрашиваю разрѣшеніе Вашего Превосходительства.

Донося о семъ Вашему Превосходительству, я съ своей стороны покорнѣйше прошу не оставить войти въ сношеніе съ Томскою администраціею относительно воспрещенія крестьянскимъ обществамъ деревень, расположенныхъ по правую и лѣвую сторону р. Бухтармы, входить въ сношеніе съ киргизами Чингистайской и Нарымской волостей чѣмъ только можно будетъ положить конецъ перекочевкамъ киргизъ, ибо сіи послѣдніе, не зная русскаго закона, невольно вовлекаются въ ошибки.

Дѣло № 8197, т. III, л. 1073—1074.

IX.

(къ л. 51-му).

Контрактъ Чингистайскихъ киргизъ съ Главнымъ Управленіемъ Алтайскаго округа на пользованіе урочищемъ Чабанбаемъ.

Тысяча восемьсотъ девяносто шестого года, апрѣля девятаго дня мы нижеподписавшіеся, киргизы Чингистайской волости, Усть-каменогорскаго уѣзда, Чугуль Чотаевъ, Джаишкъ Курлюшбаевъ и Киданъ Джуромбаевъ, довѣренные отъ своихъ однообщественниковъ, заключили настоящій договоръ съ уполномоченнымъ отъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа, зыряновскимъ лѣсничимъ Козловымъ, о предоставленіи намъ въ арендное содержаніе для пастьбы скота пустолежащихъ земель, подъ названіемъ «Чабамъ-бай» на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1) Мѣстность на горахъ Чабамъ-бай уступается въ размѣрахъ до 500 кв. верстъ, въ смежности съ крестьянскими дачами деревень: Бѣлой, Фикалки, Черновой, Березовки, Берели, Арчатовъ и заселка Каменушинскаго, отъ горъ Бель-утау у Рахмановскихъ минеральныхъ ключей, на западъ отъ рч. Тополевки, съ юга на сѣверъ отъ крестьянскихъ земель до рѣки Катуни, куда входятъ слѣдующія урочища: рѣки Черная и Бѣлая Берели, озера Язевое и Черновое, вершины рѣчки Дерновой до рѣки Кедровой; озера Маралье и Хайрюзовое; вер-

шина рч. Бѣлой до впаденія рч. Сеничевой и правая сторона (по теченію) рч. Тополевки.

2) Означенную выше мѣстность Главное Управленіе уступаетъ намъ въ арендное содержаніе на десять лѣтъ, считая срокъ аренды съ 1 января 1896 г. по 1 января 1906 г.

3) Арендная плата назначается въ годъ по одной тысячѣ рублей, каковую мы и обязуемся вносить каждогодно въ два срока, а именно въ январѣ мѣсяцѣ пятьсотъ (500) рублей и въ іюлѣ мѣсяцѣ тоже пятьсотъ (500) рублей, а за невзносъ въ срокъ арендной платы взыскивается штрафъ по $^1/_2$% съ рубля въ мѣсяцъ, при чемъ продолжительность просрочки не можетъ продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ При невзносѣ же и въ теченіе льготныхъ мѣсяцевъ арендная плата съ штрафомъ взыскивается административнымъ порядкомъ, а намъ отказывается отъ аренды.

4) Какъ мы, такъ и довѣрители наши, за круговою порукою отвѣчаемъ за причиненіе мѣстному населенію убытковъ отъ потравъ полей и другихъ неправильныхъ дѣйствій.

5) Прогонъ скота обязуемся производить только по указаннымъ тремъ трактамъ, а именно: 1-й начинается отъ перевоза, находящагося по рч. Бухтармѣ въ 15 верстахъ на востокъ отъ дер. Березовки, пересѣкаетъ долину Бухтармы, выходитъ на перевалъ горъ и далѣе ключемъ до пустолежащихъ мѣстъ; 2-й, начинаясь въ 7 верстахъ въ западную сторону отъ дер. Черновой, проходитъ долину, поднимается на горы и далѣе Собачьей долиной до горы Щебенюхи; и 3-й—хребтомъ горъ по лѣвую сторону ключа Каураго, находящагося въ 10 верстахъ на западъ отъ поселка Каменушинскаго.

6) Никакихъ поборовъ съ кого бы то ни было мы производить не въ правѣ, даже и въ томъ случаѣ, если управленіе дозволитъ пастьбу на той же мѣстности и другимъ арендаторамъ.

7) Сроки для прогона скота на арендуемую землю и обратно назначаются съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 15 сентября по 15 октября.

8) Обязуемся, какъ можно осторожнѣе обращаться съ огнемъ въ лѣсу, раскладывая его только для крайней необходимости въ тихую

погоду и при томъ въ вырытой на одинъ аршинъ кругомъ ямѣ. При уходѣ съ мѣста не оставлять непотушеннымъ. Въ случаяхъ возникновенія пожара отъ какихъ бы то ни было причинъ, обязуемся, не ожидая понужденія, сейчасъ же приступать къ тушенію, при условіи кромѣ того немедленнаго извѣщенія объ этомъ ближайшаго лѣсного объѣздчика.

9) За неисполненіе какого либо пункта настоящаго договора нами, можетъ быть нарушенъ настоящій контрактъ, съ безусловнымъ запрещеніемъ дальнѣйшихъ кочевокъ на земляхъ Кабинета Его Величества, при чемъ арендная плата за тотъ годъ взыскивается во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ аренды было отказано и въ началѣ года.

10) Договоръ сей соблюдать намъ свято и ненарушимо, въ чемъ и подписуемся. (Слѣдуютъ подписи).

Копія этого помѣщена въ дѣлѣ Семипал. обл. правленія по прошенію довѣренныхъ отъ киргизъ Чингист. вол. Нурджана Кончубаева и Даира Урунтаева о разрѣшеніи имъ въ числѣ 100 кибитокъ кочевать по правую сторону р. Бухтармы, или о перечисленіи ихъ съ довѣрителями въ Бійскій округъ; отд. II; ст. I, по описи 1898, № 55, лист. 72.

X.

(къ л. 65-му).

А. Изъ донесенія семипалатинскаго губернатора степному генералъ-губернатору 13 марта 1900 года за № 1766.

« . . . Лѣтомъ прошлаго года была произведена сельско-хозяйственная съемка всей принадлежащей киргизамъ Чингистайской волости мѣстности, по сю сторону Алтайскаго хребта[1]), на протяженіи въ длину, съ востока на западъ, отъ китайской границы истоковъ р. Бухтармы, внизъ по теченію ея до поселка Урыльскаго, затѣмъ до Алтайской станицы, верховьевъ р. Нарыма и впадающей въ эту рѣчку

[1]) По другую сторону Алтайскаго хребта расположены нѣкоторыя лѣтнія стойбища киргизовъ Чингистайской волости, состоящія, главнымъ образомъ, изъ трудно доступныхъ горъ Алтая

—рѣчки Средней Теректы, предѣловъ Чингистайской волости съ Нарымской всего 140 верстъ, и въ ширину, съ сѣвера на югъ, между р.р. Бухтармою и Нарымомъ и Алтайскимъ хребтомъ, отъ полуверсты до пяти верстъ. Мѣстность эта представляетъ изъ себя сначала весьма узкую долину р. Бухтармы, постепенно расширяющуюся и доходящую, какъ выше указано, до 5 верстъ ширины; при чемъ самыя лучшія мѣста этой долины заняты казаками станицы Алтайской, селеніемъ Катонъ-Карагай и казачьимъ поселкомъ Урыльскимъ, а остальныя земли представляютъ изъ себя пастбищныя мѣста зимовыхъ стойбищъ киргизовъ Чингистайской волости, густо застроенныя ихъ избушками и около послѣднихъ распаханными пашнями и сѣнокосными землями. По измѣреніи всего снятаго на планъ пространства, владѣній киргизовъ Чингистайской вол., по эту сторону Алтайскаго хребта, оказалось земельныхъ угодій въ пользованіи киргизовъ слѣдующее количество: пашни съ перелогами—2614,03 дес., степи удобной для пашни—6493,86 дес., сѣнокосовъ чистыхъ и по лѣсамъ и кустарникамъ—9075.05 дес., пастбищныхъ мѣстъ чистыхъ, открытыхъ и по лѣсамъ и кустарникамъ—9303,11 дес.; итого хозяйственныхъ угодій 27486,05 дес. и разныхъ категорій неудобныхъ мѣстъ—24418,89 дес., а всего во владѣніи киргизовъ—51904,94 дес. удобной и неудобной земли. Кромѣ того рядомъ съ зимовыми стойбищами расположены по крутымъ и высокимъ скатамъ Алтая,—лѣса малодоступные для пользованія ими, какъ пастбищами—28404,79 дес.; а всего земли въ районѣ Чингистайской волости по сю сторону Алтайскаго хребта, вмѣстѣ съ лѣсами—80309,73 дес. Принимая численность киргизовъ Чингистайской волости въ 1789 кибитокъ, удобной земли, состоящей въ ихъ владѣніи, придется по разсчету на одну кибитку 15 десятинъ. Такая недостаточность земельныхъ угодій, со времени отобранія отъ киргизовъ земель подъ станицу Алтайскую, д. Катонъ-Карагай и поселокъ Урыльскій, побудили ихъ арендовать ежегодно кабинетскія земли въ Томской губ. По собраннымъ областнымъ землемѣромъ свѣдѣніямъ, оказалось, что киргизы Чингистайской волости арендуютъ постоянно изъ земель Кабинета Его Величества урочище Чобанбай, за которое уплачиваютъ ежегодно по 1054 руб., да кромѣ того по охраненію гра-

ницъ этого урочища отъ перехода скота и за происходящія оттого потравы расходуютъ на штрафы и разныя сдѣлки послѣ потравъ еще 658 р. 24 коп. (цифра штрафныхъ издержекъ за 1899 г.), а всего въ общемъ расходуютъ на арендованныя земли 1700 руб. въ годъ. Большинство киргизовъ, раззоренныхъ въ 1894—1895 г.г. отрѣзками отъ нихъ зимовокъ-строеній съ пашнями и сѣнокосами, для дополнительнаго надѣла станицы Алтайской, принуждены были, за недостаточностью земель въ волости, поселиться въ Томской губерніи на кабинетскихъ земляхъ, такъ, что 1-е старшинство волости, въ количествѣ 164 кибитокъ, и часть 2-го около 40 кибитокъ, совершенно выбрались изъ области въ Томскую губернію и тамъ ведутъ свое хозяйство на правахъ аренды.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, считаю своимъ долгимъ доложить, что, хотя въ раіонъ Чингистайской волости и входятъ земли, лежащія за Алтайскимъ хребтомъ, но онѣ представляютъ изъ себя исключительно только горныя лѣтнія стойбища, недоступныя зимою по случаю глубокихъ снѣговъ, а потому непригодныя для зимовыхъ стойбищъ. Мѣста эти посѣщаются киргизами, но только лѣтомъ, для пастьбы скота и преимущественно зажиточными, при условіи сильной охраны отъ сосѣдей урунхайцевъ, частовременно угоняющихъ скотъ въ китайскіе предѣлы.

По изложеннымъ обстоятельствамъ я прихожу къ заключенію, что киргизы Чингистайской волости и въ настоящее время не имѣютъ достаточно необходимыхъ земельныхъ угодій, почему частью арендуютъ угодья въ Томской губерніи, а частью совершенно туда выселились, а потому сдѣлать еще какія либо отрѣзки отъ земель Чингистайской волости не представляется возможнымъ, о чемъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

(Дѣло Семипал. обл. правленія, межевое отдѣленіе, по описи 1901 г. за № 7, о надѣлѣ казаковъ поселка Урыльскаго землею изъ владѣній киргизъ и о производствѣ сельско-хозяйственной съемки Чингистайской волости Устькаменогорскаго уѣзда, вслѣдствіе предполагаемаго обмѣна угодій).